

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

2. 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8.

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологи-
гий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»

**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магомадов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81

Е-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru

Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит четыре раза
в год. 16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Машар АЙДАМИРОВА. *Царство Симсим*. Роман.....2
Абузар АЙДАМИРОВ. *Великий друг угнетенных*.....26
Александр КАЗБЕГИ. *Пастушеские воспоминания*.....30
Иса ЗАКРИЕВ. Рассказы.....81

НОХЧИЙН МЕТТАН ДЕ

ХАЛИДОВ Супьян. *Боданашкахь ойланаш*. Стихаш.....22
ДЖУНАИДОВ Аюб. *Дайн лорах*. Рассказ.....54

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Наталья ВОЗЖАЕВА. *Она везде*. Стихи.....50
Рашад МАХМУДОГЛЫ. *Раздумья*. Стихи.....94

ПОЭЗИЯ

Андарбек МАГОМАДОВ. *За рекой в тени деревьев*.
Стихи.....46
Асламбек ТУГУЗОВ. Алибек-Хаджи.
Фрагмент поэмы.....69
Аслан МУСАЕВ. *Чеченец я*. Стихи.....76

РЕЦЕНЗИЯ

Хаваш НАКОСТОЕВ. *Поэт, зажигающий светильники
свободы*.....2

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дженни КАТЫШЕВА. *Творение стихов в прозе*
Исы Закриева.....91

ДЕБЮТ

Хеда МУСХАНОВА. *Когда в душе теснится грусть...*
Стихи.....98

КУЛЬТУРА

Асет ВАЗАЕВА. *Как мечты сбываются?*
Очерк.103

ПАМЯТЬ

Саламбек АЛИЕВ. *Возвращение домой*.....110

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

izdatel_dom_chr

izdat_dom_chr2022

Проза

Машар Айдамирова

Царство Симсим

Роман

Часть первая

Оковы для гор

Пролог

В холодную зиму 1239 года ко дворцу правителя Алании с раннего утра съезжались люди. Военные, царские советники, представители духовенства разных религий, богатые купцы, послы, уважаемые старейшины – главы многочисленных общин.

При таком столпотворении неизбежно следует шум и гвалт, вокруг бесконечная беготня, резкие окрики и возгласы рассекают воздух, люди собираются группами, о чем-то таинственно шепчутся, украдкой обмениваются взглядами – с любовью, ненавистью или скользят напуганным равнодушием.

Но на этот раз все иначе.

Люди бесшумно стекаются в главный зал великого правителя Тура. У всех озабоченный, растерянный вид, в глазах нескрываемый испуг, лица серые, обескровленные надвигающейся неминуемой бедой. Губы, запечатанные страхом, замерли в молчаливом вопросе.

Правитель Алании восседал на своем троне, белые руки с длинными пальцами, когда-то крепко державшие тяжелый меч и безжалостно разившие врага, бессильно покоятся на коленях. Белоснежная борода ниспадает до груди, под шелковыми усами тонкие губы с волевым изгибом, прямой нос, широкий, открытый лоб исчерчен глубокими морщинами. Глаза, излучающие добро и милосердие, сегодня затянута пеленой вселенской тревоги.

Все замерли в почтительном внимании.

Тур всматривался в лица приглашенных на совет, созданный в связи со сложившимся военным положением. Взгляд невольно остановился на главнокомандующем войска Ботре, который с невозмутимым, даже вызывающим видом, чуть с усмешкой поглядывал в его сторону. Его брат Матарша с сыном Илесом тоже как-то с подозрительной блаженностью расселись в первых рядах. Да и все его, Тура, родственники не особо озабочены надвигающейся опасностью вторжения беспощадного захватчика. Запоздалая догадка больно кольнуло сердце, легкой испариной покрылся благородный лоб. Но Тур тут же овладел собой, под непроницаемой маской хладнокровия глубоко спрятал признаки мгновенно вспыхнувшего гнева, и властным голосом обратился к присутствующим:

– Братья, не будем тратить лишних слов и драгоценное время на пустые разговоры. Все вы не хуже меня осведомлены о событиях... Захватчики не обойдут нас стороной, нагрянут и на нашу страну. Насколько мы готовы встретить непрощенного гостя? Прошу вас, будьте кратки, доложите о самом главном... Полководец Ботр, в каком состоянии войско, откуда прибыло подкрепление, готова ли армия ополченцев сразиться на поле боя?

Ботр ответил не сразу. В наступившей тишине тягостно зависла затянувшаяся пауза.

– Мы слушаем тебя, Ботр! – в тоне правителя прозвучали нотки недовольства.

Главнокомандующий слегка подался вперед, вызываясь подбоченился и с резкостью, свойственной военным, громко объявил:

– Правитель, мы не в состоянии тягаться с врагом, в сотни раз превышающим не только численностью, но и вооружением. Ждать извне помощи нет никакого смысла... Народное ополчение не спасет ситуацию, горцы еще не выставили дружин – все заняты самообороной...

– И что ты предлагаешь? – Тур уже понял, к чему клонит главнокомандующий.

– Ни одна страна, ни один народ не смог противостоять натиску кочевников... Зачем лишние жертвы, бессмысленное сопротивление, лучше примем их условия, во имя спасения страны, народа...

По залу прошелся неодобрительный гул.

– О чем ты, Ботр? Какие условия? Кому собрался поверить?

– Слышали мы об их милосердии...

– И видели! Раны не успели зажить от первого нашествия...

Люди все больше и больше распаялись в гневе. Трусливые слова побежденного без боя Ботра дали свободу праведной ярости защитников Магаса.

– Не отдадим Магас!

– Все погибнем до единого, но не сдадимся!

– Весь народ вышел, роет рвы, сооружает заслоны, укрепляет стены! А Ботр слушает слащавые посулы захватчиков...

– Может, уже хлеб-соль подготовил к встрече...

Тронный зал гудел как пчелиный рой. Только молчат в первом ряду. Правитель встал во весь рост, поднял руку, призывая к тишине.

– Братья, мы знаем, Ботр не из трусливых, иначе он не возглавлял бы столько лет армию, успевшую покрыть себя славой. Храбрости и отваги ему не занимать. Думаю, он просто озвучил свои опасения, чтобы мы тоже взвесили все за и против. Не так ли, Ботр?

Главнокомандующий слегка склонил голову в знак согласия.

– Да, враг силен, его армия не знает поражения, их много... очень много. Но если мы все объединимся, станем в сотни раз сильнее любого врага, ступившего на нашу землю. В единстве наше сила. Я отправил гонцов во все уголки Алании, я верю в наших братьев-соседей... Будем готовиться к беспощадной войне. Первый раз ушли ни с чем, и на этот раз тоже придется!

Долго еще обсуждали план действия, кто где должен находиться, чем заниматься, за кем какие оборонительные участки закреплять. Лишь к вечеру, уставшие, но уже ободренные духом своего мужественного правителя, разъехались по домам.

Глубокой ночью в дверь правителя тихо постучали. Гонец передал свернутый пергамент, запечатанный сургучом, и бесшумно исчез в объятиях мрака.

Тур развернул донесение, от него обдало ядовитыми парами измены.

Предательство!

Что может быть хуже?

Оно окружает тебя со всех сторон. Источает яд. Его смертельный укус прожигает тело, пронзает душу, парализует мысли. Давит. Ломит. Душит.

Тур поднял отяжелевшие веки, обвел подслеповатым взглядом опустевший тронный зал. Тоже пропитанный зловонием предательства, лицемерия, двуличия. Только сейчас он почувствовал свою полную беспомощность, вместе со страхом и безысходностью. Вражеский стан словно спрут у стен города. И не только. Коварные щупальца проникли в царские палаты, обвили его старческую шею, подступили к горлу, упиваясь немощью правителя – окружение выторговало для себя жизнь и блага. На торги выставили честь и свободу. И кто? Его ближайшие родственники, которым он доверял больше, чем себе.

Вместо того чтобы поддержать его, объединить силы и дать достойный отпор, ополчились против него. Исподтишка. Заранее стоворились с проклятыми чингизидами. Что, не смог предотвратить измену, разорвать круг заговора? Что помешало? Глаза отуманили родственные узы? Или годы одолели разум, ясность ума? Ведь возраст тоже дает свои плоды, и не всегда зрелые.

Может быть. Но еще старца подвело доверие, которое рухнуло в одночасье от пронзительной боли всаженного ножа в спину. Рядом не оказалось сильной, надежной опоры.

Да, именно опоры не хватило, его старшего сына Гайры, который задержался в дальнем походе. Его отсутствие позволило сорваться с привязи своре бешеных собак. Где же ты, сын? Вернись, спаси своего обескровленного отца!

В дверях показался начальник охраны.

– Где Ботр и все остальные? – гневно спросил Тур.

– Правитель, их нигде нет.

– И куда они могли исчезнуть?

– По моим сведениям, еще ночью все успели выехать из города. Видно, заранее готовились к бегству. И еще... – охранник слегка замялся.

– Говори.

– Армия...

– Что, армия?

– Ботр ушел с армией.

– Куда?

– Боюсь даже подумать об этом...

– Ясно, – Тур тяжело откинулся на спинку трона.

В открытые двери вбежал молодой человек.

– Отец!

– Аслан?! – вскинулся Тур. – Ты же отправился за братом? Где Гайра?

– Отец, ты не все знаешь, – с горечью сообщил сын. – Ботр закрыл все входы и выходы, твои гонцы убиты, ни один из них не дошел до гор за подмогой. Я еле вырвался из засады. Мы думали, у нас есть время, успеем подготовиться к осаде... но... но монголы совсем близко. Три дня пути, если не меньше, и

они будут здесь, у стен Магаса. Они как смерч. Ботр с войском отправился им навстречу... я сам, своими глазами видел, как он приветствовал наших заклятых врагов.

Дворец вмиг ожил, всполошился. Гонцы поспешили во все уголки города с поручениями от правителя. Полным ходом шли оборонительные работы – это была первая схватка с врагом, поставившим на весы время.

Все, от мала до велика, бросились на защиту города. Запасались питьевой водой, едой, дровами. К бойницам крепостных стен подкатывали огромные камни, бочки с маслом, камнеметы – все, что необходимо для отражения вражеской атаки.

Во главе женщин – красавица Зубаржат, жена Гайры. Она отдает приказы, сама трудится наравне с другими. Ее голос раздается то здесь, то там, она успевает всюду – приласкать испуганного ребенка, успокоить встревоженных матерей, сестер, воодушевить их на подвиг с уверенностью на победу.

Везде Зубаржат, у всех на виду.

Только правитель Тур, ее свекр, не видит, не слышит невестку.

Не видит, не слышит потому, что она старательно избегает его, прячется. Ей невыразимо стыдно предстать перед благородным Туром. Ведь братья Ботр и Матарша – ее родные дяди, и многие из тех, которые так жестоко предали своего правителя – ее ближайшие родственники. Она столько слез выплакала за проступок родни. Как теперь смыть этот позор, клеймо... по седьмое колено. Что она ответит на вопрос еще не родившемуся дитя, которое она носит под сердцем, кто ее родня по матери? Подлые предатели? Изменники?

О, как она молила Всевышнего о достойной смерти на поле брани, чтобы своей кровью смыть пятно позора!

– Зубаржат!

Как гром с небес прозвучало ее имя у самого уха. Она вздрогнула, будто ее окатили холодной водой. Кровь хлынула к разгоряченной голове.

Перед ней стоял Тур.

Старец за ночь заметно осунулся, глаза глубоко впали, белоснежная борода, казалось, посерела – краска от душевной муки.

Молодая женщина закрыла лицо тонкими руками, слезы хлынули из глаз, заплакала беззвучно.

– Зубаржат, дочка, ну что ты? Не плачь! – Тур по-отечески обнял невестку.

– Простите меня, отец! – сквозь душившие рыдания еле выговорила она.

– За что мне тебя прощать? – ласково спросил он.

– За предательство моих... моих!.. – к горлу подступил ком, мешая выговорить ставшее уже чужим слово «родня».

– Так вот почему ты бегаешь от меня! Глупенькая! Разве одни твои близкие меня предали? А мои? Первыми побежали к врагу мои же единокровные братья, – едва заметно улыбнулся Тур. – Здесь нет твоей вины! Даже думать не смей об этом. Ты моя смелая, отважная дочь, и я горжусь тобой!

Зубаржат чуть успокоилась, охрипшим голосом проговорила:

– Гордиться нечем, отец.

– Как нечем? Вон какую бурную деятельность организовала! Молодец! Настоящая женщина-турпал¹, достойный бриллиант короны правителей Алании!

¹ Турпал – герой, героиня.

Зубаржат улыбнулась сквозь слезы:

– Ты только скажи, отец, что мне делать, я с радостью исполню любое поручение!

– Ты уже сделала очень многое. Довольно. Теперь, пока враг не появился у стен города, не теряя времени, соберись и уезжай в горы, в наше родовое имение.

Молодая женщина вспыхнула.

– Почему?

– Так надо.

– Нет, я никуда не поеду.

– Это даже не обсуждается, – повысил тон Тур. – Ты поедешь, и немедленно. На этот раз с тобой говорит не отец, а правитель Алании.

– Прости, правитель, за мое ослушание, я не могу покинуть вас всех в этот трудный час. Или я расценю твой приказ, как изгнание за измену моей родни, – отчужденно произнесла Зубаржат.

– Думай, что хочешь, но чтобы я больше тебя не видел в городе! Собирайся!

Женщина упрямо замотала головой:

– Я тоже умею драться не хуже любого твоего воина! Сегодня каждый сурхо² на вес золота.

«Доблестная жена воина. Молодец, Гайра, хороший выбор!» – Тур остался доволен невесткой, но вслух отрезал:

– Сурхо, говоришь? А разве воины не должны подчиняться приказу своего правителя? – холодный взгляд свекра остудил воинский пыл невестки. – Мне некогда уговаривать тебя, не заставляй меня переживать за тебя, и так хватает забот.

Тур круто повернулся, вскочил на коня и помчался к сторожевой башне.

Зубаржат тяжело вздохнула и бессильно опустилась на деревянную скамейку. К ней подошла старая няня, которая заботилась о ней с первых минут ее жизни. Она слышала весь их разговор.

– Воевать она собралась! – заворчала Насипа. – Тебе не о войне надо думать, а о родах. Твой свекр потому тебя отсылает, что хочет обезопасить и тебя, и внука своего. А ты? Заладила, «не поеду», мол «не хуже воина!» Поедешь, как миленькая, сама отвезу! Не хочешь, силком поташу!

– Нет, Насипа, ты не понимаешь. Пусть даже по приказу правителя, но это в глазах народа будет выглядеть трусливым бегством невестки. Скажут: кровь предателей выграла. Нет, нет, я не могу допустить подобных кривотолков. Пусть отец разгневается, но я буду рядом. Что бы ни случилось.

Защитники крепости, уставшие от долгого ожидания неизбежного сражения, уставшие бояться и думать о предстоящих боях, теперь словно окаменели. В глазах неукротимый блеск, руки крепко сжимают оружие. Они готовы в любую минуту броситься в объятия смерти и с победным кличем «Свобода или смерть!» отдать свою жизнь во имя жизни других.

Тур стоял у бойницы в окружении своих немногочисленных преданных вассалов, поклявшихся до последней минуты быть рядом с правителем. Все молча следили, как за надменными послами закрылись железные ворота.

² Сурхо – воин.

Защитники не приняли их условия сдачи крепости и они, напомнив им об угрозах своего хана в случае отказа, с мрачным видом удалялись к стану кочевников.

Правитель тяжело вздохнул. Окинул взглядом вершины гор – не успели дружины горцев прорваться к Магасу. Монголы плотным кольцом окружили столицу, не то что человек, птица не сможет долететь. Вся надежда на Всевышнего.

– Готовиться к обороне! – зычным голосом прогремел Тур.

Гонцы поспешили передать приказ, военачальники приступили к своим обязанностям. Крепость словно ожила от летаргического сна, все пришло в движение: громкие окрики, бряцанье оружия, ржание коней, все заняты, каждый знает свои обязанности, женщины, даже дети, не сидят без дела.

«Не успели всех отправить в горы!» – с горечью подумал Тур, взглядываясь в осунувшиеся лица женщин, детей и стариков. Вдруг заметил среди них до боли знакомую женскую фигурку, явно скрывающуюся под лохмотьями, чтобы ее не узнали. Но ее выдавали царские манеры и беспрекословное повиновение окружающих.

Зубаржат?!

Не может быть!

Он же повелел ей покинуть город, отправиться в родовое имение! Вот упрямая девчонка!

В следующую минуту он гневно допрашивал Насипу.

– А что я могу? – оправдывалась пожилая женщина. – Вы же знаете ее, никого не слушает.

– Надо было мне сказать.

– Я собиралась, но Зубаржат строго запретила. Говорила, не может оставить вас в беде...

– Ты же знала, почему я ее отсылал...

– Да, но твоя невестка отвечала, что и другие женщины тоже готовятся стать матерями, их невинные дети так же дороги их отцам, дедушкам и бабушкам... На каждый довод она находила свой ответ, – ломая руки, причитала Насипа.

– Хорошо, иди и передай Зубаржат, что... она в ответе не только за себя, но и за моего внука.

Всю ночь Тур провел в тревоге. Магас потерял покой, обычная тишина ночи исчезла, время будто остановилось между мраком и светом, заставляя все живое вокруг лихорадить под гнетом неизбежной смерти. Внизу под стенами и на равнине загорелись тысячи огней, словно небо упало на землю и разбросало горящие звезды. Это монголы всю ночь напролет жгли костры, языки пламени которых на низких тучах отражались багровыми отблесками. Покрытые инеем защитники города не смыкали глаз и сквозь бойницы всматривались вдаль, наблюдая за тем, как вражеский стан готовится к штурму Магаса.

Вот уже и солнце поднялось, пробежавшие по снежной равнине его холодные лучи осветили черные скопища захватчиков, разворачивающиеся для наступления на свою очередную жертву.

С раннего утра подошли к стенам крепости. Словно кровожадные гиены, окружили добычу, решают, с какой стороны напасть, нанести смертельную рану. Тащат за собой разные лестницы: и связанные из нескольких коротких

тесин, и сбитые сосновые лесины с перекладами, также наспех сколоченные из длинных бревен с двухсторонними зарубками.

Захватчики заученными движениями приступили к штурму. Монголы что-то орала на своем гортанном языке, слышны были стук топоров и вопли пленных аланцев, отказывающихся идти на приступ – их беспощадно истязали ударами плетей, оставляя по всему телу багровые следы.

И вот раздался заунывный визг дудок, подбадривающих дух нападающих перед штурмом. Лестницы стали выдвигаться на стены одновременно со всех сторон.

Первыми заставили ползть аланских пленных, подкалывая сзади копьями. Многие из них, не желая биться со своими же братьями магасцами, в середине пути бросались вниз, из последних сил сражались с ненавистным врагом и, искромсанные и изрубленные, замертво падали на землю.

Аслан стоял у бойницы, мечом и топором яростно отбивая поднимающихся по лестнице. Показались концы сразу трех лестниц. По ним быстро, один за другим, угрожающе рыча, с невероятной ловкостью карабкались монгольские воины.

– Смотрите, как Матарша выслуживается перед захватчиками! – раздался возмущенный голос со сторожевой башни.

– Подлый предатель!

Матарша вон из кожи лез, пытаясь доказать свою преданность и самоотверженность новым хозяевам. Носился по полю сражения, громко, так, чтобы слышали монгольские военачальники, отдавал приказы своей армии, указывал на стены, требуя подниматься по лестнице. Но аланцы не торопились исполнять приказ своего полководца-изменника. Тогда Матарша, подавая пример остальным, сам ринулся вперед, неуклюже повис на лестнице. Тут же носятся и Ботр с другими продажными полководцами.

Тур и его сподвижники с отвращением наблюдали за раболепством предателей.

В этом адском грохоте Аслан едва уловил громкий крик на родном языке, совсем рядом. Он узнал его – это был баччи горских дружин, переодетый в монгола, который тщетно пытался подняться на стену.

– Астамар, держись за мою руку!

– Скорей, скорей! – ему помогли перевалить через каменную стену.

– Гайра приближается... Надо открыть потайные ворота! – с трудом выговорил он. – И еще... воины Матарши скоро поднимутся... помогите им... они будут сражаться вместе с нами... полководцы обманом привели их во вражеский лагерь...

Вскоре защитники города дружно встретили своих боевых друзей и с удвоенной силой вступили в бой с непрощенными гостями.

Женщины самоотверженно помогали своим братьям – выливали ведра кипящей воды и масла на штурмующих, бросали в них камни и глыбы льда.

К полудню штурм был отбит.

Враг притих и отошел. Но ненадолго.

Целых две недели, днем и ночью, монголы посылали на приступ бесчисленные отряды. Магасцы упорно стояли на своих местах, ряды уменьшались, и некому было их заменить. Женщины становились на место павших героев, и погибали с оружием в руках.

К главным воротам, волна за волной, подъезжали все новые и новые татарские всадники. Оставляли коней внизу, лезли вверх по осадным лестницам.

Защитники города видели, что силы их слабеют, понимали, что конец близок.

В самый разгар осады до слуха Тура донеслась радостная весть:

– Правитель, к воротам приближается Гайра со своим войском!

– Правитель, твой сын прорвался сквозь кольцо врага!

– И он привел с собой дружины горцев!

Сердце Тура гулко забилося.

Гайра вернулся! Его сын! Наконец-то!

Только теперь он почувствовал всю усталость, осознал свою старость, немощность. Будто сын подставил свое молодое, могучее плечо.

И отец покорно принял эту опору.

Тяжелые ворота впустили уставших воинов, на многих торчали стрелы, лица окровавлены, запыхавшиеся кони вздрагивают от бешеной скачки.

Еще не успели закрыться ворота, а громовой голос неутомимого Гайры уже слышен на всю крепость: воин отдавал приказы, укреплял ослабевшие гарнизоны, своим неукротимым видом вдохновлял павших духом. Зубаржат с нескрываемым восхищением следила за мужем, благодарила Бога, судьбу за возвращение любимого, в котором нуждалась не только она. На него возлагали большие надежды его отец, защитники Магаса.

Бой кипел, не переставая. Граница дня и ночи уже давно стерлась, люди не знали ни отдыха, ни сна. Стены больше не выдерживали тяжелых ударов камнеметов, кидающих не только камни, но и пылающие огнем смоляные снаряды, гром осадных орудий и свист стрел оглушали до безумия.

– Астамар, защищай левое крыло, оно больше всех пострадало!

– Хорошо, Гайра! – немедленно взялся исполнять приказ отважный горец. – Все за мной!

Одного взгляда хватило, чтобы понять бессмысленность оборонять эту грудку камней. Огромная пробоина зияла, как застывший крик безысходности, через которую могла свободно проскочить целая армия.

Что же делать? Они лихорадочно искали выход из критического положения. Внимательно осматривая руины, заметил деревянные столбы, накренившиеся от тяжести каменных завалов.

– Тархан, Алмаз!

– Слушаем, баччи³!

– Нужно быстро разобрать руины, вытащить бревна, соорудить что-то вроде заслона...

Тархан прикинул в уме, заговорил глухим басом:

– Может, лучше заделать пробоину... и быстрее и надежнее будет.

– Времени нет на поиски строителей.

– А зачем искать-то? Вот он я! – хлопнул в ладоши Тархан. – Забыл? Я же потомственный строитель!

– Тогда за дело, – воодушевился баччи.

Все дружно взялись за работу, но постоянные вылазки монголов мешали им докончить задуманное. Дружина изо всех сил пыталась удержать натиск врага, но они все лезли и лезли, как муравьи. И все-таки ночью заделали

³ Баччи (баьчча)– вождь.

брешь, да еще Тархан с Алмазом умудрились натаскать кучу бревен и возвести из них вторую стену.

Вот уже почти три месяца бьются магасцы, показывая невероятную храбрость и мужество. Воины еле держались на ногах, они уже перестали узнавать друг друга – лица были залиты кровью, одежда висела лохмотьями, голоса охрипли.

Тур устало наблюдал за ожесточенным боем. Каждый удар камнеметной машины будто по нему бьет, отдается в сердце, и душа словно от тела отдалается. Вот уже к воротам подползли два тарана – большие бревна с железными концами, подвешенные на прочных подставках. Монголы, прячась за кожаные щиты, раскачивали бревна и со страшной силой ударяли ими в городские ворота. Еще немного, и ворота расколются. Враг не прекращал натиска, снова и снова посылал по лестницам отчаянных воинов, старавшихся сломить упорство магасцев.

Старший сын на скаку спрыгнул с коня, подбежал к Туру, с тревогой всмотрелся в лицо, покрывшееся мертвенной бледностью.

– Отец, иди в палату, отдохни, ты должен сохранить остатки сил...

Тур, не оборачиваясь, прервал его:

– Все, Гайра, это – конец!

– Нет, отец, не говори так.

– Но ты же видишь, нет смысла дальше бороться... Люди измождены. И не только сражениями. Новые враги – голод и холод – валят их с ног, нельзя обрекать людей на бессмысленную смерть...

Гайра нахмурился:

– Ты предлагаешь сдать на милость врага?

– Я не вижу другого выхода, – с горечью ответил старец.

– Значит, получим пайцзу, преклоним колено и позволим надеть рабское ярмо?

Тур бессильно развел руками.

– Не бывать этому! – задохнулся от гнева Гайра. – Я буду бороться до конца!

– Так нельзя, Гайра, подумай о них! – старец дрожащей рукой указал на женщин и детей, которые из последних сил пытались помочь защитникам крепости. Совсем маленькие, исхудавшие и охрипшие от надрывного плача, цеплялись за подол платьев матерей, непрерывно мечущихся между ними и бойницами, наравне с воинами сражавшихся за жизнь своих детей. Двое малышей, побжавших за ними, упали, сраженные стрелами захватчиков.

– Думаешь, эти варвары пощадят их?! – воскликнул Гайра. – Отец, очнись, нельзя им верить, ни единому слову!

– И все-таки, придется договариваться о мире, я не могу допустить напрасные жертвы этих несчастных.

– И когда ты собираешься поднять белое знамя? – упавшим голосом спросил Гайра.

– Завтра, с первыми лучами солнца... Нельзя больше медлить. Послушай меня, сын, мне осталось жить недолго, пожалуйста, смирись и позаботься о своем народе... Я верю, ты справишься...

Гайра с болью всматривался в изможденное лицо старого родителя, на котором печать судьбы вывела свой отпечаток неизбежной смерти. Сыновнее сердце дрогнуло, он обнял отца, почувствовал дрожь его немощного тела, которую правитель так старательно скрывал ото всех, даже от него.

– Отец, прости, но я не могу пойти на это. Лучше позволь мне покинуть крепость, прежде чем заклятый враг переступит городские ворота. Я не сложу оружие и не склоню голову, тем более не преклоню колени перед этими гиенами.

Тур еле сдержал слезы, лишь безвольно обмяк в объятиях сына. Сердце подсказало: последний раз видит сына, не удержать его ни любовью отца, ни указом правителя Алании.

– Хорошо, сын, поступай так, как велит сердце. Знаю, ты не посрамишь династию правителей. Главное, не ищи смысла там, где есть умысел... И еще, запомни – меч может заржаветь, но не истина. Когда будешь проигрывать, постарайся извлечь из этого урок, а то и пользу... Ну все, иди, иди... отдаю тебя в руки Всевышнего!

Под покровом ночи Гайра с горсткой своих храбрецов тайно покинул охваченную пожаром столицу и устремился в спасительные горы.

Непокорный сын Тура – Гайра, еще не знал, что с этого момента начал путь освободительной борьбы с ненавистными монголами длиною почти в два столетия, которая с каждым поколением будет возрождаться под теми же именами благородной династии правителей Алании.

Глава 1 Судьба мятежника

Мужчина твердой поступью поднимался по каменистой тропе, серпантинном, словно лиана, вьющейся вокруг могучего гранитного ствола остроконечной вершины горы. Несмотря на крутизну подъема, он не чувствует усталости – широкая спина ни разу не согнулась под тяжестью оружия, ставшего неотъемлемой частью своего хозяина. Красивое лицо воина, словно сошедшее с полотна величайших мастеров кисти, осенено небесной печатью – в каждой клетке тонких черт спокойствие и сдержанность, выработанные ударами судьбы сквозь горнило отрицания и глумления.

Еще один поворот, и тропа, распрямившись, вонзилась в каменную твердь. Мужчина вышел на скальный выступ, с шумом вдохнул полную грудь чистого воздуха, оглянулся на пройденный путь и окинул взором освещенную звездами долину и осиянные лунным светом горные вершины.

Действительно, нет ничего величественнее гор! Человек не в силах тягаться с ними – гранитные исполины с насмешкой глядят на него со своего недосягаемого величия.

Гайра не в первый раз на этой орлиной высоте, ставшей для его рода сакральным местом. Здесь раздолье для пытливого ума и горьких дум. А думы у него длинные, как эта тропа, и так же вьются они кругами, возвращаясь все к одному и тому же месту. Мужчина грузно опустился на каменное ложе, вырвавшееся из цепких объятий пещерных плит, облокотился на выступ скалы, словно перст, указывающий в сторону стана Золотой Орды, ставшего для свободолюбивых горцев ярмом на кровоточащей шее.

Перед утомленным взором вновь и вновь вставали отуманенные болью картины прошлого.

Чингизиды, палачи Азии, начинали свой путь к величию с истребления стран и народов, внушая покорившимся подданным повиновение под страхом смерти.

Аланию тоже постигла участь покоренных государств. Монгольские захватчики во время нашествия и в период своего господства застали на Северном Кавказе феодальную раздробленность, междоусобицы, этническую пестроту, приводившие к разобщенности, и воспользовались этими обстоятельствами в своих интересах.

В ту эпоху Алания уже утратила свои многочисленные территории. Прежде ее просторы достигали Междуречья Дона и Волги и доходили до двух морей. Теперь же эти земли занимали народы, которые прежде были частью целого общества.

Основным очагом аланской цивилизации были долины рек Кубань и Терек со своими бассейнами, где обитали аланский народ и множество других малых народностей.

Правитель Алании, эла Тур, преданный княжескими семействами ради власти, не смог противостоять нашествию жестокого врага. Узнав о намерении монголов идти войной на Запад, князь области Ботр вел с ними тайные переговоры об установлении администрации под его руководством после планируемого похода монголов в Аланию.

Старшего сына правителя, Гайры, опоры и надежды отца, не оказалось рядом с ним в то тяжелое время – он участвовал в походе против кубанских черкесов. Подлые изменники не замедлили воспользоваться его отсутствием, и Ботр, вместе с братом Матаршой и сыном Ильясом, приложил все усилия, чтобы захватить столицу Алании. Путь к Магасу преграждали густой лес, топкие болота, и монголы прокладывали себе широкую дорогу, вырубая вековые деревья.

Началась зимняя осада Магаса.

Гайра не успел вовремя добраться до осажденной крепости, но ему удалось вытеснить часть армии неприятеля и с боем пробиться в город. Сын застал отца в полном отчаянии, сломленным предательством приближенных. В обороне Магаса, в числе других женщин, принимала участие и супруга Гайры – благородная Зубаржат. Она тяжело переносила измену Ботра и переход ее родственников на сторону захватчиков. После долгой, изнурительной осады было решено вывести ее из крепости потайными ходами в горы – она готовилась стать матерью и дать престолу наследника. С трудом добрались до родового гнезда, и вскоре на свет появился мальчик – Тарх, будущий предводитель освободительной борьбы непокорных горцев.

После длительной осады монголы захватили столицу, устроили полный погром – запылали пожары, улицы разлились потоком людской крови. Падение Магаса окончательно сломило старого правителя. Тур признал владычество монголов и получил от них ярлык – золотую пайцзу на управление своими угодьями и подвластным населением. Гайра отказался покориться врагу. Он тайком вырвался из сожженного города, собрал войско и оказал кочевникам яростное сопротивление. За непокорность сына монголы жестоко расправились с Туром. Сначала ослепили его, затем четвертовали.

С казнью правителя началась борьба за власть в промонгольской администрации Алании. Ботр и родственники элы Тура сцепились между собой, словно бешеные собаки, за освободившийся трон. Но монголы дали предпочтение другому.

Ботр же, ради упрочения своего авторитета и власти, предпринял ряд хитростей для разобщения клана, что привело к сражению между монгольскими частями – с одной стороны, и воинами Гайры – с другой. После кровопролитного сражения последним пришлось отступить.

Долгих двенадцать лет продолжалась борьба горцев против степных захватчиков и прекратилась со смертью предводителя – бесстрашного Гайры. Лишь в 1253 году вновь пронеслась волна освободительного движения непокорных горцев под предводительством молодого вождя Тарха, сына Гайры. В 1278 году, ровно через сорок лет после падения Магаса, Тарх организовал крупное восстание алан, для подавления которого хан Менгу-Тимур вынужден был привлечь дружины князей ордынских сатрапий – русов. Был осажден крупный аланский город Деяков.

Восстание было подавлено, город сожжен и разграблен. Тарх со своими сподвижниками был вынужден отступить в горы, выше озера Кезеной-Ам. Погоня монголов настигла вождя, но тот отказался добровольно сдаться в плен. Мятежный правитель и его соратники закололи себя и на конях бросились в пропасть реки Кезен-Ахк с возвышенности Солси-Йист.

В 1327 году Тур II, сын Тарха, возглавил очередное восстание горцев против монголов. Оно было жестоко подавлено, опять нахи дорого заплатили за свое свободолюбие: убитых не счесть, живые угнаны в рабство, аулы уничтожены, поля сожжены.

Эла Тур II погиб в бою. В отличие от своих предшественников, он был первым восставшим правителем-мусульманином, начиная со своего прадеда Тура. Это объяснялось тем, что при правлении хана Узбека с 1312 по 1342 год религия ислам утвердилась в Золотой Орде как государственная и быстро распространилась в областях бывшей Алании и Аварии.

С правления хана Узбека и принятием аланской знатью ислама отношения между мятежным царским домом и правителями Золотой Орды претерпели серьезные потепления.

Последнему непокорному правителю Туру II последовал он, Гайра. Но он не хочет принять в наследство бессмысленную, изнуряющую борьбу за свободу, вечно скрываться от преследований кочевников. Он устал от ночных вылазок, стало невыносимым каждый день приносить в жертву боевых друзей.

И что в итоге?

К чему привела эта бесконечная бойня?

Кому принесла свободу?

Удалось ли вернуть им хоть пядь земли, отобранной чужаками?

Нет. Ни свободы, ни земли.

Кочевники хозяйничают на их земле, словно она досталась им от своих отцов. Массовые убийства и увод жителей в рабство стал привычным явлением. Потомки Чингиз-хана насильно вербуют наиболее здоровую часть покоренного населения в свое войско и в качестве передового заслона вовлекают их в бесконечные внешние и междуусобные войны.

С образованием Золотой Орды жители плоскостной части, которые бежали в горы в начале монгольского нашествия, постепенно стали возвращаться на родные пепелища и упорным трудом восстанавливать свое хозяйство. Но тут же подпали под налоговый пресс монгольских ханов, которые содержали огромное пограничное войско и бюрократический аппарат управления.

Чтобы обеспечить себе исправное поступление податей от покоренного населения, император Менгу еще в 1254 году произвел перепись всех народов, им подчиненных, в том числе и населения Северного Кавказа.

Бесправный народ стонет от произвола налоговщиков. Люди, доведенные до полной нищеты, обращаются к баскакам и к самому хану с жалобами и просьбами ликвидировать взяточничество, сообщают о фактах злоупотребления служебным положением, требуют справедливого решения судебных вопросов, просят уменьшить налоги и всевозможные повинности. Но тщетно – правда на стороне власть имущих, они с легкостью обращают все судебные тяжбы в свою пользу.

Единственная прослойка, освобожденная от всяких податей и государственных повинностей – духовенство, обласканное и пригретое золотоордынцами. Покровительство ханов также освобождало ее и от воинской, ямской и других повинностей. Вот почему крестьяне нашли выход из нестерпимого положения – попасть в число «слуг господних». Тем самым переход трудоспособного населения к паразитическому образу жизни усугублял и без того тяжелое положение хозяйства.

На равнине, где раньше процветали многолюдные города и поселения с развитым ремеслом, обширными торговыми связями, где поля шумели богатыми хлебами, где цвели сады и виноградники, теперь пасли свои стада грубые и жадные кочевники.

Для горных жителей были закрыты выходы на равнину, что сказалось на развитии скотоводства. Охота, служившая подспорьем в жизни горцев, стала тяжелой повинностью зависимого населения плоскостной части в пользу монгольских феодалов, так как она была важнейшей отраслью военной и хозяйственной жизни кочевников. Меха, пушнина и ценные шкурки приносили огромные прибыли монгольским феодалам.

Прибыль от рыболовства стала золотой жилой и тоже текла в казну чингизидов. Социальные верхи алан, зихов, готов, русов и других, приняв обычаи и язык монголо-татар, стали союзниками завоевателей. Они находили с ними общий язык, получали ханские ярлыки и, став вассалами Золотой Орды, собирали дань со своих соплеменников и делили ее с завоевателями.

Знать богатела, а народ нищал. Доведенный до крайней нищеты, лишенный элементарных человеческих прав, он восставал и тонул в собственной крови. Поредело население плоскости, завоеватели перебили всех сопротивляющихся, остальные бежали в болота и на вершины гор, а их землями владели пришельцы, превратив их в свои кочевья.

Гайра закрыл глаза, пытаясь отогнать тяжелые мысли. После смерти отца он чувствует опустошенность, потерял смысл борьбы, не знает, как жить дальше, куда идти, к кому обратиться за советом. Глухой стон вырвался из стесненной груди. Он силился вспомнить хоть что-то радостное, светлое из книги своей жизни, но одна трагедия за другой мешали соприкоснуться

с этими воспоминаниями, бросали его то в прошлое, то в настоящее, полные мрачных красок и безысходности.

Веки отяжелели, и Гайра провалился в жуткие сновидения, в которых метался в поисках истины и пути спасения.

Сон был тяжелый. Кроваво-красное око пылало от негодования. Распалаясь все больше и больше, оно своим жгучим неподвижным взглядом парализовало его, упрямого путника, движения, который, цепляясь за ножные выступы гранитного утеса, одолевал последнюю высоту неприступной горы.

Один рывок, и, наконец, он у подножия ледяной тюрьмы пожизненного узника – легендарного нарта Прометей.

Но, странно, здесь нет ни вечных ледников, ни леденящей мерзлоты, не кружится в свирепом танце колючая вьюга!

Все вокруг дышит в цвету зелени. Воздух, одурманенный медовым нектаром душистых трав, провалился в палящую дрему.

С вершины небосвода он окинул взглядом долину, раскинувшуюся у подножия Баш-Лама. Некогда цветущая, безмятежная и счастливая обитель человеческого рода покрыта ледяным покровом. Суровый Баш-Лам снял с себя белый башлык, длинным ледяным шлейфом накрыл зеленую долину вечной мерзлотой, превратив людские сердца в ледяные осколки.

Вскинул голову, козырьком из ладони прикрыл очи от беспощадного солнечного света и, преодолевая острую боль в глазах, взглянул на самую вершину горы, выискивая на ее гранитных пластах прикованное бронзовыми цепями исполинское тело мятежного нарта Прометей. Но... тщетно. Нет ни эпического турпал-нарта, ни даже следов от оков мрачного Ужа.

Лишь мраморная гладь столбообразного изваяния, окованная янтарным обручем. Прозрачный обруч, пропитанный кровью из сочившихся ран приговоренного к вечным мукам Прометей, переливался лилово-пурпурным сиянием, излучая сакральную магию.

Какой-то странный страх обуял непрощенного гостя. Прислушался к тишине и неуверенным голосом бросил в темную пустоту пещеры:

– Прометей!

В ответ молчание.

– Прометей!

На этот раз из пещеры донесся какой-то шум.

Он, приготовившись увидеть мифического героя богатырского телосложения, машинально отступил на несколько шагов, все тело напряглось в предвкушении необычного зрелища. Но... из темных сводов гранитной обители вместо бессмертного героя вышел... простой смертный – худощавый, с космами седых волос на голове. Открытый взгляд его голубых глаз источает вселенскую печаль, широкий, благородный лоб исчерчен глубокими морщинами, уголки губ, давно не знавших улыбки, застыли в вечной скорби.

– Прометей?!

– Ты пришел свободным?! – словно из глубины тысячелетий донесся тихий голос хозяина Баш-Лама.

Он виновато понурил голову.

– Ты ожидал увидеть меня исполином? Удивлен моим преображением? Так мы все были нартами одного племени. И ростом богатырским, и мыслями, и помыслами великими! И волей к свободе, и духом непокорным!

Охрипшим голосом гость еле выдавил из себя:

– Что же с тобой произошло?

Прометей едва заметно усмехнулся:

– А что произошло с вами, с моими потомками?

Гость снова потупил взор. Робко спросил:

– А где Зевс? Громовержец, щедрый на зло, скупой и жадный на добро?

– На земле, в обличье власти у трона правителей, повелевает душами людей. Зевс всегда питался страхом человека и сегодня обрел небывалое могущество – он отобрал у моего племени мой дар – свободу, их же руками. Раньше человек добро и свободу отвоевывал в жестокой борьбе, а теперь охотно и с благодарностью принимает зло в обертке добра. Свобода трансформировалась в лицемерное тщеславие и раболепие.

– А где небесная птица Ида, что клевала твою печень и обрекала тебя на мучения?

– У Иды разгулялся аппетит – мозг человека оказался слаще моей печени. Ей удалось склевать ваш разум и волю! Зевс обрек меня на еще большие муки – наблюдать за бесславной смертью моих сородичей, ради свободы и счастья которых я принес себя в жертву... И, поверь мне, нет более ужасного наказания...

Он не смел поднять глаза и стоял все так же, понуриив голову и подавленный собственной безысходностью.

Прометей сжалился над ним, вот уже в который раз.

– Всевышний посылал людям своих пророков и испытывал их по-разному: Нуха – потопом, Ибрагима – огнем, Якуба – слепотой, Юсуфа – разлукой, Аюба – болезнью, Мусу – тиранами, Харуна – предательством, Юнуса – терпением, Сулеймана – богатством, Дауда – войной. Вы, мое племя, прошли сквозь огонь и войну, разлука с родиной и болезни не сломили вас, предательство не погубило в вас веру, терпение выработало в вас инстинкт самосохранения. Ваша земля подверглась кровавым потокам, но вы выдержали, выстояли... Осталось лишь последнее испытание – тирания и богатство... Вы поклонились богатству и взрастили тирана... Огонь, что я зажег в ваших очагах и сердцах, потух... оборвалась наша связь. Вот почему оледенела ваша долина и ваши сердца.

– Нет в том нашей вины! – с горечью ответил Гайра. – Враг оказался сильнее нас, хитрее. Мы не смогли противостоять вселенскому злу. Прошу тебя, не приравнивай нас к народу Ад, который Всевышний покарал за отступничество и вседозволенность... Помоги нам, своим потомкам, посоветуй, как нам дальше жить, встать на ноги, вернуть былую славу, свободу!

– Объединяйтесь! – был ответ. – Сила ваша – в единстве!

Опять солнце нещадно ослепило глаза. Он тщетно пытался открыть глаза, сказать что-то в ответ. Голова шла кругом, какая-то неведомая сила взяла его в охапку и потащила вниз, обратно в ледяную долину. Он ударился о выступ зубчатой скалы, острая боль пронзила все тело. И эта невыносимая боль вернула его из сна.

Гайра внезапно очнулся, голова все еще гудела, в ушах звенели прощальные слова Прометея. Воин постепенно приходил в себя, затем встал во весь рост, поднял меч с камня, расправил плечи и быстрыми шагами

спустился вниз. Его верный скакун ждал своего хозяина у подножия горы, и через час они оказались у порога родовой башни.

Глава 2 Хан Хызыр

Хан Хызыр, сын белоордынского хана Сисибука, мрачен. Перед ним, на атласной, узорчатой подушке, лежала массивная книга в золотом переплете, на которой золочеными буквами выстроена история Золотой Орды и прописаны судьбы великих ханов. Начиная со Священного Правителя, Чингиз-хана, Потрясателя Вселенной.

С тяжелых страниц летописи на него воззрились жгучие взгляды Чингиза и его потомков, таких же алчных, неукротимых: в узких щелочках глаз с удивительным постоянством перекачевывала кровожадность и жажда власти.

Золотая Орда по велению Священного Потрясателя, Чингизхана, отошла его сыну, Джучи, и была закреплена за его потомками. Великий завоеватель еще при жизни выделил трех своих старших сыновей, назначив каждому из них особый удел – инджу, включавшую в себя определенное количество кочевых орд – улусов, обязанных поставлять военные отряды, и достаточное для их содержания пространство земли – юрты. Границы юртов поначалу были определены только в самых общих чертах и в дальнейшем уточнялись.

Так Джучи получил от своего отца так называемые лесные народы, проживавшие от низовьев Селенги до Иртыша. На берегах Иртыша и расположилась главная орда Джучи. По требованию обычая, передавая старшему сыну самую отдаленную часть своих владений, Чингизхан заранее присоединил к его уделу все земли, которые еще предполагалось завоевать на западе. Самое крупное приобретение при жизни самого Джучи – покорение половцев. И в состав улуса вошла большая часть Дешт-и-Кыпчака – половецкой степи.

Джучи умер в 1227 году, чуть раньше своего отца. Перед смертью Чингизхан объявил ханом сына Джучи, Бату.

Да, Бату был достойным внуком своего знаменитого деда. Хызыр-хан будто слышит через летопись зычный голос глашатая, объявляющего волю Потрясателя Вселенной:

– Слушайте, войска непобедимые, подобные бросающимся на добычу соколам! Слушайте, войска драгоценные, как алмазы на шапке великого кагана! Войска единые, как сложенный из камней высокий курган! Слушайте, багатуры, подобные густой чаще камышей, выросших тесными рядами один подле другого! Исполняйте волю Священного Правителя! Только его слова мудры, только его приказы доставят вам обильные богатства, тысячные стада и немеркнущую славу! Вот какие слова записаны в его завещании: «Мы возвели на высокий ханский престол нашего старшего сына, Джучи-хана, подчинив ему западные улусы. Мы повелели ему пойти дальше к закату солнца с войском непобедимых монголов. Мы повелели ему идти покорять вселенную до последнего моря, до того места, куда сможет ступить копыто монгольского коня. Но тайный враг, подобно черной собаке, подползающей в дождливый день, подкрался к моему непобедимому сыну и обратил багатура Джучи-хана в пыль, развеянную ветром. Слушайте, мои верные сподвижники,

багауры и нойоны! Мы назначаеи поветелеи монгольского войска, идушего на вечерние страны, моего смелого, доблестного внука Бату-хана, сына Джучиева. Он поведет к новым победам и прославит собранный мноу монгольский народ, для чего я дау ему знамя с рыжим хвостом моего боевого коня. Мы приказываем нашему верному слуге, опытному в военных делах Субудай-багауру помогать нашему внуку Бату-хану твердо держать золотые поводья. Внуку нашему повелеваем во всем слушаться советов осторожного и мудрого Субудай-багаура. Тогда Бату-хан сорвет с неба утреннюю звезду, уничтожит всех врагов, покорит вселенную до того места, куда проваливается солнце. Тогда прекратятся мор, голод и засуха, и настанет всеобщий мир».

Да, Бату-хан оправдал надежды своего великого деда.

В состав улуса Бату тогда входили северная часть Семиречья, киргизские степи, Хорезм и Мазандаран. Курултай 1229 года установил западные границы его владений по реке Яик, а через шесть лет в состав улуса были включены поволжские степи и Волжская Булгария.

На последнем курултае был окончательно решен вопрос о походе в Восточную Европу. Бату был поставлен во главе монгольского войска, а в помощники ему был дан, по воле Чингизхана, старый полководец Субэдей. В этом походе приняли участие многие монгольские царевичи, в том числе и сыновья великого хана Угедея.

Великий западный поход начался в 1236 году с нападения на Волжскую Булгарию. После покорения болгар и других поволжских народов, со среднего течения Волги через глухие леса Бату-хан двинулся на Русь. Один за другим были взяты города, сожжены дотла.

Из Руси Бату двинулся в Европу, взял Ладыжин, Каменец, прошел через Галицкую землю и завоевал Польшу. Затем все татарские войска сошлись в Венгрии. На помощь венгерскому королю Беле IV пришел с большим отрядом рыцарей Фридрих Австрийский, но в сражении с монгольской конницей потерпел поражение.

В это время пришло известие о смерти в Монголии верховного хана Угедея, и Бату-хан повернул обратно на Волгу.

В результате завоеваний на огромной территории Дешт-и-Кыпчака и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство – улус Джучи, – Синяя Орда, почему-то названной урусамн Золотой Ордой. На северо-востоке в состав Орды входил Булгар, на севере граница проходила по русским княжествам. На западе ей принадлежали степи от Днестра и дальше – до берегов Дуная. На юге Орда владела с одной стороны Крымом и его приморскими городами, с другой – Кавказом до Дербента, а также северным Хорезмом с городом Ургенчем. На юго-востоке граница шла по реке Сары-Су вплоть до озера Балхаш. На востоке границы улуса проходили по Иртышу и включали в себя всю Западную Сибирь.

Чингизхан выделил Джучи девять тысяч юрт. Центром Улуса стало Поволжье. Первые годы ставкой Бату являлся Булгар. Затем в низовьях Волги был построен город Сарай-Бату, который и стал столицей улуса.

Батый стал могущественным ханом.

Вскоре до него дошла весть о смерти хана Гаюка, с которым он враждовал на всем протяжении своего правления. Монгольские царевичи предложили

Бату стать великим ханом, но он отказался, сославшись, что уже имеет обширные владения. По его предложению великим ханом был избран Мунгке.

Бату скончался в 1255 году, в 48 лет. Мунгке провозгласил его наследником сына Сартака. Но пока тот добирался из Монголии до Поволжья, власть в Золотой Орде захватил его дядя Берке, который, как брат Бату, имел особый улус на Северном Кавказе. Сартак вскоре был отравлен тайными сторонниками Берке. Когда известие о его смерти дошло до коренного юрта, ханом Золотой Орды был объявлен малолетний сын Сартака, Улачи, который тоже умер при странных обстоятельствах.

В 1257 году Берке окончательно утвердился во власти и первым делом перенес столицу во вновь отстроенный город Сарай-Берке. Новый хан был первым из золотоордынских ханов, принявшим ислам, еще при жизни брата Бату.

Через три года своего воцарения на трон, уже успевший покрыть себя славой как справедливый, терпеливый, проницательный и умный правитель, он отказался признать избранного в Монголии великим ханом Хубилая и перестал чеканить его имя на своих монетах. После этого Золотая Орда, и до этого бывшая фактически независимой, стала вполне самостоятельным государством. В этом году монголы во главе с ханом Хулагу завоевали Иран. Берке повел с Хулагу войну из-за Азербайджана и в 1265 году нанес его сыну Абаке поражение на берегах Куры. На севере власть хана также укрепилась.

Через два года Берке умер от спазмов в желудке и ему наследовал внук Бату, Менгю-Темюр. При нем продолжались войны с иранскими Хулагуидами. В 1277 году татары совершили поход против союзницы Хулагуидов – Византии, затем хан разгромил алан и сжег их город Деяково.

Менгю-Темюр умер от злокачественного нарыва в горле. Уже при его жизни началось возвышение представителя боковой ветви Джучидов – темника Ногай, улус которого включал в себя западную окраину Золотой Орды.

В течение нескольких десятилетий Ногай играл роль всемогущего временщика. После смерти Менгю-Темюра он в первый раз вмешался в порядок престолонаследия и передал власть его брату Тоде-Монгке.

Но безвольный хан был свергнут своим племянником Толе-Букой, который с самого начала своего правления стал недружелюбно относиться к Ногаю. В том же году, во время похода в Венгрию, они окончательно поссорились. Толе-Бука готовился начать против темника войну, но тот опередил его. Ногай уговорил мать хана устроить свидание с Толе-Букой. Когда тот прибыл для переговоров с небольшой свитой, Ногай захватил его и выдал для расправы сыну Менгю-Темюра, Токту-хану. Тот велел переломить Толе-Буку спину. Вместе с ним были казнены пять родных братьев Токту-хана.

Но мстительный Ногай этим не ограничился. Он отправил свою жену к Токту с просьбой истребить тех сановников, которые строили ему козни при Толе-Буке. Токту уважил его решение: негодные Ногаю мурзы по одному были вызваны к хану и убиты. После этого могущество Ногай почти сравнялось с ханским. Но оно оказалось не беспредельным. Несколько нойонов по приказу Ногай задушили ханшу Чечек, вдову Менгю-Темюра, имевшую большое влияние на Токту. Разгневанный хан хотел казнить убийц, но те бежали во владения Ногай. Хан потребовал их выдачи, но получил отказ. После этого между ними началась открытая война. Токту разбил Ногай в его владениях,

темник был убит, его сыновья успели сбежать. Улусные люди Ногая признали над собой власть золоордынского хана.

После смерти Токту-хана в 1312 году на престол должен был вступить его сын Ильбасныш. Однако власть захватил его двоюродный брат Узбек. Новый хан начал свое правление с того, что повел решительную борьбу против шаманства и потребовал от подданных обращения в ислам.

Степная аристократия оказала сопротивление, но была сокрушена. Узбек велел казнить сына Токту и с ним еще 120 царевичей, принадлежавших к роду Чингизхана. Было также убито много знатных бегов, лам и шаманов. Следующие 30 лет Узбек твердо держал власть в своих руках и жестоко карал всякие выступления на окраинах. Не только Крым и Поволжье, но также Хорезм беспрекословно повиновались ему.

Правление Узбека стало временем наивысшего могущества Золотой Орды. Курултаи при Узбеке больше не созывались. Все важные решения хан принимал сам, совещаясь только со своим ближайшим окружением. На местах власть принадлежала ханским наместникам, которые управляли отдельными областями Золотой Орды. Столица из Сарай-Бату была окончательно перенесена в Сарай-Берке.

Узбеку в 1341 году наследовал старший сын Тини-Бек. В момент смерти отца его не было в Сарай-Берке – он находился в походе в Средней Азии. Воспользовавшись этим, власть захватил второй сын хана – Джани-Бек. Между братьями вспыхнула война. Тини-Бек потерпел поражение, попал в плен и был казнен. Затем Джани-Бек казнил своего младшего брата Хызр-Бека и стал править единодержавно. Время его царствования совпало с постепенным упадком могущества Золотой Орды. Этому, кроме всего прочего, способствовала страшная эпидемия чумы, которая унесла столько народа, что некому было погребать мертвых.

Но, несмотря на это, Джани-Бек совершил успешный поход в Азербайджан и овладел этой страной. Затем хан вернулся в Сарай-Берке, оставив в Тебризе сына Берди-Бека. Вскоре пришла весть об опасной болезни Джани-Бека. Берди-Бек бросил Азербайджан и поспешил в Сарай.

Тем временем хану стало лучше. Приспешники Берди-Бека, вызвавшие его в столицу, оказались в очень затруднительном положении. Чтобы избежать наказания, они внезапно напали на Джани-Бека и убили его.

Когда Берди-Бек прибыл в Сарай, была учинена расправа и над его братьями. Всего было умерщвлено двенадцать царевичей. Самого младшего из них, которому было всего восемь месяцев, Берди-Бек убил собственноручно, разбив его голову о землю.

Этот переворот положил начало тяжелому внутривосточному кризису Золотой Орды. Берди-Бек недолго царствовал – он был убит своим братом Куллой. И он правил не долго, всего шесть месяцев, и был убит другим сыном Джани-Бека, Наврузом. Однако его власть признали только западные ордынские князья.

Местная знать связалась с ним, Хызыром, заяицким ханом, сыном белоордынского хана Сиси-Бука. Он явился с большим войском и нанес поражение Наврузу. Сам хан, его жена и некоторые приближенные были ему выданы. И он казнил их – хладнокровно, безжалостно. Со смертью Навруза

пресекался род золотордынских ханов, который вел свое происхождение от Бату.

Хызыр тяжело вздохнул.

Нет, не оттого, что покончил с Наврузом и его отпрысками.

Совсем нет.

Он утолил жажду крови и обрубил длинный шлейф сомнений и причину головной боли – от страха быть свергнутым с желанного трона властелина земель улуса Джучи. Новый хан продолжил кровавый путь к трону, багровая кровь даже не прилипла к тяжелым стопам, ни на секунду не сбила размеренный шаг, руки не дрогнули, при виде окровавленных трупов в алчных глазах не мелькнула искра сожаления и не содрогнулось сердце.

Дикость приняла статус неизбежности судьбы, предопределение – необходимость жертвоприношения.

Но почему он не обрел покой?

Что его гложет?

Почему мысли его, все тело как в холодных тисках неминуемого конца?

Хан тяжелым взором оглядел просторную комнату.

Кругом роскошь, все в золоте, в атласе, в мраморе, мебель из красного дерева, все блестит до боли в глазах. Лишь один предмет неизменно кочует от одного властелина до другого – пятиугольное знамя с бунчуком, с девятью конскими хвостами, с изображением серого кречета с черным вороном в когтях и с девятью широкими и длинными концами лент. А рядом, на узорчатом подносе, простые деревянные аяки. Эти серые обкусанные чашки хранились еще со времен великого Бату-хана как святыни: из них пил когда-то сам Потрясатель Вселенной – Чингизхан. Их было одиннадцать, по числу ханов из рода Чингизова.

На груди Хызыр-хана красовалась на золотой цепи большая овальная золотая пластика, пайцза, с изображением головы разъяренного тигра. Эту пайцзу получил из рук самого Чингизхана отец Бату-хана, суровый и смелый Джучи-хан. Голова тигра означала повеление кагана: «Все должны повиноваться хранителю этой пайцзы, как будто мы сами приказываем». Она тоже прошла кровавый путь со своими владельцами. Но мало кто из джучиевых отпрысков повиновался повелению на пайцзе. Все пренебрегли заветом своего деда – «не заводите смут среди его потомков». Раскачали и подрубили столб, на котором держался шатер рода Чингизова.

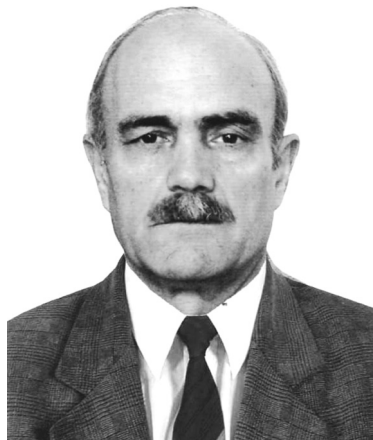
В комнату бесшумно вошел грузный и широкий советник и замер в дверях в ожидании знака от мрачного повелителя. Уловив едва заметный кивок головы, подошел к хану, кряхтя склонился до земли и опустил на колени. Хызыр-хан выждал, пока тот выполнил обязательный земной поклон, и приказал вполголоса:

– Говори.

– Великий из великих! Разбойники из Великого Новгорода явились в Жукотию, перебили и ограбили татар...

Хызыр с яростью захлопнул книгу, словно дверь в прошлое.

Продолжение следует.

*Нохчийн меттан де***Халидов Супьян**

Ма йевзийла хьуна адамиин къелла,
 Ма дезийла сагатдан хьан царна,
 Ма йевзийла дилхан дегнийн г'елло
 Адамиин кийрахь
 синош дуткъдаларна!

Олхазарна тоха ши г'ам санна,
 Ца хилча, ца торуш ду да, нана,
 Лаьттаь йаккха йисначу хьайн ханна,
 Далла хастам а беш, ваха Iама.

Iуьйранна, малхал а хьалха г'югтий,
 Нанас до ц'ентIера г'уллакхаш.
 Дадас, теш х'отгадой стигал, латтий,
 Довзална Iамадо г'иллакхаш.

Мел хала ду, хаьий хьуна, кхета
 Харц Дуйненахь хуьлуш долчух
 нийса?!

Хьуна хьуо бакъволчух тера хета,
 Цундела хьо кийча хуьлу кьийса.

Хинцца йеса хиллачохь до ц'енош,
 Эрна араьхь йуг'у кьона беш.
 Ц'енчу бIаьргех мела хиш а Iенош,
 Адамаш го хенал хьалха леш.

Нагахь санна дай баьхнехь бIе шарахь,
 Берашна гац оцу хенан ах.

Боданашкахь ойланаш – I

Шех ойлайан хIума ма ду хIара:
 Варий, кьинош лето кхералахь!

Шек ма вала, ирсе хир вац алий,
 Теша хьайн хиндолчу рицкъанах,
 Дуьненна а кьинтIера а валий,
 Эшайе халонаш нуьцкъала!

Хьан амал йу, хьуна,
 хьобх стаг вийриг,
 Туса иза аьчкан нуьйжан гIехь!
 ХIума ца деш, паргIат вижна Iийриг
 Вуьсу, хьуна, дений, нанний гехь!

Олуш делахь, дош а ала кIеда,
 Хьайна йухавала некь буьтуш,
 ХIун г'уллакх ду хьан нахе дов хьедан,
 Лелар хилча царах хьо уьдуш?!

Писалла мел ирча йу, совйаьлча!
 Куралла а йу, совйаьлча, гIех!
 Комаьрша а, оьзда хилла Элча –
 Иштта хуьлу, серлабаьлча, малх!

Хьайна дукхабезаш болчу нахе
 Ахь вуон дош ма ала, ницкъ а кхочуш,
 Алахь, кхочур ву хьо хьайн син кадме,
 Хьайн дIадолла гуш дакъа а доцуш.

ХIора стаг а шен амалца кьаьста,
 ХIораннан ду шен цхьа башха куц,
 Бацалахь ц'ен зезаг мохо хьобсту,
 Генна новкъабала ша кечлуш.

ЧIогIа деза дийцина ду собар,
 Хьо ма гIерта цхьаннан кхачо и!
 Дика амал, хьайна гахь, йе кьобал,
 Оьшур ма йу хьуна йацо и.

Iеминарг ца дитало, вай олу,
 Цундела совдуйлу г'алаташ.

Дахарехъ уьш вайна бале довлу,
Оьшучохъ, ца карош ала дош!

Цкъацкъа хуьлу вай вовшашна герга,
Могуш-маршалла хоттий, довлу чекх.
Цкъацкъа ца до, догӀуш, доьлхуш
тергал,
Боцуш санна вовшашна тӀехъ бехк.

Нагахъ кхолламо хӀоттавахъ холчу,
Кийрарчу хъайн даге догӀа ла,
Цо дуьйцур ду, муха до Ницкъболчо
Декъал хъан дегӀа чохъ долу са.

Вай вовшийн ца девза тахна.
Вайн вовшашка ларам бац.
Вайн жималла, йаьлла, йахна,
Гена йаьлла, ган а гац!

Ахъа-м цунна са ца гатдо,
Дахаро хьо Ӏехаво.
Хъайна хьестало со моьтту,
Ас, мохъ бетташ, дехарш дарх!

Долий, доьду маьлхан де,
Ӏарж а лой, тӀейогӀу буьйса.
Мархаш йоьлху, хъаьлхина,
ТӀе шийла дерз-догӀа кхуьйсу.

Буьйса йоларх, даларх де,
Хийцам хуьлуш ца го суна –
Ас хъаьнга хӀун ала-ге,
ДӀахезар ца хилча гонах?!

Боданашкахъ ойланаш – 2

Дика дукха ма ца хуьлу,
Дукха ма ца хьоьгу зовкх.
Хъанна хаьа, маца хуьлу
ТӀе ца тоьуш хилларг сов?!

Зама, зама, сиха зама,
Собар дехъа, сих ма ло!
ХӀунда йу хъан соьца гамо,
Доза доцуш, нуьцкъала?!

Вайшиь хилла даим уллехъ,
Вовшийн везаш, лоруш а.
Вайшиь хилла дикнехъ гуллуш,
Вуонехъ орцах кхочуш а.

Хъанна хаьа, гӀенах хӀун го
Йа самах хӀун леладо?
ОьгӀазлоно Дуьне хьулдо!
Къьинхетамо и дендо!

Дийнахъ цхъа дош йаздича а,
Гулло дукха йозанаш.
Ахъ хъайн керт-ков лардича а,
Ларло мехкан дозанаш.

– Валар-висарх хӀунда дуьйцу? –
Бохуш, доху бехкаш соь.
Валар ду хӀоттош дерг Нийсо,
Висар ду ца дойтург доь!

Ала, ала ахъ дош аьхна,
Ма делахъ сан сина даӀ!
Ӏаш ву хьуна со сатесна
Баккхаре ахъ мерза кхаь!

Боданашкахъ ойланаш – 3

Къонах вистхуьлуш тов,
Делахъ керла дош ала,
Керла дош а ца тов,
Нагахъ, лар ца луш, алахъ!

Нисло дахарехъ вайн
Каро леринарг уллехъ,
ТӀе куьг хьоьккхушехъ дайн,
Йезчу геналло хьулдеш.

Цкъацкъа беламе дерг
Ийдало бӀаьрахишца
Иза беламе ду,
Амма ду иза иштта.

 ДІайаблча жималла,
 Тейоглу кьаналла,
 Сихачу дахарехь
 Ма-гарра хьуна.

Дилхан дог хьийзадо
 Шийлачу балано –
 Іехаван, біаьрг бело,
 ХІумма дац суна!

 Аьнгалин куьзганах,
 Ласттийна, лаьтгаха тоьхна,
 Эзар дакъа хуьлий,
 ДІадолу дилхан дог, доьхна!

 Кьонах ву моьртина,
 Лар ца лург кьамелаш дарах,
 Голаш тІе хІоьртина,
 Кхерам бу нахана гарах.

Боданашкахь ойланаш – 4

Буржалш а хала дац
 Хедадан, лиъча.
 Вала а хала дац,
 Денлур вуй хиъча.

Массо а хІуманал
 Хала дерг суна
 Кху харц дуьненахь
 Бакъ хила ду, хьуна!

 Хастам беш малхана,
 Лаьттана йовхо лучу,
 Хьо вара селхана,
 Тахна хьо вац малх гучохь.

 Товш бара дІо стиглан бос а,
 Марха хІоттале,

Доладелла дерз тІекхосса,
 Дохк цо гІатгади.

 Мерза бара стол тІехь кхача,
 Бага Іоттале,
 ГІан хилла, тІамб оцуш, лаца,
 Холчу хІоттави!

 Дукха бара, жима волуш,
 Дика доттагІий,
 ХІинца байна, дош ца олуш, –
 Хилла моттаргІий.

 Лаккхарчу суо даржехь волуш,
 Лекха хетара,
 Воссийча, тІех лоха волуш,
 Дог сан этІара!

 Хоьгту соьга, хеташ говза,
 Шайна луучух,
 Хаьттича, сан корта хьовзу
 Царна хуучух!

 Пхьоьханахь, лардешшехь дош хьайн,
 Хьайна Іоьттича,
 Цец ма вийла, йуьхь тІехь бос хьайн
 Мокха хІоьттича!

 Нагахь санна бедда боьду
 Сай лацахь а ахь,
 Хир вац стаг хьан ирсах хьоьгуш,
 Хьоьгахь дерг хаахь!

Хийла мьбттинарг ша кьона
 Даим лаьттар ву
 Къаналло табийна соне,
 Эрна ветгалуш!

Куьйгара эгийча архаш
 Халчу мацалло,
 Стиглахь хакхайелла мархаш
 Бен, кхин некъ ца го!

ЧIогIа хала йуьйцу наха
 Шога хьогалла,
 Тешар вацар-кх, цара бахарх,
 Сайна хьо галлалц!

Висарна суо кхоьру даим,
 Ирс а кхачийна,
 Дийначу адаме ма дан и, –
 Велла-х ваций со!

Шо шаренга лесташ, зама,
 Хьабда, йоьду дIа,
 Зама йухалиста Iама,
 TIаьавоьду со!

Хьо ца кхерахь бIаьрга дайна
 Доцург дайна баха,
 Хьо кхералахь, бIаьрса дайна,
 Хьуо висарна ваха!

Ахь гIенаха дайна суьрташ
 Самаха ма леха,
 Сахьт дац, мелчу цIела керчаш,
 Когаш мере изьха!

Эхь доцче харц долгуч
 Дийца ма ло атта,

Ахь бакъдерг дIаалахь,
 Эккха и, дог даьтIа!

Кхерчахь цIе ма йогу,
 Кхача ца йо цкъа и!
 Кийрахь дог ма догу –
 Мел хала ду лан и!

Ма йеха йу ойла,
 Хьо тIелиста воьлча,
 Ма йоьхна йу Iойла,
 Цо хIоттийча холчу!

Цхъанне а ца хаа,
 Дуьненчу Дала са доккхуш,
 Мел рицкъа ло даа,
 Цул тIаьхьа муха дIадоккху!

Ма тилвелла ву-кха
 Iехавелларг дахарх,
 Ма эрна хир ду-кха,
 Дохковаьлла, бахарх!

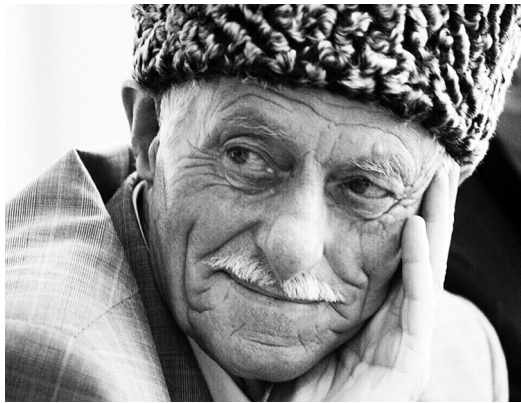
Вехар ву хьо даим,
 Кийра цIе а леташ,
 Мел хала ду лан ирс,
 Хилча хьох ца кхеташ!

ДегIан чкъор ахь даьккхича,
 Ирча даI ма долу,
 Тоьхна, корта баьккхича,
 ДегI а дIа ма долу!

Буьйсано, йахийелла,
 Дайьина гIад-амал,
 Ведча а, мохь аьлла,
 ДегIан мохь ца лало!

Публицистика

Абузар Айдамиров

Великий друг угнетенных

В 1973 году Грузия отмечала 125-летие со дня рождения одного из великих своих сынов – Александра Казбеги. Зная, как писатель глубоко уважал чеченский народ, восхищался его героической борьбой за свою свободу и независимость, редакция журнала «Литературная Грузия»

обратилась к А. Айдамирову с просьбой сказать слово о писателе от имени чеченского народа.

Статья была напечатана в журнале «Литературная Грузия» №10 в 1974 году. Редакция не изменила тогда ни одного слова, кроме названия. Автор назвал статью «Великий друг угнетенных», журнал дал свое – «Писатель-интернационалист».

В начале 90-х прошлого века статья эта была перепечатана в чеченской газете «Республика» под тем же названием.

Вослед ушедшим юбилеям прошлого года – и к 100-летию Абузара Айдамирова, и 175-летию Александра Казбеги – журнал «Вайнах» публикует данную статью под тем названием, которую ей изначально дал автор. Мы, конечно, не подвергаем сомнению правдивость слов о том, что А. Казбеги является писателем-интернационалистом, но в названии статьи, которое дал сам А. Айдамиров, человеческая и творческая сущность писателя А. Казбеги отображается наиболее ярко. Лишний раз читатель в этом убедится, прочитав автобиографический рассказ «Пастушеские воспоминания» А. Казбеги, который приводим в этом номере журнала.

И напоследок, в этом году исполняется ровно 50 лет с момента публикации данной статьи А. Айдамирова в журнале «Литературная Грузия».

Если многие из моих современников мечтают посетить колыбели древней культуры – Египет, Индию, Грецию и Рим, лично я с самого раннего детства лелеял в сердце мечту – увидеть Грузию.

Меня влекли туда не древние и средневековые дворцы грузинских царей и владетельных князей, и даже не бессмертный Шота Руставели. Я мечтал увидеть Грузию и ее великодушный, мужественный народ, о котором в детстве мне так часто рассказывал отец. Грузию, воспетую Александром Казбеги и Важой Пшавела.

Мои родные горы, как великаны-братья, высятся в одном ряду с горами Грузии. От них рукой подать до Хевсуретии и Пшави. Мои предки на хорошем скакуне за сутки добирались до Калки, то есть до Тбилиси. Не раз туда ездил легендарный мой земляк Магамед Мескетинский. В Кахетинском походе Шамиля участвовал брат моего деда, который умер в тридцатых годах в возрасте 136 лет. Мой отец, большой знаток народных преданий и самобытный

поэт, часто рассказывал мне об этой братской дружбе грузин и чеченцев, корни которой уходят вглубь веков. Хотя он сам не побывал там, но очень увлекательно, может быть, по рассказам своего дяди, описывал эту суровую страну, которая была заселена великодушным народом. Затем злосчастная судьба забросила меня, тринадцатилетнего мальчика, далеко от родных гор, там я лишился отца, учителя и наставника; на некоторое время его рассказы о Гуржи-Мохке – о стране грузин – во мне запечатлелись как сказка о несуществующем крае. Но увлекали меня. Научившись русскому языку, я начал черпать сведения о Грузии из учебников истории, которые были доступны мне. Однажды случайно в мои руки попал потрепанный, без обложки и последних страниц первый том двухтомника избранных произведений, изданный к столетнему юбилею А. Казбеги.

Я читал и перечитывал эту книгу. Надо сказать, что трудные для нашего народа послевоенные годы закалили нас, мы возмужали не по летам. Дети давно не знали, что такое слезы. Но каждый раз, когда я читал «Отцеубийцу», «Элисо» и «Цицию», из моих глаз безудержно лились слезы, и пока они не высыхали, я надолго отрывался от чтения. Это были слезы горя и радости. Ведь описанную Казбеги в «Элисо» горькую чашу я сам испил до дна. Я радовался тому, что великий Казбеги явился ко мне как свидетель той правды, о которой мне рассказал мой отец, а ему я не мог не верить.

В произведениях Александра Казбеги впервые я почувствовал ту глубокую разницу как между русским народом и русским самодержавием, так и между грузинским народом и грузинской феодально-дворянской знатью, верно служившей царизму в осуществлении его колонизаторских планов на Кавказе. Также впервые от Казбеги я узнал, что в те годы, хотя и не пылали в пламени войны хижины русских и грузинских крестьян, но их участь была не многим лучше участи чеченцев, из поколения в поколение сражавшихся за свою свободу.

Наряду с грузинскими князьями – царскими прислужниками и насильно мобилизованными в Чечню отрядами грузинских милиционеров (кстати, в 1950-55 гг. чуть ли не возведенные в ранг героев за их верную службу царизму при покорении кавказских горцев), в произведениях А. Казбеги передо мною встали Иаго, Коба, Важа и другие герои, олицетворявшие подлинный грузинский народ, глубоко сочувствующий своему маленькому соседу, протянувший ему братскую руку в его борьбе. От А. Казбеги я узнал и о несчастной судьбе русских солдат, этих переодетых в военную форму крепостных крестьян, насильно пригнанных на Кавказ, ценою крови которых покупались слава и богатство эксплуататорских классов царской России.

Впоследствии эту правду я узнал и из других книг, но Казбеги был для меня Колумбом, впервые открывшим историческую правду. От него я узнал, что такое подлинная дружба, мужество, отвага, чистая и возвышенная любовь, что значит бороться за правду и добро. Я, конечно, любил свои родные горы. Днем думал о них, ночью они снились мне. Оказывается, и любить родину можно по-разному. Казбеги научил меня любить ее по-настоящему. Его письмо «Читателю» для меня стало священным.

Еще с детства я мечтал стать писателем и в юности сочинял стихи и рассказы. Разумеется, это были до невозможности наивные вещи. Александр Казбеги вселил в меня веру в свои силы и способности, после чего я решил

посвятить всю жизнь писательскому труду. Под влиянием творчества А. Казбеги я написал свой первый рассказ «Именем свободы», на основе которого впоследствии создал одноименный роман. Его, небольшая по объему, полная трагедии повесть «Элисо» натолкнула меня на мысль создать исторический роман «Долгие ночи».

Александр Казбеги лично для меня явился писателем, воплотившим в себе лучшие человеческие черты. История человечества знает многих гениальных писателей и поэтов. Среди них есть действительно великолепные художники слова, но, зная нравственную сторону жизни иных поэтов и писателей, я не могу завидовать их славе. Если писатель в своих произведениях проповедует высокую мораль, а сам топчет ее ногами, значит, и его творения – фальшь от начала до конца.

Не завидовать Александру Казбеги, совершившему героический поступок, было нельзя.

Впоследствии я узнал, что Байрон отказался от титула лорда и звания пэра Англии, что он призывал ирландцев к борьбе против английского владычества, встал на защиту прав английских рабочих, покинул Англию, сперва был в рядах итальянских карбонариев, затем прибыл к греческим повстанцам, сражавшимся против турецкого ига, и погиб на земле Эллады. Шелли тоже покинул Англию и, направляясь в Италию, борющуюся против австрийского ига, погиб в море. Виктор Гюго, защитник обездоленных людей и народов, был изгнан из Франции на 19 лет. Из великих русских революционеров-демократов – Радищев покончил жизнь самоубийством, а Герцен за свое свободомыслие был изгнан из России и умер в Англии.

Великие писатели были интернационалистами во все эпохи. Им было тесно в узких национальных рамках. В эксплуататорском обществе они предьявляют решительный протест классу, к которому сами принадлежат, за что их и преследуют.

Гениальных писателей можно разделить на три категории. Одни восстают против своего же класса потому, что их обделили свои же люди, но им нет дела до угнетенного народа. Других преследовали потому, что они восстали не только против своего класса, но и заступились за свой угнетенный народ. Но им дела не было до других угнетенных народов. Патриотизм этих людей не простирался дальше национальных рамок. Третьи, вдобавок ко всему этому, еще выступали в защиту малых народов, угнетенных другой страной. Они не могли безразлично взирать на события, происходящие в разных концах мира, на угнетение и уничтожение тысяч невинных людей, на истребление малых народов, тем более, если этот акт совершался в собственной стране. Такими были М. Лермонтов, Л. Толстой, Т. Шевченко и А. Герцен в России, А. Казбеги в Грузии, Дж. Байрон в Англии, В. Гюго и Э. Золя во Франции, Бичер Стоу и Ф. Купер в США и другие.

Байрон был великим поэтом, все творчество которого пронизано революционным духом, но в то же время он был светским прожигателем жизни.

Казбеги был чист, как белоснежные вершины его родных гор. Гордый, свободолюбивый дух сына Кавказа не мог мириться с унижениями человеческого достоинства, социальным неравенством, национальным гнетом, жестокостью класса, к которому принадлежал сам. Не в его силах было изменить существующий общественный строй, но он сделал все, что зависело

от него: отказался от унаследованного от отца феодального титула, обширных владений и богатств; освободил своих крепостных крестьян, раздал им свое имущество; отказался служить эксплуататорскому классу, взял в руки посох, пошел в народ служить народу, жил в нищете и умер в нищете.

Имя великого горца неизвестно всемирно, как имя Байрона. Казбеги не мог отправиться в Чечню, задыхавшуюся собственной кровью, встать в ряды борющегося народа, ибо он родился за 12 лет до официального объявления Чечни покоренной. Зато в свои зрелые годы, когда в высших кругах слово «чеченец» произносили не иначе как в сочетании со словами «хищник», «вор», «дикарь», «варвар», «злодей» и прочими далеко не лестными эпитетами, он встал на защиту этого несчастного народа.

Как отметил Бесонти в предисловии в двухтомнике русского перевода избранных произведений А. Казбеги, его патриотизм не имел ничего общего с национальной ограниченностью. А. Казбеги был пламенным интернационалистом. Элисо, Важиа, Коба, Иаго, Парчо, Мааго, Элгуджа, Циция, Султи-Джохот, Бежия, Муртуз и другие – люди разных национальностей и вероисповеданий, однако это обстоятельство не мешает их взаимной искренней дружбе и любви. Иаго и Коба направляются в пылающую Чечню и встают в ряды чеченцев, сражающихся за свою свободу. Чеченец Султи-Джохот убивает начальника уезда дворянина Апракуне, убийцу своего побратима Бежия. Мохевец Важиа делает попытку спасти чеченцев Анзора и Элисо, выселяемых в Турцию, и вместе с ними погибает. Александр Казбеги – великий певец дружбы народов. Чувство любви к родине в его творчестве озарено идеями мирного содружества народов, не взирая на расы и вероисповедание. Это чувство подчиняет себе все другие интересы и устремления.

Разумеется, одно из своих первых стихотворений я посветил любимому писателю. В те годы наша республиканская газета, выходящая на чеченском языке, далеко не баловала нас, молодых литераторов. Обычно наши стихотворения месяцами залеживались в редакционных папках. Однако мое стихотворение «Александр Казбеги» напечатали на третий же день после того, как я принес его в газету. В первые годы восстановления нашей республики, с первыми книгами чеченских писателей на чеченском языке мы издали книгу избранных произведений А. Казбеги (перевод был сделан непосредственно с грузинского языка) и «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Вот как велика любовь чеченского народа к великому Казбеги!

В связи со смертью Александра Казбеги редактируемая И. Чавчавадзе газета «Иверия» писала: «Он будет жить, пока не померкнет слава Грузии, пока будет жить хоть один грузин, пока будет звучать речь грузинская!»

Александр Казбеги был истинным другом и заступником чеченского народа. Поэтому с уверенностью могу повторить за «Иверией», что Александр Казбеги будет жить в сердце чеченского народа, пока будет жить хоть один чеченец, пока будет звучать чеченская речь!

Александр Казбеги

Пастушеские воспоминания

1

В 18... году я решил заняться пастушеством. Мне захотелось обойти родные горы и долины, ближе сойтись с народом и самому испытать радости и тревоги, неразлучные с жизнью пастуха.

У меня, человека гор, было небольшое стадо овец. Продав кое-какие земли, я увеличил свою отару, раздобыл себе ружье, в руку взял посох и превратился в пастуха.

Мои начинания были на первых порах жестоко осмеяны. Все говорили, что мне, феодалу, сыну знатного человека, не к лицу пастушество, но я не считался ни с кем, преследуя свои цели, думал только об осуществлении самых заветных своих желаний. Я хотел подойти вплотную к своему народу, узнать его сокровенные чаяния, пожить его жизнью, самому испытать все радости и печали, сопутствующие повседневной жизни труженика, – и разве мог я оставаться дома! Я добился своего, я познакомился и сблизился с теми людьми, которых я так жаждал узнать поближе (насколько мне это удалось, – об этом предоставляю судить моим читателям). А сейчас мне хочется рассказать вам несколько эпизодов из моей пастушеской жизни, и, надеюсь, это не будет лишено для вас некоторого интереса.

Лето было на исходе, овцы еще доились, как раз я собирался согнать в кучу овцематок, чтобы подоить их. В это время ко мне подошли два мохевца, совершенно мне не знакомые. По моей одежде они, разумеется, приняли меня за простого пастуха.

– Пусть будет обильна твоя отара! – приветствовали они меня.

– Да пошлет вам Бог радости! – ответил я.

– Это чья отара? – спросили они.

Я назвал свою фамилию.

– Порази меня бог, а ведь метка-то на ушах у овец в самом деле ваша!.. Ни у кого больше нет такой метки! – воскликнул один из пастухов. – А сам ты чей? – спросил он.

– А я из Арахвети, мои милые! – ответил я на мтиулетском наречии. – Сын Якова Бурдулиани.

– В батраках работаешь или своя доля в отаре? – спросил пастух.

– Своя доля в отаре! – ответил я.

Пастухи помогли мне согнать овец.

– Парень, а как тебя зовут?

– Мамука, мои милые!

– А правда, что ваш барчук сам ходит со стадом?

– Ходит, клянусь именем Ломиси! – ответил я.

– Да неужто так сам и ходит? – удивились они.

– Да!

- Удивительно, ей-богу!
- А почему же? – спросил я, с волнением ожидая ответа.
- А как же не удивляться! Сын равного царю человека и пошел овец пасти!.. А-тьюю!.. – махнул он рукой.
- А что в этом плохого? Есть у него отара, он сам и пасет ее!
- Что плохого, говоришь!.. Сын владетеля Хеви и вдруг стал простым пастухом! – укоризненно сказал он.
- Деды его и прадеды тоже имели свои стада, но сами их не пасли, ей-ей!.. – добавил другой.
- Да, как же, стали бы они пастухами!.. Люди чиновные, все в орденах ходили...
- Тогда одно было время, теперь – другое! – попытался я оправдаться.
- Время тут ни при чем! Был бы твой барчук попутевей, получил бы должность пристава квешетского!

Меня обидели эти слова, и я уклонился от разговора; развернул свою отару, чтобы дать ей попасть на обильно поросшем кормами склоне, – было еще рановато сгонять ее на дойку.

Мои собеседники попрощались со мной, и я, огорченный беседой, ушел в свои мысли.

Надвинулся туман, и стал сеять мелкий дождь; я накинул на плечи бурку, надел на голову башлык и, зайдя спереди отары, остановил далеко забежавших овец, – мне хотелось, чтобы стадо медленней двигалось по пастбищу и усердней пощипывало траву.

Вдруг я увидел двух человек в штатской одежде, идущих по направлению ко мне. Я с удивлением стал всматриваться. Если они приезжие, – так ведь дорога лежит по ту сторону горы, им незачем переходить на эту сторону.

Они приближались, высоко подняв палки, так как моя овчарка Басара с лаем бросилась на них. Я покликнул собаку; она покорно вернулась, помахивая хвостом. Незнакомые, улыбаясь, заговорили со мной на ломаном русском языке:

- Собак, собак... Нет кусай?...
- Нет кусай, – успокоил я их.
- Баран, баран... – начал один из них, но не закончил фразы и, видимо, не умея говорить по-русски, обратился к другому на французском языке: – Как спросить его, куда они сбывают шерсть?
- Я сам не знаю, – по-французски же ответил тот.

Они стали беседовать между собой о хозяйстве, о шерсти, высказывая удивление, как нам удастся размещать в горах такие большие отары. Все же они непременно желали узнать, куда мы сбываем шерсть и сколько пудов ее можно собрать в горах.

Я хорошо говорил по-французски и, не удержавшись, вступил в беседу.

– В горах много овечьих стад, население почти исключительно живет скотоводством, а шерсть закупают у нас здесь на месте армянские купцы, – сказал я.

Представьте себе удивление иностранцев, когда в глухих, далеких горах, где, по их представлению, живут одни полудикие варвары, не умеющие даже считать свыше тысячи, простой пастух, простой человек гор вдруг заговорил с ними на французском языке.

– Как! Вы говорите по-французски?! – изумленно воскликнули оба.

– Да, немного!

– Но как же так? А где научились?... Нет, это просто невероятно!

Мне захотелось подшутить над ними.

– У нас почти все пастухи говорят по-французски... – ответил я. – Я долго служил батраком в чужих краях и потому немного позабыл, а тут есть такие, которых невозможно отличить от французов.

– Что вы говорите?! Вот поразительная история! – изумлялись иностранцы.
– А мы-то считаем их варварами!

Поговорив довольно долго и наскучив мне своей болтовней, они попросили меня спуститься вечером на станцию Казбек, где собирались заночевать, и рассказать им о жизни нашего народа, о его нравах и обычаях.

– Ты знаешь о существовании Англии и Франции? – спросили они.

– Знаю! – кивнул я головой.

– Он француз, а я – англичанин, – сказал один из них. – Все, что ты расскажешь, мы опишем в книгах, и эти книги прочтут все люди в наших странах. Приходи вечером обязательно. Мы дадим тебе за это денег, – добавил он.

– Спасибо, приду обязательно! – ответил я. Француз опустил руку в карман, достал оттуда один рубль и протянул мне.

– Вот тебе задаток до вечера, а вечером еще получишь.

– Спасибо, – ответил я, смутившись, – вечером приду, тогда дадите.

– Возьми, не стесняйся, – подбодрил меня другой.

– Нет, вечером, господин!

– Хорошо, тогда вечером получишь! – Они попрощались со мной. Я повернул отару и медленно погнал ее к нашему селу.

Вечером явился мне на смену мой товарищ пастух, вернувшийся с гор, куда он относил соль для овечьего стада. Следом за ним бежал парень, который каждую ночь приходил нам на подмогу.

– Мир пришедшим! – воскликнул я.

– Мир тебе! – ответили они.

– Как отара в горах?

– Что ей делается?... Ягнят пастухи каждый день выгоняют к ледникам, они там так резвятся, что смотреть радостно на них... Здорово поправляются...

– Корм каков?

– Уф! – с восторгом воскликнул пастух. – И не спрашивай, – овцы округлились, совсем как огурчики стали... Знаешь, барыня просила тебе передать, чтобы ты домой поднялся. Гости, говорит, приехали, – добавил он.

– Кто такие? – спросил я.

– Мне откуда знать? Из города, говорят, приехали, офицеры какие-то.

– И женщины есть?

– Есть!

– Ладно. Тогда пойду. Надеюсь на вас, хорошенько следите за стадом, чтобы в пропасть не свалилось.

– Будь покоен, ничего со стадом не случится, присмотрим.

Я попрощался с ними, потрепал по спине верного своего пса, который даже под хозяйской лаской ни на мгновение не отрывал глаз от стада, и направился домой.

Был прекрасный лунный вечер, все вышли в сад при доме и угощались чаем. По оживленной беседе и смеху я понял, что гости были приятные и, подойдя поближе, узнал среди них одного своего близкого родственника. Мне захотелось поскорее подойти к ним, так как старик-родственник, с которым мы давно не видались, был близким приятелем моего отца. Я собирался переодеться, но гости уже заметили меня и стали звать к столу. Я извинился и подошел, – смешно было стыдиться пастушеской одежды перед своими людьми. Но представьте себе мое изумление, когда старик-родственник встретил меня такими словами:

– Ну-ну! Взгляните-ка на этого сына владельца гор!

Моя протянутая рука повисла в воздухе, я в замешательстве смотрел на старца. А молодежь, моя родня, сбилась в кучу в уголке сада и от души смеялась надо мной.

– И не стыдно тебе? Совести нет у тебя?... – раздраженно спрашивал старик.

– Почему вы меня браните, сударь? Разве я в чем-нибудь провинился? – пролепетал я наконец.

– Ты еще спрашиваешь?... Ну, послушай, разве отец растил тебя пастухом? Ради этого истратил на тебя больше золота, чем вешишь ты сам? Если уж так хотелось тебе сделаться пастухом, грешный ты человек, зачем тебе понадобилось уезжать в Россию, для чего ты деньги тратил? Поступил бы в обучение к моему «саркали», и тот отлично бы выучил тебя этому искусству!..

– Мой отец жил так, как ему нравилось, и я хочу жить так, как нравится мне самому! – ответил я с обидой в голосе и почувствовал, что краснею.

– Он пошел в народ, князь, захотел сблизиться с простыми людьми! – насмешливо улыбнулся юный офицер.

– Вас не касается, куда я пошел и с кем захотел сблизиться, – оборвал я его. – Но должен сознаться, что предпочитаю занятие пастуха вашей пустой болтовне, это дело, по крайней мере, полезнее!

Я повернулся и, пока шел по саду, слышал за спиной сердитые возгласы старца и смех молодежи.

– Сближение с народом, хождение в народ, что это значит? – кричал старик.

– Лучше признаемся самим себе, что нынешняя молодежь никчемна, ни на что она не годится, ничем не может заняться.

– Отчего вы так изволите говорить? – тараторил офицер. – Нельзя по одному судить обо всех... Наш родственник как раз потому и пошел в пастухи, что хочет отличиться; не все ведь такие.

– Да что и говорить, прославленное занятие, где же еще и отличиться?... – расслышал я последние слова старика и скрылся в комнату.

И оскорбления летели со всех сторон на мою голову. Одни презирали меня за то, что я не шел по проторенной дорожке, не заботился лишь о «чинах и продвижении по службе», другие ненавидели меня за то, что вместо пустой болтовни я смело взялся за трудное дело, и, наконец, третьи – те, к кому я стремился всей душой, чуждались меня, им нелегко было поверить, что человек, которому разрешено их грабить, искренно хочет работать вместе с ними, стать их братом!

Таков был мой дебют в той профессии, которой я отдал семь лет своей жизни. Я расскажу вам кое-что из пережитого мною за это время.

Наступила осень. Пастухи знали, что я все лето провел в горах, не отходя от стада, видели, что я жил на воле, вне дома, и не растаял, как сахар, чего ожидали многие, не скучал и не болел ни разу, хотя немало бурь и дождей шумело над моей головой. Все постепенно уверились, что я пастушествовую с истинным рвением и не отступлюсь от любимого дела. За это время я подружился с несколькими пастухами и особенно – с жителем села Степанцминды Симоном Гигаури, который с первой же встречи поразил меня своей сообразительностью, своим пронизательным умом.

В Симоне сочетались все превосходные душевные качества горских пастухов. Ловкий, разумный и справедливый, он не способен был малую мошку обидеть; но всякая несправедливость глубоко возмущала его сердце, и он не щадил своих сил, чтобы отомстить за нее.

Все любили красивого, статного, правдивого юного Симона, все хотели войти с ним в товарищество. Вскоре стал он и для меня дороже других; на опытность его и умение ухаживать за стадом указывали во всем Хеви, как на пример, достойный подражания.

Итак, настала осень, а я все еще не мог найти себе никого в товарищи. Очевидно, мне не доверяли. Тогда я решил отправиться в Чечню один со своими чабанами. Там зимой паслись наши овечьи стада.

Однажды вечером, только мы согнали овец на ночную стоянку и только что уселись вокруг разведенного костра, как овчарка наша с лаем сорвалась с места и понеслась к откосу; один из пастухов вскочил и побежал за нею, чтобы отогнать ее от подходившего к нам человека.

– Добрый вечер! – приветствовал нас подошедший.

Пастухи, по обычаю, повскакали с мест и стоя ответили на приветствие:

– Да будет мирен твой приход, Симон!

Я пригласил прославленного в горах пастуха сесть рядом со мной. Все снова уселись и принялись за еду.

– Я к тебе! – обратился ко мне Симон, когда все мы немного подкрепились.

– Какое дело?

– Хотим войти к тебе в товарищество!

Я удивился. До сих пор мне никак не удавалось найти себе товарища.

– Согласен, – с радостью ответил я. – Но почему вы так запоздали, не известили меня раньше, ведь знали же, что я сам ищу товарища?

– Знать-то знали! Да только не верилось нам, что ты серьезно взялся за дело!.. Я и раньше собирался к тебе прийти, но товарищи были против, а изменить им я никак не мог.

– Вот ты говоришь, что не мог изменить товарищам, а сам наговариваешь мне на них! А что, если я затаю в сердце своем вражду против них?

– Ну!.. Ты теперь сам товарищ наш и от тебя таиться – грех перед Богом и людьми... Товарищ должен знать все, все, клянусь благодатью цверского ангела – хранителя войск!

– А почему тебе захотелось сдружиться со мной?

– Почему?... А потому, что ты грамотный!

– И еще почему?

– А еще потому, что казаки – народ каверзный, а такой, как ты, сумеет справиться с ними.

– Очень вас они притесняют?

– Очень, клянусь святым Гиваргием!.. Разве не знаешь сам, как они ко всему придираются.

На этом мы прервали нашу беседу, разостлали бурки поодаль от сбившейся отары и улеглись спать.

Только три сторожа-чабана не спали. Они всю ночь ходили вокруг отары, караулили, чтобы какая-нибудь овца не отбилась и не ушла.

Но вот забрезжило утро, потом солнце поднялось из-за горы и залило золотом всю окрестность.

Живительная ночная роса омыла бархатистую траву, и нежно заиграли краски цветов, словно желая усладить взоры солнца своей переливчатой прелестью.

Пастухи встали от сна, умылись и, со страхом думая о предстоящем пути, твердили вошедшие в обиход слова: «Боже, спаси нас от бесчинств казаков!»

Выгнали отару на корм. Я и Симон остались на становище, чтобы переговорить о том, когда нам слить наши стада, а также обо всех подробностях перехода в Чечню.

– Ты будешь у нас главным пастухом, – сказал Симон.

Я стал отказываться, не надеясь на свою опытность, говорил, что не знаю всех обычаев и правил пастухов, но Симон упорно настаивал на своем.

– Почему ты требуешь, чтобы я стал главным пастухом, когда есть гораздо более опытные люди?

– Потому, что ты всюду вхож, – ответил он, – если понадобится, ты сумеешь постоять за себя, не то, что мы, горемычные... Тебе еще, может быть, и удастся отбиться от казаков, а нам и думать нечего!..

Как видите, всем было известно, сколько притеснений приходится терпеть пастухам от казаков, которыми заселили эти места ради водворения мира.

– С тобой нас ни старшина, ни пристав не обидят, – добавил Симон, помолчав.

– Разве они тоже притесняют вас?

– Бог их знает!.. Пока добьешься от них билета, всю душу вымотают! – воскликнул он с досадой. – Без билета пускаться в Чечню нельзя, а разрешение дает пристав, а пристав требует свидетельства старшины...

– Ну и что за беда? Ведь это один раз в год приходится делать!

– Раз в год! Но зато уж и трудно это!..

– А почему?

– Вот почему, – улыбнулся он: – сначала требуется один общий билет на всю отару со всеми пастухами, потом еще по одному на каждом трех человек.

– А это зачем?

– Одних посылают за пищей, другим бывает нужно навеститься домой. Надо еще брать такой билет и для крупного рогатого скота отдельно... Словом, Бог знает, сколько возни. Не приведи Бог с ними связаться! Ничего, – поживешь нашей жизнью и узнаешь, как трудно приходится пастухам.

– Тебя самого, верно, обидели, потому ты так и говоришь, – сказал я.

– То-то и есть, что обидели! – начал Симон. – В прошлом году у меня в Ясиноватой стояла отара, а я должен был вернуться домой. Умерла у меня жена, надо было похоронить ее... Около середины зимы пришел ко мне человек и сообщил, что овечьи хлевы у нас погорели. Плохо мне пришлось, врагу не

пожелаю. Я побежал к старшине за билетом. Тот отослал меня к приставу, а пристав живет в Квешети. Отсюда до Квешети верст шестьдесят будет. Туда и обратно – сто двадцать верст. Шутка сказать, пройти зимою такое расстояние, да еще по горам... Как быть? Попросил у старшины справку. До тех пор не давал, пока не выманил у меня пяти рублей за печать. Пошел я, благополучно, благодарение Богу, перевалил горы, а пристав, оказывается, уехал по своим делам в Тбилиси. Есаулы сказали, что раньше месяца не вернется. Что мне было делать? Сердце кровью обливалось; все мое добро составляли овцы, хлевы сгорели, и я не знал в точности, все ли стадо сгорело или нет... Погоревал, погоревал и пошел обратно. В пути застигла меня вьюга, чуть снегом не занесло... Дома не мог оставаться. Решил идти без билета. Думал, – расскажу о своем горе, пожалеют, пропустят... Но у Дарьяла перехватили меня казаки. Билета у меня не было. Они задержали меня, связали мне руки и повели в Дзауг. Две недели держали в тюрьме. Потом отправили этапом в Душет. Две недели шли. А сердце горем обливалось!.. И там неделю продержали, потом отпустили... Слава Богу, что стадо не погибло, – но как после этого могу я относиться к ним?

Слушая его рассказ, я с грустью думал о нынешнем недостойном времени, когда честному труженику неоткуда ждать себе помощи. Я горевал о судьбе народа, которым безответственные правители распоряжаются по собственному произволу, устанавливая для него свои законы и порядки, требуя от него непосильной дани.

3

Прошло некоторое время. Я подготовил пропускные билеты, и все мы, входящие в одно товарищество, собрались на покосном поле Шавхалиани за Терekom, как раз против Степанцминды. Мы перемешали наши стада и, предполагая на другой день двинуться в путь, собрали приношения и устроили прощальный пир.

Все молились, прощались с собравшимися друзьями и родственниками и вели себя так, словно уходили на войну или готовились к большим испытаниям. Поля ногайцев и чеченцев действительно находятся довольно далеко от нас, но ведь и там живет мирное население! Чего же тогда так боялись эти трудолюбивые люди, которые шли на такое мирное занятие, как уход за скотиной?... Я был неопытен, и все это казалось мне удивительным, так как я не мог себе представить, сколько бедствий и огорчений ожидает нас в пути.

На этом пиру пастухи в один голос решили, что в пути и на стоянках я буду у них главным распорядителем, а Симона, по моей просьбе, дали мне в помощники. Во время пира мне слали чашу за чашей, говорили тосты в стихах, в которых называли меня надеждой и опорой своей.

Солнце уже склонилось к западу, когда мы кончили наше пиршество и я приступил к исполнению своих обязанностей. Столько говорилось о трудностях, о грабежах и неизбежных стычках, что я все свое внимание сосредоточил в первую очередь на оружии. Я собрал пастухов и, проверив у всех оружие, остался очень доволен. Ружья и пистолеты у всех были начищены, курки в порядке, кремни новые, кинжалы отточенные, пороха и запалов в изобилии. Словом, они были готовы в такой степени, что хоть тут же выводили их в бой.

В ту ночь стада оставались на месте, а на другой день на рассвете должны были тронуться через казачью станицу Маханюрт в Брагун, где мы арендовали земли на зимние пастбища.

Я и Симон ушли в наше село уладить оставшиеся дела, попрощаться с домашними.

– Что-то очень уж мы готовимся, Симон, но не знаю, к чему? – сказал я.

– Готовиться надо заранее: когда беда придет, тогда уж поздно будет, – спокойно ответил он.

– Ты так говоришь, словно мы в поход выступаем! – улыбнулся я, желая вызвать его на разговор и узнать, что же все-таки ждет нас в пути.

– Какая разница, милый, в поход идти или стадо вести, – нигде без оружия не обойтись.

– Как так?

– Все преследуют стадо. И зверь, и человек, и погода, все – враги скота, все хотят урвать от стада, – сказал он, – вот почему пастух – несчастный человек. От любого занятия можно оторваться, а от отары ни на минуту не отойдешь... От непогоды каждый укроется, а пастух – хоть умри со стадом... И ночью надо бодрствовать, одним глазом следить, как бы отара не перепугалась, зверь бы на нее не напал или вор к ней не подкрался... Пастуху нет отдыха ни днем, ни ночью!

И в самом деле, читатель, представьте себе пастуха под открытым небом в темную, холодную ночь; дождь льет, как из ведра, холод пронизывает до мозга костей, ветер колет иглами, а он только плотней запахивается в бурку, – нельзя оставить баранту, нельзя оторвать ее от корма и надо постоянно быть начеку.

Помянув Бога и хевских святых, мы вышли в путь.

Наше общее стадо мы разбили на пять отар. Головную отару сопровождал Симон, а сам я шел за последней. Симон вначале противился этому, но я решил, что так мне будет удобнее следить за всем стадом, и настоял на своем.

Баранта растянулась по узкому, извилистому ущелью. Медленно, осторожно двигаясь, она приблизилась к Дарьялу. Вдруг передние остановились и зашумели. Ко мне подбежал пастух и сообщил, что казаки не пропускают стадо. В целях поддержания спокойствия Дарьяла охрана имеет право проверять билеты у прохожих и проезжих.

Я подошел к охране узнать – в чем дело. Оказывается, казаки задержали передние партии баранты и загнали их в плетеный грязный загон. Чистая, мытая баранта стояла по колено в жидкой грязи. К тому же еще самцов поместили вместе с самками, и, конечно, ягнята теперь народятся раньше, чем успеет пробиться молодая трава, и, значит, у матерей не хватит молока и молодняк или погибнет, или вырастет слабым, хилым и шерсть у него будет плохая. А у овец от грязи заболят ноги, они не смогут ходить на корм, разрывать копытами снег и искать траву под ним. От этого они ослабеют и, если даже переживут зиму, все равно будут слабосильными и не дадут приплода.

Казаки, конечно, ничего этого не могли понять, и это не удивительно. Меня только поразила полная разнузданность и неразбериха в их действиях.

Меня окружили пастухи, свои и чужие, и стали умолять их спасти.

– Почему вас задержали? – спросил я их.

– Придрались к нам, требуют пятьдесят рублей, – тогда, мол, пропустим. Мы десять предлагали, – не согласны.

– Что вы, зачем давать им деньги? – сказал я. – Кто у вас старший? – обратился я к одному из стоявших тут же казаков.

– А тебе для чего? – ответил тот. – Ты наш начальник, что ли?

– Ты потом узнаешь, кто я! – сказал я сердито. – Кто старший над вами? – повторил я свой вопрос.

– Я старший! Говори, что тебе надо!

– Почему стадо задержали?

– На то наша воля. Задержали, и всё тут!

– Ты понимаешь, какой убыток наносишь пастухам?

– Пусть хоть совсем пропадают, – мне-то что?

Я убедился, что разговаривать с ним по-человечески невозможно, да и подозрительно мне показалось, что у «старшего» нет никаких знаков отличия.

Я направился к их казарме. В дверях передо мной вырос другой казак.

– Куда? – остановил он меня.

– Хочу видеть вашего командира.

– Он кутит, ему не до тебя.

– Ступай, скажи, что хочу его видеть, – я назвал себя.

– Мы у тебя под командой, что ли? – засмеялся казак.

Я с трудом сдерживал гнев. Блюститель порядка кутит, а когда человек требует справедливости и человеческого обращения, его подымают на смех... К счастью, я хорошо говорил по-русски, с не знающим русского языка они обошлись бы еще грубей.

Я повернулся, кликнул ребят, велел им выпустить стадо и продолжал путь.

Как только бедняги услышали мое распоряжение, они, дай Бог жизни, со всех ног кинулись исполнять его. Начисто снесли плетень и принялись выгонять стадо, которое весело бросилось на дорогу из грязной закуты.

Казак подскочил к одному пастуху и стегнул его нагайкой. Тот вспыхнул, схватил казака, стащил с забора, на который тот вскочил, и принялся избивать. Я с трудом вырвал у него казака. На крик избиваемого выскочили другие казаки и набросились на пастухов. Их было человек пятнадцать, а пастухов, отборных молодцов, восемнадцать человек, и потому казаки скоро сдались и запросили пощады. Их командир, некий Белогоров или Белогорский, хорошо не помню его фамилии, выскочил пьяный, в одном нижнем белье и грозно крикнул: «К оружию!» Однако, увидев своих казаков в плачевном положении, вернулся в помещение, облачился в черкеску, не забыл даже привесить саблю и почтительно вышел ко мне с просьбой простить его подчиненных за бесчинства, совершенные ими.

Мне удалось успокоить своих людей и, к удовольствию пастухов, мы благополучно двинулись дальше.

4

Не успели мы опомниться от приключения у Дарьяла и пройти около девяти верст, как ларские стражники преградили нам путь и стали требовать себе по барану с отары; на каком основании, по какому праву, – никто этого не мог нам объяснить. Мы, конечно, на это не шли, и драка была бы неизбежна, если бы не случился тут же ларский акцизный, который объяснил сотнику, кто я такой, и нас оставили в покое.

Пастухи были очень довольны.

Через некоторое время мы подошли к реке Чалхи, на берегу которой наши «квартирьеры» развели костры и варили для нас ужин. Здесь была намечена остановка на ночь. Мы пустили стадо пастись. Целый день баранта шла некормленной, так как трава по дороге вся была выщипана проходившим до нас стадом; надо было подкормить скот хорошенько.

– Здесь нужна большая осторожность! – сказал Симон, подойдя ко мне.

– А что такое? – спросил я.

– Волки водятся, да и осетины приходят на стоянку с водкой, будто бы угощают нас, а сами только и глядят, как бы забрать барана.

– Ну, они этого не посмеют!

– Тебя, может быть, постесняются, ты сын знатного человека, а с нами они не считаются! – и Симон, отойдя, швырнул камнем в отставшую овцу.

– Проклятая, землю жрет, верно, соли захотелось!

Я подошел к стоянке и, должен признаться, удивился выбору места: оно походило на укрепление, с высоты его просматривалась вся окрестность. Подошел пастух и по-товарищески, без всяких церемоний, доложил мне, как главному пастуху, о положении дел.

Я не мог не отметить про себя, что место выбрано отличное – и вода, и поляна.

– Все хорошо, только лес далеко! – заметил я.

– А так лучше. Если волк или вор утащит овцу, ему некуда будет сразу же скрыться от нас. – Это был ответ знатока своего дела. Я согласился с пастухом, и мы вместе пошли на стоянку.

Подошли к кострам. Я заметил, что людей вокруг них собралось гораздо больше, чем было у нас.

– Как много народу! – сказал я.

– А, это «гости» наши, осетины. Узнали, что вы здесь, и ни за что не отстанут, пока не дадите им чего-нибудь!

Когда я подошел, гости окружили меня с приветствиями, превозносили «Глаха», так звали моего отца, и в заключение стали клясться, что каждый раз, как его стадо проходило по этой дороге, они неизменно получали в подарок одну овцу на убой. Какой-то осетин даже принялся описывать подаренного ему однажды моим отцом барана, который будто бы был величиной если не со слона, то, во всяком случае, с буйвола; «соседи» все-таки сумели поднести нам бутылку водки, сами же распили ее с нами и пели, и докучали нам до тех пор, пока я не распорядился передать им в подарок годовалого барана.

И только после этого мне с трудом удалось спровадить гостей. Они просили разрешения покараулить ночью наше стадо, но мои пастухи так сумрачно поглядывали на них, что я не посмел удовлетворить их просьбу. После их ухода подошли сторожевые пастухи, забрали с собой ужин и отправились с собаками к стадам на всю ночь.

Мы, оставшиеся, сели ужинать и с удовольствием утоляли голод теплыми лепешками из кукурузной муки и солониной, которые в изобилии захватили мы с собой. Ужин прошел весело, мы шутили и перекидывались наспех сочиненными стихами. С радостью глядел я на этих жизнерадостных и беспечных людей, настолько закаленных суровой борьбой, что они как будто вовсе не чувствовали усталости.

Мы поговорили, покурили из наших трубок с длинными чубуками и, прихватив бурки, разошлись на ночлег вокруг стада. Луна зашла, и в черной пропасти неба еще ярче засияли звезды, проливая успокаивающий свет. Горы, раскрыв свои пасти, беззвучно пропускали через ущелья одиноких прохожих. Ночью они казались еще огромнее и терялись во мраке. Шум далекого Терека доносился, как тихая, ласковая колыбельная песня. Зверь не нападал на скотину, и псы спокойно, без лая, ходили вокруг.

Этой тихой, прекрасной ночью, когда в воздухе носился запах сена, смешанный с ароматом цветов, какое-то тревожно-восторженное чувство овладевало душой человека.

Дышалось легко, и жизнь ощущалась, как некая манящая, ласково-сладостная сила. Такою казалась мне эта ночь, и такую, наверное, была она и для всех.

Сон бежал от меня, и мысли мои носились Бог знает где, воображение разыгралось...

Наконец веки мои сомкнулись, я забылся и вдруг услышал беспокойный собачий лай, звуки выстрелов и крики пастухов.

Я вскочил. Пастухи все были на ногах. Они гнались за перепуганным стадом; не разбираясь в пути, овцы безудержно неслись в разные стороны.

А у самого костра, окруженный собаками, метался волк. Наконец он свалился, и свора растерзала его.

С трудом удалось пастухам подчинить своей воле отары овец. Испугавшись, они обычно разбегаются куда попало и бегут до тех пор, пока не наткнутся на какое-нибудь препятствие или не задохнутся от бега и не падут.

Наконец мы водворили баранту на прежнее место. Близился рассвет, и я понял, что в эту ночь нам так и не удастся выспаться и отдохнуть.

5

С рассветом воздух огласился свистом и перекличкой пастухов. Отары подняли со стоянки и пустились в путь. Близ селения Балта нас остановили у заставы и потребовали денег за прокорм овец. Это требование показалось нам несправедливым, так как мы все время гнали отары по склонам и мало шли по шоссе. Но стражники стояли на своем и не пропускали нас.

Мы вынуждены были уступить и предъявили им наши билеты, в которых обычно бывает обозначено число овец и тягловой скотины. Они не поверили документам и пожелали пересчитать овец.

Представьте себе, сколько времени могло это длиться, если в стаде более восьми тысяч голов, и какой убыток наносился нам!

Я пошел к начальнику заставы, но все мои уговоры не привели ни к чему. Он упрямо стоял на своем и только твердил: «Должен пересчитать!» – словно забыл все другие слова.

Баранта сбилась в кучу на дороге. Сверху и снизу подъезжали арбы, фургоны, тройки, подходили верблюды, и создавалась невообразимая толчея. Все кричали, бранились, лезли в драку, дорога была закупорена.

Я решил, что надо гнать стадо обратно на ближайший луг, и там ждать, пока я вернусь из Владикавказа, который находился в 12 верстах от Балты и куда я решил съездить к хорошо мне знакомому г. Делакруа, чтобы сообщить ему об этих беспорядках на дороге, находящейся в его ведении.

Я вышел из комнаты начальника заставы, чтобы привести в исполнение свое намерение. Ко мне подошел один из служащих на заставе стражников.

– Напрасно вы беспокоитесь! – начал он.

– Как это напрасно?... – удивился я и сердито добавил:– Мы не ходили по вашим дорогам, ничего на них не портили, а вы незаконно требуете от нас денег, и, мало того, вы еще смеете сомневаться в бумагах с государственной печатью, заверенных приставом, и собираетесь, нанося нам убыток, сами пересчитывать стадо!..

– На все это у нас есть закон, так нам приказывает начальство.

– Я не верю, чтобы начальство приказывало мучить людей и поступать явно во вред населению!

– И все-таки, уверяю вас, напрасно вы сердитесь!.. – успокаивал меня мой собеседник, по всем признакам кантонист, зачисленный писарем на военную службу.

Какая-то особая печать лежит на этих людях, и их всегда можно отличить от тысячи других. Бледный, аккуратно одетый, в сдвинутой набок шапке, из-под которой выбиваются смазанные свиным жиром волосы, намыленные, закрученные кверху усы, выражение лица покорно-хитрое; всегда старается вкрадчиво-любезным словечком смягчить разговор, а если такое словечко не подворачивается, он тут же сочинит его, не считаясь со смыслом, с тем, к месту оно или нет. Словом, мой собеседник принадлежал к разряду людей, чьи уговоры еще больше раздражают собеседника.

– Почему же это я сержусь напрасно? – резко спросил я.

– Подарите трех-четыре ягнят, и вас пропустят! – пояснил он.

– И трех грошей не дам! – возмутился я.

– Как вам угодно, но так было бы лучше! – Открыв картонный портсигар, он предложил мне папиросу. – Угощайтесь!

– Благодарю вас! – сказал я, позвал пастуха и велел подать мне коня.

– Значит, все-таки едете? – опять спросил он.

– Да, прямо к г. Делакруа. Я расскажу ему о ваших порядках.

– А я думаю, что... – начал он.

– Ничего вы не можете думать! – прервал я его, выйдя из терпения.

Подвели лошадь, и едва я занес ногу в стремя, как солдат опять подошел ко мне.

– Дали бы хоть двух баранов!.. Я бы попросил, чтобы вас пропустили.

«Слыхано ли это?! Какой-то проходимец будет просить другого проходимца, чтобы честного труженика, идущего по своим делам и имеющего на руках все нужные бумаги, пропустили по казенной дороге! Боже мой! Где я, и что тут происходит?» – думал я.

– Давай уступим им и двинемся дальше, – посоветовал Симон.

– Никогда! – ответил я. – Надо же хоть раз проучить этих грабителей!

– Проучим ли мы их?

– А как же, они получают выговор.

– Не вечно же начальником заставы будет этот толстопузый. Еще раньше, чем мы будем возвращаться, могут назначить другого, и тот будет так же грабить.

– Знаешь, если тебя послушать, так выйдет, что мир населен одними разбойниками! – раздраженно воскликнул я.

– Не одними разбойниками, а все же несправедливости в нем достаточно... Однако, знаешь, что я хочу тебе сказать? Если ты стоишь на своем, давай перейдем реку повыше и совсем минуем дорогу.

– Пустое ты говоришь! – вмешался в разговор пастух. – В прошлом году мы также вот верхами шли, через Джариах прошли, до самого Дзауга в глаза не видали государственной дороги, и все-таки казаки нас догнали и потребовали с нас вдвое больше...

– Как? Вы вовсе не шли по государственной дороге и с вас все-таки взыскали деньги?... – спросил я пораженный.

– Клянусь, что так! – подтвердил пастух.

Я уже готов был принять предложение Симона, чтобы самому убедиться в существовании такого разнузданного взяточничества, но, к сожалению, мост, которым пользовались без пошлины, оказался разрушенным инженерами, а вода в реке была высока, и я утвердился в решении ехать во Владикавказ. В это время к Балте с грохотом подъехал экипаж, и из него выскочил сам г. Делакура.

Я объяснил ему все, рассказал про наши беды, и он сделал строгий выговор начальнику заставы.

– Милостивый государь, вы должны уметь разбираться в людях, не все ведь одинаковые! – добавил он, между прочим.

Я просил не исключения для себя, а справедливости для всех, и потому, не выдержав, сказал:

– Господин полковник! Я прошу не снисхождения к себе, а законных действий!

– Станный вы человек! – усмехнулся он. – Не можем же мы поступать одинаково с вами и с какими-то там мужиками!

– Я полагаю, что закон для всех должен быть одинаков, исключения здесь неуместны.

– Сколько ни говорите, никогда этого не будет! – покачал он головой.

Мы еще долго беседовали, и кончилось тем, что с нас вовсе не взяли положенного налога, как ни старался я соблюсти общий для всех порядок.

Миновав эти места, мы подошли к пригородным лугам Дзауга. Тут нам предстояло вести переговоры с арендаторами пригородных пастбищ.

6

Перед нами раскинулось широкое Пуртузское поле, затянутое белесодымчатой пеленой. То была дымка над Дзаугом, переименованным русскими во Владикавказ.

Баранта, измученная двухдневным переходом и изголодавшаяся, прильнула к сочной траве. Пастухи тоже вздохнули свободней, так как за Дзаугом легче было отражать беды, всюду гнавшиеся за нами. Тут все зависело только от храбрости этих молодцов.

Мы стояли на широком поле, по одну сторону которого протекал Терек. Стремительный и пенистый у своего истока, он, спустившись в равнину, разливается вширь и с тихим рокотом катит свои мощные волны. Сама эта местность подсказывает человеку, как ему надлежит поступать.

Из Владикавказа к нам навстречу выехало несколько всадников.

– Чьи стада? – спросили они.

– Наши! – ответил один из пастухов.

– Кто старший над вами?

Тот указал на меня.

Всадники подъехали ко мне, объявили мне, что в сутки мы должны уплачивать за корм по одной копейке с овцы, и спросили, когда мы собираемся сняться с этих мест.

У нас было решено держать отары на этом поле три дня, так как нам предстояло в дальнейшем восемь месяцев скитаться по долинам и лугам и следовало закупить в городе кое-какие необходимые вещи, как, например, кожу на чувяки, рубахи, а также продать там холощеных баранов. Всадники протянули мне какую-то бумагу и сказали, что в ней обозначен день нашего прибытия.

Я взял бумагу и с изумлением прочитал в ней, что мы прибыли первого сентября, тогда как на самом деле это было шестого сентября.

– Вы, вероятно, ошиблись, – сказал я, возвращая бумагу, – сегодня шестое сентября, а в бумаге сказано первое.

– А ну-ка, покажи, – сказал один из всадников, соскочил с коня и, наклонившись к самому моему уху, шепнул: – Молчи, получишь красненькую!

Я сперва удивился, не понял, за какие услуги он мне сулит красненькую, но тут же сообразил, что это одна из форм бесчеловечного грабежа бедных пастухов. Дело в том, что, отправляясь на зимние пастбища, пастухи, обычно не знающие русского языка, нанимают себе переводчика, который сопровождает их в пути. Такие переводчики, как правило, бывают из среды, близко соприкасающейся с чиновничеством, они быстро перенимают его нравы, с пятого на десятое понимают русский язык и потом бессовестно грабят своих братьев.

– Ты ошибся, дружище! – ответил я, – По копейке с овцы в сутки составит с тысячи голов десять рублей, а за пять суток пятьдесят рублей, у меня же их гораздо больше.

– А мы с твоей отары ничего не возьмем, – снова шепнул он мне.

– Бога ты не боишься, нехристь ты этакий! – вмешался подошедший Симон. – Получай, сколько полагается, и убирайся.

– Сам убирайся, кто тебя спрашивает? Забыл, с кем разговариваешь? – крикнул подрядчик.

– Ты лучше помолчи, а то... – угрожающе надвинулся на него один из пастухов. – Помолчи, говорю, а то враг мой не погибнет быстрее, чем я стащу тебя с лошади...

Всадник нахмурился, сплюнул и, повернув коня, поскакал в город.

– Скоро же он убрался! – сказал Симон.

– Помнит, видно, прошлогоднюю историю! – заметил второй пастух.

– А какую историю? – спросил я.

– В прошлом году был у меня переводчик. Он, оказывается, заранее сговорился с подрядчиками и взыскал с нас плату на целых шесть дней больше положенного.

– Вы пожаловались? – спросил я.

– Пожаловались, как же не пожаловаться, – с горькой усмешкой сказал один из пастухов.

– И что же?

– Да все то же! Продержали нас три дня в тюрьме и за эти три дня взыскали плату, потому что товарищи наши не хотели бросить нас на произвол судьбы и стояли со стадом.

– И за те дни, за лишние, тоже взыскали?

– И за те взыскали.

– А разве вы не могли свидетельскими показаниями доказать, что документ был подложный?

– А как докажешь? Мы не знаем по-русски, а в бумаге, выданной ими, день прибытия был обозначен неверно, на шесть дней раньше... На суде эта бумага против нас бы обернулась.

– Если бы даже кто и мог подтвердить правду, все равно на суд бы не явился!
– добавил Симон.

– Почему?

– Кому охота связываться с ними и лезть в беду!

– Ну, что ты, разве свидетелей арестовывают?

– К такому счастливцу, как ты, все одинаково милостивы, – и люди, и Бог, а для нас, горемычных, правды не сыщешь. Редко какой справедливый человек пожалеет мохевца, а то всегда получается так, что он виноват...

– Знали бы мы, по крайней мере, язык, тогда, может быть, и сумели бы защититься. А то ведь они говорят по-своему, мы – по-своему. Надоест им слушать, затопают на нас ногами и выгонят вон, и некому заступиться за нас!

Так, разговаривая, дошли мы до нашей стоянки. Я решил переодеться и сходить в Дзауг, чтобы довести до сведения тамошних властей о нарушениях в их ведомстве. Я был уверен, что начальство обратит внимание на мой рассказ, постарается изменить порядки, губительные для народа и нежелательные для властей. Но представьте себе мое изумление, когда слова мои оказались гласом вопиющего в пустыне.

Слова мои долго служили развлечением для аристократических салонов Дзауга; там с улыбками передавали из уст в уста историю о том, как сын генерала ходит за стадом с пастушеским посохом в руках.

Через три дня мы миновали Владикавказ, и у нас произошла первая стычка с сунженскими казаками.

Мы повздорили с ними из-за дороги. Мы имели право по закону следовать по ее обеим сторонам на расстоянии тридцати саженой бесплатно. Они же не пропускали нас.

Закон разрешил нам это, но что значит закон для них? Они все дела решают по своему разумению и произволу, а пастухи в этих случаях беззащитны, так как им некуда обратиться, и, находясь в пути, они не могут до конца проследить за делом.

Поэтому им приходится либо также действовать незаконно и защищать себя силой, либо смиряться и уплачивать всюду лишние десятки рублей.

Мы избрали первый путь и силой прокладывали себе дорогу там, где мы имели право по закону и где казаки чинили нам препятствия.

Весь наш путь по долине вплоть до Брагуна был однообразен: мы проходили через казачьи станицы, и почти всюду нас преследовали бесчинства властей. Однако все мы были тесно объединены нашей пастушеской ловкостью, силой

и отвагой. Мы с боями прокладывали себе дорогу, которой по справедливости могли пользоваться беспрепятственно. Только теперь понял я, что означала пастушеская молитва перед нашим выступлением: «Господи, спаси нас от бесчинств!» «Блюстители мира» нигде не пропускали нас без стычек.

Наше путешествие длилось пять недель. Мы шли медленно, долго. За это время не было даже двух солнечных дней, дождь лил над нами всю дорогу, как из ведра.

Представьте себе нашу радость, когда мы добрались до Грозного.

Проехав этот путь со стадом, я увидел воочию, сколько бедствий может ожидать путника, подобного мне, при встрече с казаками. Я решил попросить у начальника бумагу, которая предписывала бы атаманам станиц поддерживать порядок среди тех, кого селили в этих местах для распространения просвещения.

В Грозном я открыл свой чемодан. Он был обшит снаружи ковром, одежда внутри была сверху обернута буркой, и все же дождь проник в него, и вся одежда намокла. Из этого вы можете заключить, сколько лишений мы перенесли в пути.

Я получил желаемую бумагу, в которой станичным атаманам предписывалось оказывать нам законную помощь в дороге, и благодаря этой бумаге дальнейший путь был сравнительно спокоен.

Близ Брагуна находились уголья станицы Маханюрт, которые мы арендовали. Они были богаты кормом, окружены лесом и вдоволь снабжены водой.

Сено и продукты продавались дешево в ближайших чеченских деревнях, куда я часто ходил, знакомясь с новыми для меня людьми и обычаями.

По прибытии на место были построены хлевы и загоны. Удивительно было видеть, сколько труда вложено в них пастухами. Выросла целая деревня из хлевов, загонов, жилых помещений. Стены плелись двойным плетением, глиняные полы утрамбовывались. Каждый день разносился по лесу стук топоров, звучали веселые шутки пастухов, звенели их песни и шаири.

Это шумное строительство вскоре сменилось ежедневным, размеренным, однообразным трудом: рано поутру отару выгоняли на пастбища, вечером загоняли в хлевы. Изредка к меже стоянки подходил главный пастух, усаживался с пастухами, и начиналась долгая откровенная беседа, в которой каждый пастух раскрывал свою душу, рассказывал о своей жизни. Ночная тишина иногда нарушалась топотом коней, угоняемых чеченцами, и звуками выстрелов и погони. Больше ничем не разнообразилась жизнь.

Однако я чуть было не позабыл об одном, очень меня занимавшем времяпрепровождении. Это было слушание сказок, легенд, повествований о жизни прославленных пастухов или разбойников.

Здесь я обрываю свои воспоминания, так как все, что я услышал, прочувствовал и осмыслил, – все это я решил передать в своих рассказах, решил познакомить вас с обычаями и нравами народа, составляющего часть Грузии, или народов, дружелюбно с нею соседствующих, с которыми в будущем не миновать нам более тесных связей.

Андарбек Магомадов

За рекой в тени деревьев

Памяти отца нашего

За рекой в тени деревьев
Сердце нашего отца.
Мост висячий, дрожь в коленях,
Нет волнению конца.

Отовсюду, где бы ни был,
Ты вернешься неизменно
К старым родовым могилам –
Преклонить свои колени.

Над Мартаном пар и дымка,
Путь знакомый и неблизкий.
Меж деревьев, над рекою
Видны камни-обелиски.

В тишине, у изголовья
Тихо-тихо шепчем суры,
Тени предков над рекою,
Как гигантские скульптуры.

Нам в подарок томик Хэма,
Мяч футбольный, книги, диски.
Ты таким казался строгим,
Навсегда родной и близкий.

День встает над Алхан-Юртом,
Будто мало испытаний,

Видны раны на деревьях,
На надгробьях тоже раны.

Нашу землю, воздух вольный
Никогда мы не бросали.
Предки так любили горы,
Даже камни целовали.

Эти горы и равнины
Помнят дни былых сражений!
Слава предкам, мир – Отчизне,
Жизни новым поколениям!

**Мне дедушка
привиделся во сне**

Мой дедушка ведет меня
Во сне через сады,
Где по краям колючая акация,
Чьи длинные и грозные шипы
Должны хранить дерев
Прекрасные плоды.

В далеком детстве
Он ведет меня туда,
Где мать моя и бабушка в трудах,
А мы несем еду им в жаркий день,
И уточки спасаются в прудах.

У деда сильная надежная рука
В неповторимых тех шестидесятых,
Когда вернулись мы и просто оживали
В краях, где жили до того в веках.

Вот мы дошли, он омовенье взял,
Стал на молитву в точный час.
Я знал тогда, как знаю и сейчас –
Его молитва защищала нас.

Как были помыслы у дедушки чисты!
Я часто вспоминаю, как когда-то

Он умер в летнюю июльскую жару,
Читая «Ясин» на могиле брата.

Вот он стоит, как будто наяву.
С автобуса из города встречает,
Нас с матерью улыбкой привлекает
И провожает в дом,
И крепко обнимает.

Мой дедушка ведет меня в сады,
Где родники и райская прохлада,
Где с папой встреча – главная награда,
И лебеди, и чистые пруды...

Шло письмо с фронта

*Памяти Лечи Исаевича
Исаева, чеченца-
фронтовика из села Герменчук,
чье письмо, написанное
в июле 1941 г.
пришло к родным в 2008 году.*

Простенький конвертик
Почты полевой
Шестьдесят семь долгих лет
Шел к себе домой.

На бумаге старой, желтой
Вывел карандаш:
«Салам маршал, Магомед!
Пишет Лечи Ваш».

Разговоры, смех и слезы
Здесь и стар, и млад...
Будто Лечи сам вернулся –
Каждый вести рад.

Вот пошел листок по кругу,
Губы шевелит,
В июле сорок первого
Лечи говорит:

«Нам пока, сказать по правде,
Очень тяжело.

Бьют по нам снаряды, бомбы...
Выжил... повезло.

За меня не беспокойтесь,
Рана заживет,
Где пройти смогли другие,
Сын Исы пройдет.

Денег мне сюда не шлите,
Нужное с собой,
Передай отцу и маме –
Я вернусь домой...»

Сорок первый, самый первый
Год Большой войны,
Вгрызлись в землю, устояли
Верные сыны.

Выжил Лечи в сорок первом
И, как мог, служил,
Но до Дня большой Победы
Все же не дожил ...

Лишь до сорок третьего
Не терялся след его.
Знали дома, как отважно
Лечи воевал...

То, что почта не смогла,
Донесла домой молва,
В памяти народной
Честь сынов жива.

Воевал он с белофинской,
Метко врага бил,
Но в бою неравном
Голову сложил...

Нас вернула оттепель
В родимые края,
Показалось, вот теперь,
Ждет домой земля.

Разыскали братья поле,
Где последний бой...
Славные останки Лечи
Привезти домой...

Но могила братская,
Ленточки и банг –
Он с однополчанами
Гвардии сержант.

Третья сверху четкая
Выбита строка:
Мы читаем: «Л. Исаев»
Память на века!

Жили-были братьев трое:
Лечи, Кюри, Магомед.
Двое младших навестили
Брата через много лет...

Колесил конверт по свету,
Дома всех искал,
Добирался до Кавказа –
А надо в Казахстан.

Затерялся тот листочек,
Полежал в пыли.
Поменялись времена...
И письмо нашли.

Снова в путь, на Родину,
Для семьи слова
Почта полевая
Все же донесла!

Нет, не сгнули слова,
Просто зависали –
Что послал домой с войны
Нохчийн кІант Исаев.

Девочка с Танганьики...

Вот оно, кто б говорил –
Культурный шок и паника.
С детства мне запало в душу
Озеро Танганьика.

Так мечтал там побывать,
Встать под утро раненько
И отправиться рыбачить
На озеро Танганьика.

«Лодку из папируса!» –
Я уперся рогом...
В крайнем случае, нужна
Индейская пирога.

В детских снах там побывал,
Наловил там много
Разных рыб, подводных гадов,
Даже осьминога.

Я улов с кукана снял,
Отложил в сторонку,
Жестом тайно подозвал
Черную девчонку:

Подарил ей жемчуга,
Золотую рыбку –
Не видал ни до, ни после
Я такой улыбки.

Вот картина, вот девчонка,
На причале драненьком.
Потихоньку жизнь прошла –
Никакой Танганьики...

Так туда и не добрался –
На душе поганенько.
Словно я тебе соврал,
Девочка с Танганьики.

Лето у дяди в Валерике

*Посвящается брату
нашей матери
Магомеду Пагалову*

Есть особый разговор –
Никуда не деться:
С нами здесь и навсегда
Впечатленья детства!

Чисто скошена трава...
Овцы, буйволята...
Как прекрасны зелень, творог,
Спелые томаты...

Молоко от буйволицы
Нацедилось тонко,
Крутит ловко сепаратор
Юная девчонка!

Соблюдались все стандарты
Вовсе не напрасно –
Только избранные сливки
Становились маслом!

Дядя мой здесь агроном –
Все хозяйство знает.
По науке и с умом
Силос запасает.

У него отдельный взгляд
На разные делянки:
Предложил на корм скоту
Попробовать «суданку».

Чтоб объехать мог поля
Мотоцикл с люлькой,
В люльке с ним и брат,
И я – короли июля.

Вечером тельняшку снял –
Он служил в морфлоте...
Принял душ и сел за стол
С думой о работе.

На пруду камыш и ил,
Поплавки цветные.

Много здесь я наловил
Голавля и линя.

Самолетик пролетел
Из малой авиации,
На окраине присел,
Чтобы сил набраться.

А пилот для всех герой,
Весь по летной моде –
Ребятя за ним гурьбой
Вслед по полю ходит.

Кукурузник же «АН-2»,
Элероны стильные,
Над полями распылил
Подарки «Сельхозхимии».

В клубе вечером Капур
Публику заводит –
Двухсерийный фильм «Бродяга»
Дам до слез доводит.

А с утра их ждут поля,
Прополка и колодцы –
Ведь сама собой вода
В дом не доберется.

Так и лето на селе
Пролетало звонко.
Было что ценить-любить
Мальчишкам и девчонкам.

Голоса друзей

Наталья Возжаева

Краснодарский край

Наталья Васильевна Возжаева родилась в городе Грозном (ЧИАССР). Окончила Ростовский государственный университет по специальности «Филолог, преподаватель русского языка и литературы». Стихи пишет с 2018 года. В настоящее время проживает в Новороссийске. Лауреат «45 калибр 2021»; лауреат конкурса «Интерреальность 2021»; лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» 2021. Публикации в Литературно-историческом журнале «Родная Кубань», в парижском издании «Глаголь», в альманахе «Витражи», в журналах «Москва», «Нева», «Краснодар литературный», «Русское эхо», в белгородском альманахе «Звонница». Автор двух сборников стихотворений: «Струнность ливней» и «Крабик улепетывает боком». Лауреат конкурса «Русский Гофман» в 2023.

Она везде

Здесь дух ее на крылышках стрекоз
Проявится неслышно, полужримо:
На ручке развалившейся корзины,
На фартуке, подвешенном на гвоздь.
Она везде. На зелени ворот,
На белых гольфах слив,
айвы и вишен...
Как будто здесь. Как будто
просто вышла
За хлебом-молоком. Сейчас придет.
Опустится благословенность тьмы.
Заснули куры. Во дворе – ни звука.
И только сад пугает редким стуком—
Там яблоня прощается с детьми.
Как пахнет хмель!
Как светляки кружат!
Теплом животным дышит
дом саманный
И ночь несет в подоле сарафана
Упавших звезд богатый урожай.
Ему бы спать, но он боится сна.
Приснится, что сажает чернобриwцы
В домашнем платье из простого ситца
Живая и веселая она.

И сон как жизнь, а, может,
жизнь, как сон,
И время ничего уже не значит.
Забыв ладонь на голове собачьей,
Десятую за вечер курит он.

Ветра крутили пакостно и зло,
Опять листвы к порогу нанесло,
Опять бесснежно, муторно, бессонно,
И в голове бесстрочно и
бессловно.
Вращаю зажигалки колесо,
И стелется, слоисто-невесом,
Дым выдоха, не слышно и устало.
А ты стоишь в проеме с одеялом,
Взъерошенный смешно.
И я жива.
Нам, как обычно, не нужны слова.
Ты кутаешь меня – не мерзла чтобы –
Бубнишь, мол, провалился чертов
штопор
Куда-то. Вот скажи, за что ты мне?
Внутри моих печалей и вовне.
Немая своевременность касаний.

За что ты мне ниспослан небесами?
 Прагматик, реалист,
 бурбон, мужлан...
 Но, Боже правый, как она нежна,
 Не тронута красивыми речами,
 Твоей руки забота над плечами.
 Вот греешь в турке красное вино
 И что-то врешь, мол, якобы, оно –
 Нет-нет, без этой нездоровой тяги –
 Лунатикам и чокнутым во благо.
 И так уютны наши декабри,
 И надо бы уже бросать курить.
 Из форточки – не закрывай, не надо! –
 Предчувствие струится снегопада.

Не разглядеть сквозь пелену
 Небесной зыби.
 Зима включает тишину
 Для безъязыких.
 Домов безмолвны короба
 Под белым плюшем.
 Снег – это палец на губах,
 Молчи и слушай.
 А снегу год, как ученик,
 Сдает экзамен,
 Как будто снова чистовик
 Перед глазами.
 Какой ни вытянешь билет–
 Опять на тройку.
 Цепочка букв – синичкин след
 На белом. Только
 Переписать,
 переболеть, переиначить...
 Засыплет снег и шанса нет
 На передачу.

Лев и Овен

Зимой не прекращаются дожди.
 Идут, но только медленно и ровно.
 А в комнате, за снежностью гардин,
 Гривастый Лев подносит тапки Овну.

Поправит плед и ластится, и льнет,
 И греет чай, и мандаринку чистит.
 А за окном густой и белый льет
 Декабрьский дождь.
 Метелист и неистов.
 А в комнате гармония и лад,
 И мишура на веточке еловой.
 На дольки Лев ломает шоколад
 И львиную протягивает Овну.
 Стригут, стригут небесное руно,
 Зима идет почти неслышным шагом.
 На елке тренькнет тоненькой струной
 Бумажной арфы ангел из бумаги.

Разбудил: посмотри что случилось.
 А случился ночной снегопад.
 За окном неподвижный и чинный,
 Так недавно зеленый наш сад,
 Как невеста. За старца седого
 Не по воле своей, без любви.
 Я о том не сказала ни слова.
 Сваришь кофе – меня позови.

Утро нежное-снежное – ахнуть
 От восторга, но я не могу.
 Там на лавочке, словно на плахе,
 Голова георгина в снегу.

Огурцы

Старик мой добр, умен и очень горд,
 Он рыбку золотую удивил,
 Когда, достав ее из синих вод,
 С улыбкой просто взял и отпустил.

Пришел домой и все мне рассказал,
 Усмешку пряча в бороде седой.
 Мурлыкал кот, мемекала коза,
 Спешили куры в тень под лебедой.

А я ему: «Обед уже готов.
Вон каравай духмяно дышит, щи».
Турну с нагретой лавочки котов,
И фитилек у свечки затрещит –

Темнеет скоро. Сядем во дворе
И будем слушать, подпирая дом,
Как море, что синее всех морей,
Ворочается тихо перед сном.

Смоковница щедрa, как никогда,
Тугие тыквы впитывают мед,
И мне щекочет щеку борода –
Старик мой нежен, хоть и очень горд.

«Смотри какие нынче огурцы –
Один в один!» – Скажу ему я вдруг.
А где-то в небо высятся дворцы,
И старики клянут своих старух.

Андреевская

Старик на ссохшейся арбе
менял свистульки на бутылки.
Блин тубетейки на затылке,
у клячи сено на губе.
Внизу мальцы, вверху стрижи.
Свистело по поселку лето,
и с миром шел сосед к соседу,
Замков не зная и межи.
В горах шиповники кровят,
кровят кизилловые чащи,
и, словно нож, в траве торчащий,
Терзает землю коровяк.
Где черный алабай лакал
с лица Луны густые сливки,
там птицу с веточкой оливы
зубами сдавливал шакал.
Где дом – остывшая зола,
и сад заброшен и печален.
как сердце, падая, звучала
несобранная мушмула.

Ни

Как над водой стеклянно воздух чист!
Рогоз, набрякший невесомым пухом,
Царапнет длинным пальцем
мочку уха.

Но ты и тут мараешь чистый лист.

Представь, что вот
подпрыгнул и завис.
Ни то, ни се, ни два, ни полтора, ни...
Никто. Висишь,
не признанный мирами,
Ни ввысь, ни вниз – смешно –
ни вниз, ни ввысь.

Земля, вода, над этим – облака.
Но ты – нигде,
застывший между ними,
Такой безвесный, что и дно не примет,
И небо ухмыльнется свысока.

Ни там, ни там не нужен. Ты иной.
Вот сом пройдет
неслышной субмариной
Там, под водой.

Тут столбик комариный
Звенит, как нерв, задетый тишиной.

И жить не жил, стремительно скользя.
В недовитом мареве амброзий,
Тебя ни пруд, ни чуткий
глаз стрекозий,
Ни нота, ни строка не отразят.

Одинокова

В служебное стучусь:
мол, вот, не спится.
Ответный взгляд
оправданно-свинцов.
С натугой надевает проводница
Улыбку на помятое лицо.

Начальница десятого вагона,
 Прислужница не спящих по ночам.
 За чай несладкий с месяцем лимона
 Я щедро-виновато дам «на чай».

Вздохнет и пригласит
 присесть за столик.

Салфетки неожиданно свежи.
 На поворотах все скрипит и стонет,
 И подстаканник тихо дребезжит.

Три перед утром – рано или поздно?
 Звенишь в стакане ложкой – горячо!

И по одной расстегивая звезды
 Ослабит ночь тугой воротничок.

Заложники у следований дальних,
 Любой из вас заведомо прощен.
 Нечаянно в купе-исповедальне
 Расскажешь все и чуточку еще.

Ну да, мы все похожи на вокзалы,
 И только единицы – на купе.
 Запомнишь складку губ
 и взгляд усталый,
 И бейджик «Одинокова В.П.»

А что ты можешь, что? Гореть – и то не можешь,
 Как влажная трава, коптишь в костре, коптишь.
 По берегам реки в березовое ложе
 Укладывал господь спокойствие и тишь.

Раскрашивал господь узорчатый наличник
 Да вышивал цветы на скатертях из льна.
 Все сыпал, сыпал дождь грибной и земляничный
 И вздрагивал июль от грома Ильина.

Умрешь от красоты почти невыносимой,
 Успев подумать: жаль... как скоротечно... что ж...
 Но солнце-Елисей дотронется незримо,
 И ты, чихнув семь раз, задышишь, оживешь.

Гляди, запоминай, потом споешь, калика,
 Застыв на корабле, на части носовой,
 О церкви, о мостках, о тетке с земляникой,
 И соль из глаз сладка от этого всего.

По берегам реки в березовое ложе
 Укладывал господь спокойствие и тишь,
 И все, что ты сейчас, трава сырая, можешь –
 Отмаливать любовь.
 Всепетая, услышь.

*Нохчийн меттан де***Джунаидов Аюб****Дайн лорах**

Дийцар

Сан кхо бутт болуш ца валийна со Гиргизера. Кхеттал хилчхьана сан а, сан хенара болчеран а лерсино схьалаьцна, хИнца а тхан изсера дIадовлаза ду цу махках тхан дайша дийцинарш. Аганан гIаж буйна а кьубйлуш, бIаьрхиш Iенoш, йилхинчу сайн ненан аз хИнца а сайн лерехь декаш хета суна. Кхо доьзалхо (шала вина ши ваша а, йиша а) Гиргизойн махкахь дIакхелхинера. Суо воккха мел хуьлу а, дуьззина цуьнан маьIна дан Iемира суна. Тутар-ГIала ирзешка гулбеллачохь дадагIара а изза дуьйцура. Ткьа сан ден нийсархой гулбелча, церан шайн кьамелаш хуьлура. Сибарехахь йаьккхинчу кхойтта шеран заманахь коьрта гIайгIа-бала шайн букьа тIехь а, коьртехь а лайна чкьор дара иза. Уьш дерриге а лубьтуш, вовшашца дустуш, уьш йух-йуххе дохкуш, кегайора ас даима а сайн ойланаш. Цара ца хобьцура, маьрша ца йуьгура дог-ойла. «Ванах!.. Цара ма дукха хьехабо и мохк?! Си-бесса¹, цигахь хIун дисна-те церан?! Цкьа а чекх ма ца довлу церан и кьамелаш?! Итт шарахь а... ткье итт шарахь а... шовзткьа шарахь а – даима а и цхьаь дуьйцуш муха Iа-те уьш?!» – иштта хуьлура со санна болчеран гуттар а хIубьтуш долу хаттарш. ХIорамма а жоп шен-шен кепара лора.

1944-чу шарахь дара иза. Шийлачу февраль беттан ткье кхоалгIачу буса меттара а гIиттийна, дIагулдир: стаг, зуда а, жима, воккха а. Даьхнилелочу шийлачу вагонаш чохь, стенга дуьгу а ца хууш, махках дехира. Кьаналла цалайнарш, шелоно чакхийнарш, сингаттамо изшийнарш некьан бохалла алсамбуьлура. Цайевзачу станцешкахь церан декьий лай тIе охьа а дохкуш, дIаихира хIетахь. БIаьргашна а, дегнашна а и суьрташ дицдала ца туьгучарна тахана а уьш хьехо лаьа. Кьаьсттина дедайн кьамелашкахь хезара уьш. Молха-дарбанна, йуучунна-молучунна таро йеш, некьаца бала лайначийн кьамелашкахь иштта гIайгIа алсам хезара. Дерригенах а кхета изс доцуш хIетахь хиллачу берийн а хИнца шайн ойланаш кхиьна. Тахана деха чкьор Гиргизехь дуьнен тIе даьлла ду. Кхойтта шере кхаччалц цигахь дIайахна церан бералла, жималла, кьоналла а. Цундела цара мерзачу дагалецамца ойланаш йо цу хьокьехь.

Сан паспорт тIехь иштта йоза ду: «Вина меттиг: рудник Чаувай Уч-Корганского района Ошской области Киргизской ССР». И меттиг йара-кх кхузткьа шарахь сан са-амал кхачийнарг. И меттиг йара хIор сахьтхь, хIор дийнахь со цига дIакхуьйкхуш, дIайизош. Делан лаамца бен ишттаниг хила йиш йоцийла хаьара суна...

Эххар а цига ваха новкьавелира со 2018-чу шеран хьаьттан беттан 12-чу дийнахь. Цхьа шо хьалха Гиргизойн махка вахана веанера Шоьнара Халилан кIант Мусхьаб. Цуьнца цхьаьна цига ваха Iалашо йолуш, Гуьмсехь цIерпошта

¹ Си-бесса – Оцу беса.

Гле хиира тхойшиь. Къызалло дуьне ма-дду йаржийна тхешан дайн лараш талла, церан цѐрш карлайаха, уьш Іамо, барз боцчу кешнийн билгалонаш лаха, дайн уьйраш йовза, Делан цѐрца нигат а дина, бан лерина некъ бара оха йуьхьарлаьцнарг.

Шолгачу дийнахь, сарахь, Аштаркханан махкарчу Аксарайск олучу станцехь кхечу цѐрпошта гле хиира тхойшиь. Москохара дѐа Таджикистанан Худжанд гѐала йовдура иза. Кхаа дийнахь-буса некъ бича, кхочура иза оцу станце. Казахстан ... – Узбекистан... – Таджикистан ... – Киргизстан... Иштта бара оха бан беа некъ. Генара мохк... хийра къам... аьрха Іалам... шога хѐаваь... йевзаш йоцу малхбале, нацкъара малхбузе... хьан къоман доцу даарш... кхин чам болу хиш... Мел дара уьш, хьан синна а, бѐаьргана а цадевзарш, энжеде хетарш?! Цѐрпоштан корах арахьобжуш, «Тѐк-Тѐк» дечу чкъургийн йеттайалар дагардеш, и чаккхармашка дохкуш, дѐаобхура хийрачу махка. Гѐамарийн аренашкахь можа саьлнаш, дакъаделла муш-дитташ, эмкалийн къепалш, говрийн реманаш – оцу хийрачу мехкан битамаш бу уьш. Дехьа-дехьа мел волу а, хийцало мехкан битамаш: бамбин аренаш, кемсийн таьллангаш, туьркийн, шапталийн бошмаш, хин татолашца паста-хорбаз... Эххар а шера аренаш, йоьрзу-у-уш, лаьмнашка йирзира. Чан... къахь... кѐур... стигала ирхдахначу лаьмнийн дѐашардина баххьаш: шахьташ, маьданийн шатайпа хьожа, киралелочу машенийн гѐовгѐа... Уьш массо а дукъуш, нуьцкъалчу лелхарийн, лаьмнаш дегош, даьржа «дур-р». Оцу дерригенна а тѐхула хьийзачу Іаьржачу хьаргѐанийн вой... Маржа-йа!.. Дѐа ца кхочу-те?! Ма беа некъ хили хьо... Пекъарш-йа!.. Бигна хилла-кх... йалсаманин мехкех тѐх а бохуш... жоьжахатин боьра... саьрмакан новкъа... дѐабигна хилла-кх!.. Къацахетарша... Дѐа ца кхочу-те хѐинца мукъане а?! Йист йан а йуй хьан, хѐай къызалла?! Тобар ду ахь лестийна тур!.. Стенна бехке винера со, дуьнен гѐе а валале, кхойтга шо хьалха?! Хьомсара сан Нохчийчоь ийман доцчу нахана дагайохнера?! Сан Даймохк ма бу иза!.. Суна хѐара неханиг санна, хийра хѐунда бац царна сан мохк?! Сталинан йовсарш!.. Жиргачу буьнара жигара пхьуй!..

Стохка Мусхьабна вевзина хьаша вара, тхуна дуьхьалвогѐур ву аьлла, тхо лардеш. Гѐиргѐизерчу Исфана гѐалахь вехаш волу Іумар-Іела вара иза, ша узбек а волуш. Вуно оьзда а, хьекъале а кѐант хиллера иза. Мусхьабна Интернетехь вевзина хиллера Іумар-Іела. Цхьацца хаттарш деш, Мусхьаб къамеле ваьлча, ша хьошалла дийр ду аьлла, ша волчу кхайкхинера цо уьш. Мусхьабца Шоьнара Махьми а, цуьнан кѐант Ломбетар а хиллера. Исфанахь дѐавоьллина ву Мусхьабан деда Къурба. Цунна чурт догѐа Іалашо а йара Мусхьаба дагалаьцна. Сихха Худжандехь бехачу таджикашца цунна и чурт кечдайта барт а бина, тхо Исфана боьдучу новкъа девлира. Хила доггѐучу кепара шина а пачхьалкхан дозанашкахь йолчу таможеннийх чекх а девлла, дѐадахара тхо.

Гѐиргѐизе!.. Маржа Гѐиргѐизе-йа!.. Эххар а кхечи со хьан хьаьрма... Кхузткъа шарахь сов сан лерсино лецна дош!.. Сан лерехь а, маттехь а чѐагѐделла, гѐаннабаршца а цхьаьна суна дуьхьалхѐиттина дош!.. Марзделла... «чаьмза» дош... Маршалла ду хьоьга... хѐай «хийра», «хьоме» мохк!.. Муха йаккха-те ас хьан цѐе! Хьан хѐаваь чууьйзуш, хьан шовда молуш, хьан лаьтгахь кхиййна йалта-стом бууш, церан цинцех ненан кийрахь гулдина, чархаш вовшахтесна, дуьнене кховдийна ду сан а, эзарнашкахь со санначийн а догѐмаш... Тахана дуьненахь дехачу нохчийн къоман ах гергга болчеран догѐмаш... Хьан стигал

кѐлаҳь кузткѝа шо хѝалха кийра диллина са ду дуѝне мел ду со идориг а! Хѝан сих хѝаса болуш, хѝан мехкан амалх зирх болуш, хѝан лаѝмнийн мокхазан тѝулган маѝданийн муѝста чам кийра боѝлла, дуѝнен тѝе ваѝлла со. Муха кхайкха-те со хѝобга?! Ас муха ѝаккха-те хѝан цѝе?! Кхо бутт сайн кхачале ваѝлла со хѝан кевнехула ара... Карахѝ-куѝйгахѝ а доцуш, дестечо меран бер санна, дѝахѝажийра со... Хѝинца ѝухавеана... кѝежвелча... Шина новкѝа веана со хѝуна тѝе: цѝхѝана новкѝа – «хѝйрачу» махка воѝду бохуш; вукху новкѝа хѝаѝжча – «Сайнмахка» воѝдург а хилла!.. Со веана-кх... Бартбийр бу вайша... тѝеэца со... хѝай ГѝирГѝизе! Со... «мехкан воцу хѝаша!..»

Дукха гена довлале Лейлякски кѝоштан дозана кхечира тхо. Цу чу ѝогѝура Исфана гѝала а. Гумар-Гелас дийцарехѝ, бѝе чаккхарма некѝ бича, цуѝнан хѝусаме кхочур ду тхо.

Август беттан тов хѝийзачу арахѝ ѝовхоно дукха ницкѝ ца бора. Цѝеначу «Джиппан» кораш а диллина, ба-айн чухѝобкхучу махах дегѝана там а хуѝлуш, дѝадоѝлхура тхо. Хѝокху мехкан Иаламатех кѝамелаш дора Гумар-Гелас. Тамаш а беш, ладоѝГѝура оха. Кѝаѝстина чѝогѝа лерина ѝийца лаѝара цунна Узбекистанехѝ ѝолу Самарканд гѝала. Оцу станцехѝ сахѝтехѝ гергга тхо лаѝттина хилар а Гумар-Гелина хѝара. Самаркандехѝ пхеа шарахѝ институтехѝ дешна а хиллера цо...

Делкѝбал тѝаѝхѝа Гумар-Гелин хѝусаме дѝакхечира тхо. Вуно лерина тѝеийцира тхо. Цѝхѝа кѝира гергга хан ѝара цара тхо ларден. Хѝусамнана а, кѝант а, ѝоI а, нус а – массо а вара доггах хѝийзаш. Сихха комаѝрша шун хѝотгийра тхуна. Оцу балхо дагах гилгашдохура. Тхаѝш хѝйра цахетар хааделла, сапарГѝат хилира тхо.

Малхбуз-ламаз дина девлча, Гумар-Гелас кешнашка дигира тхо. Мусхѝабан деден Кѝурбин кошан борза тѝехѝ ѝасин а дешна, чудахара тхо. Тховссехѝ мовлад дешийта лаам болчу Мусхѝабан дехарца кечамбаран гѝуллакх дѝадоѝлийра оха. Сихха эцна балийра уѝстаГѝ. Кхиболу кечам а церан кегийраша, тхуна кхин хало ца ѝеш, вовшахтуѝйхира.

Маѝркѝаж-ханна кхайкхинера мовладе нах. Молла а сѝахкхечира. Кадыров Ахѝмад-Хѝаѝжица Бухарехѝ дешна а хиллера иза. Мохѝмад-Керим Гумар-Гелин захал вара: цуѝнан ѝоI Гумар-Гелин кѝантехѝ хиллера. Иштта и болх дѝа а берзийтина, буѝйса ѝуккѝе ѝаххалц тхуна томана тхобца луѝйш-олуш а ѝийна, мовладе баѝхкинарш дѝабахара.

ШолГѝачу дийнахѝ Гѝурбанан ѝийде дахара тхо. Мохѝмад-Керима тѝехѝехна дара тхо: Исфана гѝалахѝ имам вара иза. Гѝалин майда ѝара ламазна кечѝина: ши эзар сов стаг вара жамѝатехѝ. Кадыров Рамзанан махкара хѝеший – нохчий – ду бохуш, шена ѝуххе баѝрче а ваѝккхина, лерам бира тхойшинна. Гѝалин, кѝоштан хѝаѝкамаш а, Геламнах а, ша-ша тѝеобхуш, маршалла хиттира тхобга.

Оцу дийнахѝ Гѝурбанна кхин цѝхѝана уѝстаГѝна урс а хѝаѝкхна, сарахѝ кхин цѝхѝа мовлад дешийтира Мусхѝаба шайн беллачарна тѝера.

КхоалГѝачу дийнахѝ, Гуѝйранна, хѝалххе новкѝадевлира тхо. Хѝинца сан са лаѝтгачу Чаувай боѝду некѝ бара оха ѝуѝхѝарлаѝцнарѝ. Хѝешашна гѝуллакхдан ѝукѝ ѝихкина волу Гумар-Гела кѝар а ца велла, цуѝнан машенахѝ дѝадахара тхо. Гена некѝ бара оха бан безарѝ. ѝий бѝе чаккхарма сов некѝ бича, кхечира тхо Кадамжай: хѝинцалерчу кѝоштан коѝрта ѝурт ѝу иза. Хѝалха Молотовски кѝошт хиллера цуѝнан цѝе. Сталинан дарж а, цѝе а ѝобхча, Уч-Коргански аѝлла, хѝийцинера кѝоштан цѝе. Сан кехаташ тѝехѝ ѝазѝина а ѝу и цѝе. Ткѝа хѝинца цунах Кадамжайски кѝошт олуш хилар а тхуна довзийтира. Кхузара дѝа

шовзткъа чаккхарма гена, Тянь-Шанан лаьмнийн чЮжа дІадаха дезаш хиллера тхо. Кадамжай эвла йистехь вехаш цъха таджик хиллера – Іумар-Іелин хъаша – Расул цѐ а йолуш. Расул цІахь ца карийча, цуьнца зІене ваьлла, Іумар-Іелас тхан некъан Іалашо цунна дІайовзийтира. Кхана Іуьйранна шен хІусамехь тхо лардан тІелецира Расула. Бакъду, кхидІа бан безачу некъан сурт ца хІуттура суна хьалха. Іумар-Іелина а Чаувай йовза муххале а ца йевзара, ур-атгалла йуьйцу а ца хезнера. Ас оцу йуьртан цѐ забарца йоху бохуш, Іара иза. Некъан бохалла йух-йуха хоттура цо:

– Вай стенга доьлхура-а?! Оцу йуьртан цѐ муха йара-а?!

– Чаувай!.. – кІорда ца деш, хІоразза а жоп лора оха.

– Ча-у-вай!.. Чау-чау вай-вай!.. Чау!.. Вав!.. – иштта, хьалхий-тІаьхьий шена хета-хетачу куьцара и цІерш а йохуш, машенна урхалла дора цо. Тхо дуьйлура.

– Іумар-Іела, хІинца-м суна а ма Іемина и цѐ... Хьуна ма хала Іемаш йу иза!.. – олий, Мусхьаб а йукъавулура. – Хьуна хІара шайн мохк бовза а бевзий?

– Аш, со хьийзош, бегашена йоккху и цѐ... Ма-йарра нийса йаьккхича, йевзар йара суна... – цатешарца дуьхьал забарш йора накъосто...

Расулан лулахо вара шен кевнехь лаьтгаш. Іумар-Іелас хьал-де шега хьаттича, къамеле велира иза. Цо дийцира тхуна Чаувай боьдучу некъах. Цу йуьртахь тхо хьаьнгахь совца мегар ду а элира. Иза йуьрта йистехь вехаш волу воккха стаг Ядгор хиллера. Чаувайра «Ртутькомбинатан» тІаьхьара хилла волу куьйгалхо а хиллера и таджик.

Расулан кертахь малхбуз-ламаз а дина, тхо новкъадевлера.

Тянь-Шанан роѓан, Памиран ламанан кЮжан (предгорье Памира) олучу тоѓехула хьалабоьдура тхан некъ. Аьтту агІор охьадоѓгучу ламанан чехкачу хин гІовѓа хезара. Тхан дайша дийцина Сай олу хи долчух тера дара иза. Чаувай йуьрта йистехула доѓура цунах дІакхеташ долу ламанан кхин жима хи а. Некъан шина а агІор гучу лаьмнийн баххьаш, стигалх хьалаѓІоьртина лаьтгаш санна, хеталора. ХІинца куьркара арахьаькхна моьттур долуш, даьгна, мажделла гора цъхаццанхьа раьѓІнаш йина латта: ширачу шахьгаш чуьра цъхана заманахь арахьекхна маьІданех бухайисна, кхагарйоьлла овкьарш хиллера уьш. Цъхаццанхьа Іаьржачу лаьмнийн раьѓІнаш гучуйовлура. Суна цкъа а бІаьрга ца дайна сурт дара гуш. Ломара охьа сихделла доѓгучу Сайн тоѓи чохь леккха ирхдахна гІарѓІанаш а, церан асанца хаало бецан сеналла а ца хиллехь, хЮкху махкахь цъхана а тайпана дахар дан а дуй-те аьлла, хетар дара. Ткъех чаккхарма тхо лам чу хьаладахча, йурт гучуйелира. Некъа йистехь Іеначу хина йуххехь севцира тхо. Ломан когашкара схьаІийдало шовда тІех шийла дара. Чаувайх дерг хатта кхин стаг ца нислуш, и жима йурт а чеххйелира. Тхо дІаоьхура. Моьттур дара, хІара мохк а бевзаш, тхо дІахецаделла. Іумар-Іела а дикка шеко йолуш вара, нийса доьлхий-те бохучунна. «Вай-вай, Чау-вай!.. Чау-Чау, вай-вай!» – бохуш, некъан бохалла тхуна «хьех-мерах» чеххйаьлла шен «зурма» а локкхуш, машен сиххйинна, воьдура иза.

– КІентий, иштта йурт хЮкху махкахь цахиларх со хІинца теша воьлла. Ткъе итт чаккхарма некъ бина вай, ткъа йурт гучуйолуш йац!.. Чау-Чау-вай!.. Чау-Чаувай!.. – йуха а вистхилира тхан накъост.

Эххар а, йоккхачу хьаьвзаргах тхо дІатуьллушехь, кхаа кога тІехь лаьтгачу некъан билгалонан сурт гучуиккхира аьтту агІор некъан йистехь. Цунах ца тешна, бІаьргех куьйгаш а хьаькхна, йуха а хьаьжначу суна даккхийчу кІайчу элпашца йаздина йоза дайра, шера дешалуш. Сан деѓе зуз хьаьдира... «Гар-р»

аьлла, дегийра сан дог... цхьабосса шело, йовхо хьаьдира деге... Чкьургаш такхийна, тоге чохь йоккха гювга йоккхуш, машен йуьстахтесира Гумар-Елас.

– Чау-! Чау-!.. Вот он Чаувай!!! Вижу Чаувай!!! – бохуш, мохь бетта велира иза.

Таккха бен, дуьззина маьйна а девзаш, и дош деша а ца делира соьга, оцу суьрто шовкъе варна. Сихха охьадисина, гергахьа гюьртира тхо. Гиргизойн маттахь хиллера цу тера, «Марша догийла шу!» аьлла, Гумар-Елас дешна йоза. Хинццалц суна бевзина боцчу синхаамаша йукьаьхарчийра со. Цигахь суьрташ а даьхна, д'адахара тхо... Тянь-Шанан ломан чожа...

Дуьненан йист х'ара йу-те аьлла, хеталуш, лекха дара лаьмнаш, стигал а ца гуш.

Д'аоьхура со... Кхузткъа шарахь сайна мел хезнарг а, кхузткъа шарал хьалха ... кхин кхойтта шо хьалхалерчух сайна мел хезнарг а коьртехь изделира. Ойланийн дуькьачу дахкаро кхолийра сан изс. Кхуза вогуьр ву аьлла, сан ойла сецначу дийнера схьа х'окху шина баттахь суна х'иттинчу б'арлаг'ех цхьайерш йевзара суна, аьттехьа а тера доцург а х'уьбтура дуьхьал... Д'аоьхура со... Эзар кост ду суна т'едиллина: х'ара – д'аала, важа – схьаала, цхьаь караде – важа лаха... Сан некъан т'юьрмиг чохь дукха кехаташ ду йиша-вашас соьга делла, дийнна тептарш а-м ду, йукьахь шайн суьрташ а долуш. Некъан йистошца гучудуьйлучу адамех хаттарш х'уьбту сан ойланехь: «Х'ара мила ву-те, кхуьнан ц'е муха йу-те?» – бохуш...

Новкъавалале хьалхарчу буса Гуьмсехь М'аьнигеран Ваха волчохь гулделира тхо: Джалавди, Сайд-Галви, Ног'и, Сайд-Ахьмад иштта кхиберш. Дукха довзийтира, хьехийра, т'едехкира... Царах цхьадерш довзийта лаьа суна... безамна т'аьхьенна дисийта.

Цара дийцира:

– Чаувай чукхачале, цхьа чаккхарма лахахь, Чилтан ц'е йолуш к'отар йу. Ломан чожара ара ма-велли, оцу йуьртана чувулучохь аьтту аг'ор, даккхий кешнаш ду. Уьш йукьара кешнаш ду. Оцу кешнашкахь д'абоьхкина нохчий, узбекаш, гиргизой бу. Цара чуртана т'улг ца буг'у. Цу чохь цхьана коша д'айоьллина йу М'аьнин нана Гакали а, Вахин нана Заибат а. Оцу кешнашкахь д'авоьллина Гумаран да Габдул-Керим а ву... Церан чарташ карадой хьажалахь...

– Чаувай шина к'отарх лаьтта: лахахь – Чилтан йу, ткъа лакхахь Ясная Поляна, – дуьйцура Сайд-Галвис а, Джалавдис а. – Лакхарчу кешнашкахь д'авоьллина Сайд-Селим ву, Исрах'иман к'ант. Цунах Бонт'ий олура. Герггарчу хьесапехь, 1955-чу шарахь д'акхелхинера иза. Цуьнан чурт лаха!.. 57 мм. стаммий бирг'анаш а йийг'ина, царна т'е 6 мм. стаммий серий а хьарчош, йина керт хила йеза цуьнан кошана гонаха... Оцу кешнашкахь д'авоьллина ву Музаев Гусман, Гюьрдаларчу Х'аронан ваша... Йа 1955-чу шарахь, йа 1956-чу шарахь д'акхелхинера иза...»

И кешнаш талла лаам болуш со-суо вара, х'унда аьлча сан шалавина, Сираждед воккха ши ваша а (Хьасайн, Хьусайн ц'ерш йолу), Серижел жима йиша а – уьш кхоь а дара цигахь д'адоьллина...

Кызыл-Кыя г'алина а, Уч-Корганна а йуккьехь йолчу Кызыл-Шура олучу йуьртан кешнашкахь д'абоьхкина хиллера: Мадаган к'ант Исраил а (Дула), Джабраилан вежарий Межди а, Шайх-Мохьмад а, Хелакъан к'ант Адам а (Сайд-Ахьмадан ненан Байанатан да...)

Новкъавалале масех де хьалха, кхайкхина, Джалкхе вигира со: Мисарпашин хГусамнана Шумисат хиллера цхьацца кост дан лууш. Шайна бевзинчу, мерза гергарло лелиначу нахера хьал-де хаа лууш лелара иза а, цуьнан кІант Мухтар а. Цу заманчохь Уч-Коргански райисполкоман председатель хиллера Мисарпашин доттагІ Гульматов Урайм. ХІинца цуьнан кІант Гульматов Мурад Ураймович хила веза цигахь вехаш. Цаьргара хьал-де хаа лаам бара Шумисата суна Тебиллина...

Новкъа валале бохуш, цхьаберш суна Те а обхура, дукхахболчара дІакхойкхура, хІунда аьлча Чаувайхь са а, дог-ойла а лаьтташ болу нах берриге а сол баккхий нислуш бара.

Ишттачу ойланца Гребенске вахара со цхьана дийнахь. Юнуев Мохьмаде а, Имране а хаам бинера ас хьалхарчу дийнахь. ШаІранин жимахволу кІант Ахьмад волчохь гулделира тхо.

– Дала шен дуьхьа лорийла ахь хьега тІелаьцна къа!.. Дукха хІума дІалур дара ас, хьобца тахана цига ван сайн гІора хилийта. ХІинца иза эрна къамел ду, ас дича а. Дукха гергарлонаш диси цигахь, дагна хьоме а, мерза а хилла долу йиша-ваша дІа а доьллина, цІа даьхки. Хьеший мел бара?! Дуьненан меха вара Курбанбаев Талавай, цуьнан жимахволу ваша Эргеш. ПІиргІизой бара уьш. Массо а нохчийн доттагІий бара уьш... Церан неkkъара вара Кхойчкхул. Цуьнан кІант Абуваид сан ден (ШаІранин) кертахь Іаш вара, тхо цІа даьхкинчул тІаьхьа.

Уч-Корганера хьалавогІуш, Чаувайхь дуьхьарлерчу ирхонехь хин-хьера йара бохуш, дуьйцура Ахьмада. Оцу хьерана аьрру агІор Мурад-акан ценош дара, царна гергахь цуьнан вешин Жафаран керт-ков дара. Иза ШаІранин доттагІ вара. Жафаран кІант Амамбай а, Мурадан кІентий Тавалда, Кхутали, Адди – уьш АхьмадгІеран хьеший бара.

Цул сов, Ахьмадна лиира шен нийсархойн массеран а цІерш йаха, уьш цуьнан классехь дешна бара:

1. Чернышевы Виктор и Геннадий; 2. Ласевская Люся; 3. Коннонова Галина; 4. Полтарацкая Валя; 5. Зинаулина Зоя (татарка); 6. Докина Зоя; 7. Лебедев Жорка; 8. Агапов Михаил; 9. Авотина Валентина.

Къаьсттина деган айамца хьехавора Ахьмада Чилтанехь вехаш хилла волу Артыкхбай. Илес, Іусман ши кІант хиллера Артыкхбайн. И шиь Джунайдан кІентан Сайдин ши доттагІ вара. Уч-Корганера хьала вогІуш, Чаувай хьалакхача бархІ чаккхарма йисча, цхьа шахьта йара. Цигахь вехаш вара Аназар цІе йолуш воккха стаг. Иза Таьштин чІогІа дика доттагІ вара.

Металлургически заводан директор вара Шулулдов, Таьштица чІогІа мерза йукъаметтиг йолуш а вара иза. Ткъа цуьнан хІусамнана Фая Таьштин хІусамненаца (сан нана Таа йу иза), ши йиша санна, мерза гергарло долуш йара.

Чаувайн эвлан йуккъера Ясни Поляне хьала воьдуш, некъана аьрру агІор лаха чохь бехаш Иси-Юьртара нах хиллера. Циггахь хиллера ИсрахІман хин-хьера а. Царал лакхахь, некъо голатухучохь, аьрру агІор деккъа ШаІранин цхьа дакъа дара, ткъа цунна тІехула, аьтту агІор, хьала могогІара керташ йара: Селамсолта (аьккхи), ШаІранин кІант Хьусайн, МІаьни, ЗІака, Таьшта, Сайда, ИсрахІм.

И дерриге а дуьйцуш, къийлавеллачу Ахьмадан дог эххар а кІадделира. Хих бІаьргаш а дуьзна, моччагІалш а дегош, дийхира цо:

– Аюб (Килаб)!.. ладогІахъа кхин цкъа а!.. Ясни Полянин лакха коьртгехъ ду, хъуна, нохчийн кешнаш. Некъал сехъа, аьгту агІор, ГІансолчъура Іалади́н керт йара. Оцу кешнашна уллехъ, лаьмнашна букъ а берзабай, дахІотта. Дикка лакхахъ, ламанан тІулгашна йуккъехъ «Кхо тІулг» олуш цхъа бІаьрла меттиг хила йеза, хъуна. Ши тІулг ирахъ, ткъа кхоалгІаниг – цаьршинна тІехъ... И меттиг а лоцуш, даккхий, хъайн сурт далахъ суна!.. Хезаш вуй хьо?!

Ахьмадан къамел, дог Іадаларна, лагІделира.

Дукха бара луурш, кІеззиг дацара царна дагадоьхнарш а!

Шоьнахъ йеха ИсрахІман йоІ Асмаъ а (дас Чиба олура цунах), ИсрахІман кІентан Сайд-Ахьмадан хилла хІусамнана Хъавраъ а (Абувелидан нана). Цаьршимма цхъана дийнахъ сарралц дІа ца хийцира со. Дукха девзара царна, хьоме мел хетарг хъехо лаьара. Уьш дийца йаьлча, тІоьрмиг чуьра хъаладаьккхина, цхъа доккха сурт кховдийра соьга Асмаа. Чаувайхъ ишколехъ хилла цуьнан класс йара иза. Хъехархо Анна Ивановна йуккъехъ а йолуш, ткъех бер дара суьрта тІехъ: нохчий, гІиргІизой, узбекаш, оьрсий... ХІораннан цѐ йазйеш, могІа бахбайтира Асмаа. Цунна тамаш хетта болу цуьнан накъостий хІорш бу:

1. Абдулхакимов Абусайд; 2. Духцаев Лом-Іела; 3. Ибрагимов Зауди; 4.Василий; 5. Николай; 6. Леид (Бургин ваша); 7. Аьккхийн кІант (цѐ йицйелла); 8. Магамгазиев Мохьмад (Мескитара); 9. Джабаев Салавди; 10.Дошкуева Асмаъ; 11. Бекиева Куьрса; 12. Бучала (Цулин йоІ); 13. ГІумки (Косумова Мереман кІант); 14. Мидалишева Аманта (Луьин йиша); 15. Баьлсет (Пашин зуда); 16. Дадаг (аьккхи); 17. Бибиг (аьккхи); 18. Дукин Саламун йиша (цѐ дага ца йогІу); 19. Косумова Човка; 20. Лорсхаджиев Хъамзат (Шамсудан кІант).

(Суьрта тІехъ йолчу лобмаршца охъайазбина бу уьш).

... Махьмудан йоІ Човка йеанера, шен ваша НогІи а валош. Шен-шениг хъехадора цара а. БІаьргех йовлакхан тІам а хьоькхуш, дагаоьхурш хъехадора Човкас. Дикка цул жима воллушехъ, НогІина а Чаувайра дукха хІуманаш девзара.

– ДзабалгІарна тІехъахъ, татола йистехъ дара тхан цѐнош. Цкъа Махьмуд вара Іежийн синтарш доьгІуш. Цунна тІейаханчу ас, сайга а цхъа синтар догІийтахъара аьлла, дийхира дега. Махьмуда кІаг а боккхуш, охашимма доьгІна дитт хила деза, хъуна, цигахъ... Хъала а кхиьна, дукха тайна Іаж бара иза, буйннал даккхий цІарула-цѐен Іежаш а латош. Сайчунна, татол чуьра хъаладохуш, хи дуттура ас, цундела чехка кхиира иза... – сеца а ца деш, дІадийца лаьара Човкина, кхиболчарна а санна. Цхъатерчу ойланаша кьийзадора хІораннан дог а, са а...

Шина-кхаа сахътехъ тхьоьца а Іийна, ша дІайаха хъалагІеттича, шен тІаьхъара лаам суна тІебиллира Човкас:

– ЦІа дахка кечделла, ДжабраилгІарга гулделла Іара тхо. Суьйранна, Іаржйалале, дара иза. Церан чохъ лехна, маж йошу урс а карийна, тІаккха, йедда, тхайн беша йахара со... – аз а дегош, дуьйцура цо. – ХІинца ас хъехо кІеззиг хІума-м ду иза, тхан цІийна тІехъахъ цхъа кьона гІаргІа дара, ирх дахана, лекха. Оцу уьрсаца цу тІе сайн цѐ йазйинера ас. И цѐ а, и дитт а дуй хъажалахъ!..

Ойланаш йуткъайелла, дагалецамаш коьрте хьийзаш, генарчу махка кхочура къамеле мел ваьлларг. Цхъана а меха цахетарш (шайна а иштта хеташ) дийца

хІуьттура уьш. Бакьду, хІор а дІайаздора ас леррина оцу балхана кечдинчу тептар тІе. Суна уьш «Іадбоцурш» ца хетара... ХІинца!.. Къевкъинчу церан синойн мохь-орца хезара царна чохь...

Иштта со волчу веара Мескитара Магамгазиев Мохьмад а... Мохьмадна-м, ша бухбиллича санна, йевзара Чаувай. Ша а, Зауди а цхьаьна хьалакхиар дийца лаьара, шайн ишкол а, шайн хьехархо а, шайна оцу кхойтта шарахь мел йевзина суьйре а, Іуьйре а йийца лаьара. Хьехархо Анна Ивановна йуккъехь а йолуш, Чаувайхь даьккхина шайн классан доккха сурт а деанера Мохьмада а, цаьрга дІагайт аьлла. Асмаа делларг дара и сурт. Даьхна, шена шортта суьрташ дар суна тІе а диллина, дегаза къаьстина, дІавахара иза.

– Дависа!.. Зауди дийна велахьара хІинца, тхойшиь вогІур ма вара хьобца!.. Ша а воцуш, со веача, дегабаам бийр бу цо... – кегайелла тІаьхьара оила суна охьа а йиллина, дІавахара...

АжигІеран Іаьнди вара, хІор дийнахь итгазза зІене волуш, меттахваьлла.

– Суна тІе а ца кхочуш, хьо новкъавалахь, ма декъаза ву хьо!.. – олура цо хІоразза а.

Мичара?! Іаьндина тІе а ца кхочуш, гІур вара со?! Ах-Чаувай хилла а хир йацара, ала мегар дара, Іаьнди цигахь вехаш ца хиллехьара. Дера дара!.. Йаккха цІе а йоцуш, бисна хир бара цигахь баьхна нохчий а... (Воккха велахь а, Іаьндица цхьа тхаьшха мерза забарш хуьлу тхан.) Бакьду, забарена доцург а дукха дара Іаьндин дагахь... Новкъахь дІакхелхина шен деда Іабдул-Хьаьким лай тІе охьавиллина сурт а дагахь дара Іаьндина. ХІетахь ши шо кхаьчна вара иза... Набахтехь кхелхинчу дех Абу-Муслимах хилларг ца хууш дисира, ткъа деваша ГІиргІизехь дІавоьллира.

Дуккха а дийцин чул тІаьхьа, тІедахкарш дира Іаьндис... «Боккчачу тІулга» тІехь суьрташ дахалахь... Мехцеха йуххехь кхин а цхьа боккха тІулг карабе, цу тІехь сан цІе лаха... Охьа-чуьра Хьала-тІе воьдучу новкъахь суьрташ даха... Джайло а кхачий, цигара хьал, ма-дарра, дийца... Ажис болх биначу туьканара хІуманаш эцалахь... Мел дара уьш?!

Бевзачийн а, уьйр-марзо хиллачийн а цІерш йаха охьахиьна тхойшиь маьркІаже дІавахара. Дуйцуьйтура ас Іаьндига, цо мел аьлларг дІа а йаздеш:

– Ишколан директор вара, хьуна, Владимир Николаевич!.. Цуьнга шегга соьгара мерза маршалла дІалолахь!.. Ишколе а гІой, тхан хилла хьехархой хатталахь: Анна Ивановна, Юлия Тимофеевна, Зинаида Михайловна... – дІаволавелира Іаьнди.

Тхешан забарш Іаьндис могуьйту дела, йукъаэккхаза ца Іавелира со:

– И-м хала доцург ду... Вуьшта, хаьттича, хьо вевзар мукъане а вуй царна?.. Шу цхьадерш, тІай кІел киншканаш дІа а йохкий, лаьмнашка доьлхий, сарралц Джайлохь кхерсташ лела ма бохура?!

– Э-э-э!.. Дукха шера вевзар ву!.. – цхьа а шеко йацара Іаьндин къамелехь...

– Дала гечдойла Зивашина!.. Цуьнан хІуманаш хІинца а дуйцу-кх аш...

– Зауди воцург кхин-кхин а бара уьш-м... Ишколе ца лела бохуш, Зауди гІараваларх, ишттанаш болуш бара... И хууш болчу Джундин хьешаша, тІе моссазза кхочу, Заудига, хьовзош, хоттура:

– Зауди, шу ишколехь уггар дика хьанна хаьа? – олий.

Уьш кІордийначу Заудис эххар а жоп деллера:

– Тхан учитарна хаьа-кх!.. – аьлла.

– Дика ду. Хьобга йуха а и дийцийта г'ертара со... Х'инца хьайниг кхид'а дийца ахь: со ладуг'уш ву, хьуна... – йуха а 'аьндин кьамел д'айаздан кечвелира со.

– Черников Гена бохуш, ву, хьуна, ишколана аьрру аг'ор лакхахьа... Фамили йиц'елла суна... Витя а ву... Цуьнан воккхах волу ваша Николай ву... Морехов Жора ву... Аникин Николай... Романов Гена... Кхин цхьаь ву: Калиндаров Хьамид – таджик. Райцентрехь Уч-Корганехь цуьнан ваша Рахьман а ву вехаш... – Дуьйцура 'аьндис... Далхадора... довзуйтура... Ас д'айаздора...

– Дависа-йа!.. Х'инца х'ара бала ма белахьара соьгахь... Вай кхоьллинчу Делора, сол хьалха цига дог'ур долуш дег' дацара-кх, хьуна!.. – бохуш, карзахвуйлура 'аьнди... Масех бутт хьалха йинчу операцин чов х'инца а кхоччуш ца йирзинера цуьнан.

Арахь 'аржйелча, со ц'а ваха аравелира, 'аьндин 'одика а йина.

– Дика ду!.. Д'але делахь, Черный!.. Хьо 'е хьо, хьайн москалш а йажош, ас чанкхьохьуйтур йу, хьуна, оцу хьан Гирг'изойн бенахь!.. – т'аьхьара забарца элира ас.

Дукха чехка жоп хезира т'аьххье:

– Ма кхера хьо!.. Цец'ала меттиг бац, хьуна, оцу Чаувай-м хьовха, оцу йерриге а Ош-областан а!.. Чанкхехийтаза йац, хьуна, иза!.. Вай дика девза, хьуна, цигахь!.. Йухь'аьржачу х'отта меттиг бац, хьуна, хьан. Корта ай'ина лела йиш йу хьан!..

– Х'ай-й!.. Дала 'алашве хьо!.. Д'аваха со, д'але!.. – аьлла, к'еззиг дехьо а ваьлла, йухахьаьжча, 'аьнди охьалахлуш вайра суна. Т'аьхьо хиира суна, сан некъе ч'ог'а сатесна, г'ора эшна, настарш его йоьлла хиллера цуьнан.

Некъа бохалла, мел к'еззиг а, ткьозза з'ене велира 'аьнди:

– Кхин цхьаь д'айазвехьа, вуьгийла дацара... Второй участкера Шандыбин Гена... Ма ч'ог'а сан доттаг' вара иза... Оцу участкан хьаькам вара Мамазияев Садыр... – т'аьхьа телефон йеттара 'аьндис. – Больницехь главврач вара Василий Макарович... Цуьнга ахь х'ун алий?! Андрей приедет. Он сказал, чтобы ты был готов, «мы на охоту пойдем», – алалахь... И кхетар ву, хьуна... Коробков Сашка а д'айазвехьа, завсклад волу... – йеттара 'аьндис телефон... Аштаркхнел т'ехваллалц йиттира... Аксарайскехь таможенех со чекхволуш, йуха а йийкира 'аьндин телефон. Схьайцира ас.

– Ажис болх бинчу туканара продавщица йу, хьуна, Люба Морехова... Завмаг йу, Зина ц'е йолуш... Ажин ч'ог'а хьеший бара уьш... – изза хаза ларийра со...

– Господин пассажир!.. Будьте внимательны: здесь всякая связь запрещена!.. – аьлла, таможеннин белхахо соьга вистхилча, 'аьндина а иза хезначух тера дара...

Кхин з'еневалар тхойшиннан ца нисделира... Массо а вара шен-шен лаамо, дегайовхоно шовкье вина. Деле суна некъан маршо йобхуш, б'аьрхишца т'аьхьобжура х'ор а. Ворх' ломал дехьарчу цхьа инзаречу дахаре, генахь йисинчу шайн бералле, кьоналлин туьйране д'ахьажавора со. Хьалхарчу дийнахь Гребенскехь Ахьмад волчохь 'одикайеш, сох кьаьстина волу Мохьмад Шелковскерчу вокзалехь йуха а тхо лардеш лаьттара. Тоьрмиг буьззина тайп-тайпана некъан кхачанаш беанера тхуна. Цул сов, Гребенскен эвлайуккьера бурутохна даьккхинчу хьостанан хи а деанера.

– Ас бохург хIун ду тIаьхьа хуур ду шуна: некъахь чIогIа атта хи ду хIара...
Ас даима а сайца новкъадоккху хIара, – бохуш, тхо къардира цо.

Дера къардира!.. Тхо къар а дина, некъан харжан дакъа а лецира...

– Мохъмад, ахь динарг тоьар дара, ма леладахъара ахь совнаха дерг!.. – шега бахарх, йухавала ца туьгура.

– Шуьгахь аьтто бац, ца боху ас... Тхайн беллачарна тIера сагIина оцу ГиргIизойн махка боьдучу некъаца дезар оьцийла лаьа суна. Шайна лаахь, сагIина а луо... – ла ца дугIура Мохъмада. ЧIогIа дехар а дина, Мохъмад дуьхьал воллушехь, тIех дерг тIех ду аьлла, цхьадерг йухадерзийра ас... Бакъдерг аьлча, оьшучунна сан вешин кIанта Асланбека гIо-накъосталла динера...

Чаувайна герга мел воьду, хIораннан лаам дуьхьал хIуьттура.

... Иштгачу ойланийн йийсарехь Тянь-Шанан ломан чIожа воьдучу суна, машин сецча бен, со стенга кхаьчна а ца хиира. Чаувайхь, Ясни Полянин «гIопехь» севцна карийра тхаьш. Инзаре башха тийналла йара хIоьбтина... Эзар кост... эзар це... оццул тIулгаш... хиш... бердаш... дитташ... шахьташ... Дависа, кара мукъане а бахъара и нах!.. Сайд-Галвис къоламца диллинчу картица нийса догIуш сурт дара гуш дерг: йуьрта йистехь Сай хих кхета хьаьдда доьду ламанан хи, цунна тиллина тIай, некъа йистехь, кхаа стагана мара хоьар долуш, толлан дитт... Уьш дерриге а долуш ду...

КIеззиг хи чухула волавала дагахь, Iумар-Iела тIай буха велира, Мусхьаб а хин йистехула охьаволавелира...

– ... Хъанна карийна-те хIара мохк?! Везан Дела!.. Хьуна дика хьа-кх!.. Стигалх гIоьртина Iаьржа лаьмнаш, даьгначу лаьттан раьгIнаш... Царна дехьа кхин дуьне делахь а тамаш бу... ТIуртIи-КIотарара схьа, Тутар-Ирзера тIегулдина, кхуза схьадало кхаьргара хIун даьллера?! Хъанна эшнера и гIуллакх?! Ма доза дац боьхачу адамийн къизаллин!.. Чаувай, тов!.. Хьо йиса йезачунна!.. Сталин!.. НеIалт хила хьуна!.. Сан къоман дог дохо, хIаллакдан ма догахь мохк лехна хилла ахь!.. Цундела Дала дакъазваьккхи хьо!..

... Ткъа хьуна хIун моьттура, хIай мохказан мохк?! Сан дайн декъаза кхаж баьлла, хIай жоьжахатин боьра!.. Со хьайн лаьмнех цецвер ву моьттура хьуна?.. Со, лаьмнаш ца тоььна, веана вац хьан тIулгех цецвийла... «Нохчийн лаьмнаш» дуьйцу ца хезна хьуна?! Дуьнен тIехь уггаре тешаме а, майра а лаьмнаш ду уьш. Со цецваккха йа сан даг чу дижа цхьа куц, цхьа амал йац хьан, Чаувай! Суна цадогIург а дагадогIуш йу хьо... Кхузткъа шо... кхин кхойтта шо цул хьалхарниг а цхьаьна... Дагадайтал: Кавказера схьа адамаш дуу нах балош бу аьлча, тешнарг ма йу хьо. Сан дайн кху йуьрта чубогIучу хенахь кхардамца... цаьрга хьежнарг йац хьо?.. Цийша дуьзначу экханах тарбелла, Iаьнан чиллахь нехан шийлачу «бена» сан дай биссинчу дийнахь хIун ойла йира ахь: билггал уьш адамаш дууш хилар бакъ хийтира, уьш стешхачу кIиллойх тарбеллера... Даймохк боьхкина болчу?.. Дийнна къам, кьуй а, обаргаш а бина, балийна... ХIусамаш кечийна, туьха-бепиган гIиллакхца тIеэцнера ахь тхан дай гIорийначу дорцан буса?..

Цул тIаьхьа сан дайшна хала дара: ма-дарра, шайш муьлш ду а хоуьйтуш, шуна дIагайта... СагIадехар, даима а санна, шайна дихкина, курхаллех доьзалш ларбеш, къийлабелла... Мацалла деллачу берийн Iаржделла оза декъий дайрий хьуна?! Бежано а ца йуу йараш лехьош, уьш кхехкош ца гира хьуна сан дай?! Ийманах, доьналлех ца бухуш, йахь дIа ца луш, лаьтте

бирзинарш дагабогИий хьуна, хИай Чаувай, деа кешнашкахь айхьа баржийна болу... Уьш-м дейтта дийнахь-буса новкъахь а белла Чаувайхь чул дукха... некъан бохалла декъий дудуш, схъакхаьчна... Шахьташ чу а лаьхкина, цу чохь сан дай Иийда а, Иийша а Иалашо хиллера лаьцнарг. Суна и дерриге а хИинца девзина. КъинтIеравер вац со бехкечарна ... сайн дайн гИиллакх, сайн ненан мотт хьешначарна...

ГиргIизен лаьмнашкахь зIокбергаш тусуш,
Шахьташ чохь гинсулахь баллийна и.
«Обаргийн» пехаш чохь дIовш кепатухуш,
Силикоз ларийна дIахуда и... –

масех шо хьалха иштта кхайкхийра ас.

... Йуьрта чу вогу со хИинца... Хьуна корта теIор бац ас, хьуна хьалха декхар цахетарна... Азаллехь синош кхуллуш, йазбинчу кхолламан новкъа, дайн лараш талла, къызачу саьрмакан лорах веана со...

ХИай ГИиргIизе!.. Со бехкбоккхуш ца воллу!.. Ирс дайначу сайн къоман кхолламах бисначу дагахьбалламо къовкъийна, кийра Иийжа сан!..

Тулга теIе лахвелла дикка Иийна хиллера со, ойланаша ца хьопуш. Сан ши накъост а хИинца теIевеара...

Сайд-Иалвин карта схьадиллира ас. «ТIайх дехьа ма-велли, дуьххьарлерчу кертахь Комбинатан директор вара вехаш», – йаздинера цо. И цIа а гуш дара, цо ма-дуьйцу, кIайн кир тоьхна, доккхо цIа дара иза. Ткъа Кадамжайхь волчу Расулан лулахочо дийцинера, оцу директоран цIеношна теIхваьлча, аьрру агIор дIабирзина и некъ Ядгоран кетIа кхочу бохуш. Церан кетIа хьаладахара тхо. Тийналла йохош, жIаьла лиэта доладелира. Кертахь цхьаь хаавелла, вистхилира со:

– Хозяин!.. О хозяин!..

– Заходите!.. Там открыто... – йоккхочу зудчун аз хезира.

– Здесь проживает Ядгор?

– Да, конечно!.. Заходите!.. – йуха а хезира, цхьа ийначу адаман безаме аз.

– А гостей примете?..

– Конечно, примем... Мы всегда рады гостям!..

– А если гости чеченцы?! Тогда не передумаете?! – забаршца издеш, къамел дора ас хИинца а бIаьрг кхетазчу зудчуьнга.

– Тогда с пребольшим удовольствием примем, – бохуш, сихйелла кевне оьхура йоккха стаг. – Чеченцы нам не чужие: чеченцы – свои... чеченцы – всегда наши!..

Жима ков дIадиллина лаьтгара оьздачу духарца безаме зуда, кхузткъе итт шерал хьалайаьлла хан хила а мегаш. Фая йу шен цIе, элира зудчо.

Тхьаш беана некъ оха дIабовзийтира. Иежийн бешахь, теIе истангаш а тийсина, боккха аьккан маьнга бара. Тхо цу теIе охьахевшина дукха хан йалале, цо схьавалийра шен цIийнда Ядгор.

Ма-дарра дуьйцуш, цхьана эхасохьте девлира тхо. Тхуна мелла а сихо йезаш хилар а, тхо кхана йухадерза дезаш хилар а шайна довзийтича, телефон а тоьхна, цхьаьнга вистхилира хIусамда. Дукха хье ца луш, тхуна теIевеара Фаян хенара волу стаг (Ядгор-м дикка воккха хеталора). Урайм

вара иза. ЧоҒа мерза, довха кьамел доладелира тхан. Хинцца сьхабаьлла боккха йай сьхабаийтира кертарчу жимачу кӀанте. Шун дувьзина плов охьадиллира тхуна... ПарҒат кьамелаш дира оха...

Вайн йукьара Даймохк – СССР – бохаро боккха Іаткьам бина, куц дара, хӀокху ПирҒизойн пачхьалкхана а. Узбекашца ийҒина йукьаметтигаш, промышленность хӀаллакхилар, белхан меттигашна Ёарзбелла лелар – массанхьа а дерриг кхаьчнера ПирҒизойн махка а. Кегийнаш махкара арабевлла, шайна сом лаха, баккхийнаш жимбелла. Шахьташкахь белхаш бинарш, лахьабелла, дӀакхелхина: силикоз олучу пехийн цамгаро, нохчий санна, дӀабаьхьна. Сайна тӀедехкина косташ дийца волавелира со. ДӀахаьттинарг: ткьа шо хьалха... пхи шо хьалха... кхелхина, Украине дӀабахна, хилларг ца хаьа... Испанехь беха... Йа Германехь дӀабоьхкина... КӀант вара йа йоӀ йара – белла йа кхелхина дӀабахна... Арме вигнера – цигара йуха ца веара... Иштта дара хӀор а жоп.

Цаьрга ладоьҒуш, сан дог хебара: ас хьанак хӀун цӀа дахьа деза?! Эзар сатийсамна... эзар дегайовхонна дувьхал цхьа жоп: бац! ца карийра!.. Дукха суьрташ кегийра оха. Фаягахь а хиллера дукха суьрташ... цхьана хенахь Металлургически Комбинатан куьйгалхо лаьттинчу Исаков Саргибайн йоӀ йара Фая. Цунна дукха ца бевзара кхузахь баьхна нохчий. Вай цӀа догӀучу муьрехь шийтта шо кхачаза хиллера иза. Амма шен классехь дешначу нийсархойн цӀерш йагарйора Фаяс. Бакьду, суна масех стаг бен цо буьйшучех вевзаш вацара.

Айса цӀера даьхьна сайн ден Сайд-Ахьмадан (Таьштин) сург гайтира ас Фаяна. Металлургически Комбината чуйогӀучу ОКС-ан складан неӀарехь хӀетахь даьккхина сурт дара иза. Таьшта Уч-Коргански ОКС-ан гӀишлошйечу бригадан куьйгалхо вара. Оцу суьртах бӀаьрг кхетташехь, сихха элира Фаяс:

– Так, это ж дядь Сережа!.. Он друг был моего отца Исакова Саргибая...

– Билгал иштта дарий-те, хьо йиц-м ца йелла, Фая? – аьлла, хаьттича, дехха дийцира цо.

Гуттар а цхьаьна хуьлура и шиь, Фаяс дийцарехь. Металлургически Комбинатехь болх бечу нохчийн белхан хьелаш тодарна тӀехь а дукха мехала дерг дан карахделира, алапашца догьэца гӀертара, Једалца йолчу йукьаметтигийн а, Таьштех дагаволуш, Јуналла дора. Дукхахдолчунна тӀехь Таьште ла а дугӀура шен дас, бохура Фаяс, хӀунда аьлча, болх жигара дӀабахийтарна тӀехь а, белхан низам лардарна тӀехь а йоккха бегӀийла хьаькамна а нийсора цо.

Хайдарканера сьхахьажийна хиллера Јадгор (Хайдарканерчу Комбинатан филиал хилла Чаувайхь йерг). Јадгор а, цуьнан хӀусамнана Фая а таджикех дара. Кхузахь девзина, вовшахкхетта а хиллера и бертахь деха ши адам. ТӀаьхьо, дахаран некьаш шерша доьлча, Једалан куьйгалла малдала доьлча, цхьана а хӀуманна тӀехь «олалла» доцуш висира ша бохуш, далхадора Јадгора. Комбинат хозрасчете йоккхуш, кехаташ кечдайтира, тӀаккха долайаккхар а тӀедожийра. Цул тӀаьхьа Комбинатан бахам кьайлабаьккхира цабевзачу цхьана наха. Эскар доцу инарла санна, ша цхьалха висира бохуш, кхидӀа а дувьцура воккхачу стага. Цуьнан бӀаьргех хиш дувьлура, шен кьамелах Іаткьам а хилла. Ёеннаш адамаша алапашца таро йеш меттиг йара иза. ХӀуй-пака йина, дувьнен тӀера йайира. Уьнан коржам а, бирҒанан йуьхьиг а йахьна нах Једало лийцира... Йоккха харцо йай хӀара-м!.. Кхойтта шарахь, уггаре а халачу хенахь, мискачу наха вовшахтоьхна халкьан бахам, шайн дола а баьккхина, хӀаллакбира Бишкекерчу сутарчу хьаькамаша... Коьртачу декьана, нохчийн йаьни тӀехь

схъайеана а йара Металлургически Комбинат бохуш, дуьйцура куьйгалхочо. И гуллакх ца лайна, воккха стаг цомгуш хилира: хье чуьра пха иккхина хиллера мисканан. Дукха йехачу хенахь бала хьегна, геттира Ядгор. Цунна Ю хилла, шен гергарнаш кхузара дабоьлхуш а, Ядгоран доладан бухасецнера Фая. Царшиннан кIант а, йоI а Москвахь дехаш ду.

Ядгор кхуза веанчу хенахь цхьа нохчи бен ца хилла, куц дара, Чаувайхь ваха висна. Иза а тIаьхьо Кызыл-Кыя гIала давахна хиллера. Цундела, нохчийн хьокъехь оха къамел дечу хенахь, вист ца хуьлура къена таджик.

– Шу дукха дахарш... Дац!.. тхуна дита а, шуна дIадахь а диканиг дац, – кийрахь гIайгIа кхехкара воккхачу стеган. – ХIетахьлера адамаш чекхдевлла... Заводах а, Комбинатах цхьа сирхат ца дисна... Ишкол, туька, почта, клуб – уьш хилла меттиг а бац... Дуьнен тIехь массанхьа а хьавьзичу йилбаз-махо даржийна, хIаллакхили дерриге а... Шайн цIахь бисинчаьрга иштта дIадийца. Цара кхузахь лайнарг йалсамани хиллера, тIаьххьарчу хенахь оха хьегначуьнца дуьстича... – Iежийн дитташна йуккъехула дIа куьг а хьажийна, тIетуьйхира Ядгора:

– Хьовсал шу дIо-о лаьмнийн раьгIнашка!.. Оьпанаш санна, лаьгтах боьлла кхайкхаза беана бIо. Китайра бу уьш... ГиргIизойн пачхьалкхан куьйгалхоша шайн-шайн заманашкахь даккхий ахчанан декхарш тIелетийна хилла, куц ду. Цара дIашардина мокхазчу лаьмнийн баххьаш гой шуна?.. Мукадехкий дуурш, оьпанаш санна, тIулгах чубоьлла... Дешин шахьташ йу уьш. Тхан мехкан тIум схьаузуш бу уьш. Ткъа хIокхеран бала а бац... Церан кредиташ шайн кисана дерзийначара боьхкина мохк, шен халкъаца а цхьаьна... ХIинца уьш кхузара дабаха, ша АллахI-Дела воцург, кхин ницкъ бац... Керла-керла некъаш-бахьанаш дагардеш, чукхобхьуш нах бу, чуузуш гIирсаш бу... хин дерг Дела воцчунна ца хаьа, – кегайеллачу ойланашца дуьйцура Ядгора кхузара хьал... – Ма-дарра доьзахь, шун цIахь болчийн а дегнаш духур ду. Адамалла йара шуьгахь. Бен-башха доцуш, ца хьуйсура шу нехан гIайгIане... Тхаьш долчохь дика бевзина суна нохчий... Китайцаша ишкол а йина кхузахь, лахарчу кIотарахь – Чилтанехь... бераш цига дIасалело жима автобус а йелла... Ткъа кхузара даузуш дерг деши ма ду!.. Стенах йехар йу пачхьалкх, муха ду кхана хин дерг?! Цуьнан ойла йан, саметгахь гуллакх дац кхузахь дерг... Шу-м шайн цIена ойланаш йохуш даьхкина... Къола дан йа талораш дан ца даьхкина шу... Шу доттагIалла дохуш даьхкина... Шу шайн дайн кешнашка даьхкина, царца йолу шайн уьйр- марзо карлайаккха, уьш а, тхо а Деле деха! Ийманан некъ бу аш беанарг!.. Дала йал лойла шуна!.. – лагIлуш, сецира воккхачу стеган къамел.

Кхачанах кхеттачул тIаьхьа, кхин хан ца йойуш, машинахь арадевлера тхо. Ма-доьлхху, нохчийн кешнаш долчу даха лиира суна: коьртачу лаамех хьалхарниг иза хиларна. Цига хьалавоьдучу некъан сург (карта) а дара сан карахь. Со новкъавалале Сайд-Iалвис, ас доьхуш а доцушсехь, диллинера иза. Цо ма-гойтура, некъо голатоьхначул тIаьхьа гучуйелира аьрру агIор цхьаь бен йоцу ШаIранин беш. Царула-цIен, барула-можа дитташ. Уьш доьгтина туьркаш, шапталш... Цул тIехваьлча, аьгту агIор хила йезачу бошмийн изс дан сихвелира со: царна йукъахь хила еза «сан беш» а. Цу уьрдахь нисделла сан дуьнен тIе валар. Стоьмийн диттех йуьзна бошмаш лелхара машинан корах тIех, суна йийццинчу хьалха-тIаьхьаллехь могIа а бина. Со церан шунаш дагардан хIоьгтира, кехат тIехь ма-дарра: Селамсолта (аьккхи) – цхьаь; Юнуев

Хьасайн (Мохьмадан да) – ший; МӀаьни – кхоь; ЗӀака – диь... диь... диь... Сан са тӀеуьйзура пхьобалгачу бешо, сан дагах гилгашдуьйлура, бакъабелла мотт багахь тӀелетара... Сан синан кӀоргехь хахьорцура генарчу замано: кхо бутт болуш ваьккхира со оцу кергара ара... «ЦӀа доьлху!» – аьлла хиллера соьга хӀетахь. Шовзткъе итт шо даьлча, йаздинера ас:

... ХӀетахь цкъа нанас со (кхо бутт сан хилла),
 ЧӀениг тӀе пӀелг таӀош, хьаьстира, бах.
 Дерзина доьлаш гуш, вьолуш со хилла:
 «ЦӀа доьлху!» – аьлла мотт бевзира, бах!..

Суна ца хаьара цӀахь кешнаш дуйла,
 Дайша сайн лелабой холхазан куй,
 Нохчийн мотт сайн кьоман ненан мотт буйла,
 Бедарган кхерчара суо буйла суй...

– Гумар-Гела!.. Сацайехьа машен!.. – бертаза делира соьгара.

Машен чуьра вьоссина, керта улло тӀевахара со... ХӀусамаш йолчух тера дацара: гуш йа адам, йа хьайба дацара... «Со ларвеш, Ia-те хӀара керг?! Байлахь дисна декъаза урд!..» – аьлла, хаттар иккхира сан ойланах чекх. Гуо кьовлуш означу телаш йуккъехула чу куьг а дахийтина, цхьа зезаг-тайпа даьккхира ас. Цунах тера буц-зезаг Нохчийчохь суна цкъа а ца гинера. Ас лелочух кхеташ ца хиллехь а, со лерина тергалвора сан накъосташа. Суна эхь хийтира, аьлча а, мелла а сиха кхузара дехьавала... генавала ойла иккхира... Цхьаннан бегӀийла йохо веанчу, шен доцург дӀаиэца, бертаза иза дӀаийзо веанчу «нацкъарчу талорхочух» суо тарвелира суна... Нохчийчохь хӀун ца тоьна, стенна бӀаьрмецигваьлла веана со кхуза?.. Сан хӀун ду кху кертахь?! Ас хӀун дитина сайл тӀаьхьа?! Со хӀун деш лела нехан уьрдахула?! Амма суна цкъа а йевзина йоцчу кьайлахчу цӀаро боттура сан кийра; багахь дӀалеташ, мотт тийсалора, легашкахь аз соьцура... ХӀинццалц цкъа а сан бӀаьрга ганза йолчу зӀаьнарша серладохура сан дог... ХӀаь!.. ЭргӀада ойланаш жимма хьаььча, йуха вуссур ву со «сайн туьша...» кхаа баттахь айса хӀаваь чуййзинчу хьаьрма... хӀокху нехан беша... Теш воцуш, къамеле вер ву со... сайн дагца...

ХӀокху доккхачу дуьненахь сан кхолламах буца йазбина хилла хӀара лаьттан цинц. Сан ага тахка доладелла хӀокху готгачу уьрдахь... Ткъа со стен декхарвина хьуна къежа?! Ага хьан гӀаргӀанех дина хиларх, суна ша лекхна йиш-м нанас Нохчийчуьра схьайеана йарий!.. И йиш-м нохчийн матгахь йарий!.. Кхузарчу лаьмнашкахь кьора хуьлура цуьнан йекар. Нохчийн лома кхавьча, самалхадаьлла, тӀомайелира сан аганан йиш!.. Кхузахь дуьнен чу со валарх, хьайн ву ма мотталахь... МаьI-маьIпехь дуьнен тӀе дийлина тхо, хӀетте а тхешан кхерчан дай хила Iемина тхуна... Тхан цӀийх ду иза!.. Пана а, эрна а дахар девзаш а, дезаш а дац тхо... тхавьш нохчийн хиларна... Тхо-м эшелонаш тӀехь а дуьнен тӀе девллий, шун кӀотаршкахь чул а дукха. «Шалон» боху цӀерш тхуна цундела техкина...

... Кешнийн зӀарехь Мусхьабе доIа а дайтина, цу чохь долчу охӀланна гечдар дийхира оха...

Тишделлера кешнаш... Дуьненан декхарна бохуш, куьг Ииттина хаалора, амма бусалба нехан дог-ойланца доладинчух тера дацара. Бакьду, даьхни

чулелаш, кешнаш хъешна гуш дацара, хуьтгуш-летош лаьттинчу кертан чалх гулейллера, кертахь кхиьначу жолмаша кешнаш дубкънера. Дукхахдолу чарташ хирцина, кегделла, ланадахана, тлерачу йозанийн басар доьжнера... Тлакха ткъа?! Кхузткъа шарахь... йуххехь верасаш а боцуш, йуьртахь а, махкахь а сарахь-гуьйре тлехотта йиша-ваша доцчу генарчу махкахь кешнийн кхоллам кхин муха хир бара?!

«Дицлур ду вовшашна
Къаьстинчохь вовшех вай...
Йа махках къаьстинчохь...
Дайх ала дош доцуш,
Даймахкахь каш доцуш,
Дала ма лайла вай, кентий!..» –

бохуш, йаздо нохчийн къомах ваьллачу дешан говзанчас. Азаллехь синош кхуллуш йелла амал йу нохчийн: даймахкахь каш хила лаар. Цуьнан дубхьа дуьненан доккхачу ирсана букь берзийна ваьхна хlor нохчи.

Суьйре герга глертара... сан дайша кхойтта шарахь Тянь-Шанан ломан чожахь лайна суьйре... Тхо тлехача а, оха бляьрг тоха а дезарг дукха дара: кешнийн хьяьрма цланйаран гуллакхан гайгIабан сихвелера со. Го буьстина, кертана мел гIирс оьшу хьяьжна, маса белхало ларор ву кхузахь дан леринарг цхьана дийнахь чекхдакха... Кобрта хет-хетачу куьпа кхочуш, девза адамаш хоттуш, Охьа-чу, Хьала-тIе толлуш, Боккхачу Пулге бляьрг тухуш, тхо леллашехь, маьркIаж-бода тIеоллабелира.

Буьйса йуккъе йаххалц, къамелаш дира оха.

гуьйранна, серлайаьллачул тIаьхьа, Кадамжай охьадаха новкъадевлира тхо. Цигахь Расул вара тхо лардеш. Ткъех чаккхарма генахь йара Кызыл-Кыя гIала. Расул схьа а эчна, цига дIадахара тхо. Кешнийн кертана оьшу гIирс вовшаш а тоьхна, мовлад дешийта а, сагIина дала оьшург а тардина, тхо делкъале йуха новкъадевлира. Расулана бевзачу операторшца барт а бина, уьш а тхайца буьгуш, Чаувай хьаладахара тхо...

Делан лаамца, тхаш дан леринарг кхочушдан каделира тхан: жIолам дIахьокхуш, кешнаш а цландира, керла керташ дIахIиттийра. Массо а метте кхочуш, хlor лам-тIулг ша-ша билгалбеш, суьрташ дехира, шина сахьтана лерина «кино» йаьккхира... Цлречарна безамна бохуш, тхайн куьг, иэс тлехчург дерриге а дира. Суьйре йоьлча, молла а валийна, уьстагIна урс а хьакхийтина, цу дерригенна а тIера мовлад а дешийтира. Дуккха а адам деара. Оццул бIарлагIа хиллера кхузарчу нахана тхо дахкарх. СагIанах а кхетта, цхьа мерза-гамехь дIасакъаьстира тхо...

Асламбек Тугузов

Алибек-Хаджи

(фрагмент поэмы)

Вступление первое

Хвала Тому, Кто над мирами
 Миры другие сотворил
 И над ночными небесами
 Развесил скопище светил.
 О Дух, о Свет Его наследный,
 Скажи – Он Вечный и Живой,
 И Он же Первый и Последний,
 Преславный Он и Пресвятой.
 Его сиянию открыты
 Все двери бездны бытия.
 Он Явленный, и Он же Скрытый,
 И Он же высший Судия.

Он Господин причин и следствий,
 Что теплит Свет и режет Тьму,
 И жар молитв, и пыл приветствий
 Вовек принадлежат Ему.
 И да пребудут без сомненья
 Над Посланными от Него
 Молитвы и благословенья,
 И Милость вечная Его,

Особенно над Мухаммадом –
 Последним Божьим Мустафой,
 Кому, как ключ от двери Сада,
 Вручен был Свиток Мировой.
 Приветствия всем домочадцам,
 Другьям, сподвижникам его,
 Сумевшим к Истине подняться
 Из мрака духа своего.
 И всем Ученым от Ислама
 И праведным Его Вали,
 И всем, кто жертвенно и прямо
 К границам Вечности ушли.

И как же не могу возвать я
 Из глубины тоски своей:
 Господь, помилуй наших братьев,
 Отцов, сестер и матерей!
 Помилуй умму Мухаммада
 И дай терпенья ей и сил!
 А мне же многого не надо:
 Немного хлеба и чернил,

Немного силы и здоровья,
 Чтоб совершая мой Салат,
 Я мог бы с искренней любовью
 Твои Сифаты восхвалять.
 Немного праведного слога,
 Чтоб славить Милост и Твои,
 Поскольку глупо и убого,
 Без пользы трачу дни свои.
 При светлой помощи десницы
 И заточенного пера
 Хочу запечатлеть страницы
 Событий нашего вчера

И выбить пыль из закоулков
 Истории родной земли,
 Чтоб пронеслись над твердью гулко
 Через века слова мои.
 Как землекоп, породу роя,
 Золотоносных жаждет жил,
 Вот так из тьмы твоих героев
 Хочу поднять по мере сил.

Да станут помощью Аллаха
 Мне эта ночь и солнце дня,
 Пока в свой час волною праха
 Не слижет вечность и меня.
 Еще прошу, Владыка Суший,
 Твоей защиты от глупцов,
 От своеволия власть имущих,
 От их сатрапов и жрецов...
 Когда бывшее вспоминаю,
 Я вижу своего отца

И с тихой грустью воскрешаю
Черты забытого лица.

Его рассказы, как ни странно,
Еще как будто на слуху,
Особенно про Зелимхана,
Про Умму и про Хасуху.
И мнится мне, как сон далекий,
Сквозь даль, которой нет конца:
Молчит мальчишка волоокый
И жадно слушает отца,

А тот сидит, горбясь спиною,
У старой печки в полумгле
И угли тонкой кочергою
Катает в тлеющей золе.
А за окошком в полумраке
Белеет снег, уже зима,
И чьи-то злобные собаки
От лая тронулись с ума.
Наверно, хитрая лисица
В курятник чей-то забрела
Или голодная волчица
К селу поближе подошла...

О память, память, сон отрадный,
Опять туманишь грустью взгляд
И тонкой ниткой Ариадны
Ведешь, как мальчика, назад –
Туда, к далекому пределу,
Где так кружилась голова...
Но все, пора вернуться к делу,
Раз засучили рукава

И дерзко взялись за такое,
Что впору выйти и завывать,
Поскольку мысли о покое
Теперь придется отложить.
Хочу погасшие всполохи
Огнем чернил затеплить вновь
И в жилы умершей эпохи
Пустить пылающую кровь.
Хочу, чтоб тлел под небом низким
Огонь преемственности душ
И чтоб чеченец или близкий
Ему по крови брат ингуш.

Не впали в кому равнодушья,
В угоду брэнной суете,
А чтобы, словно блеск оружия,
Хранили память в чистоте,
Поскольку будущее наше
И прошлое есть общий тракт,
Сошедший кровно в настоящем.
И это – непреложный факт!

Еще хочу, тщеславья пленник,
Под солнцем будущего дня,
Чтоб мой грядущий соплеменник
Воздел ладони за меня.
И глядя в купол семикрылый,
С душой моей поговорил
И руку к холмику могилы
С молитвой тихой приложил
За то, что я в мой век упадка
Тропу к надежде проторил
И смыслам высшего порядка
Воздал по мере слабых сил.

Поскольку все по воле Бога
Есть общей связи элемент:
И слабый ум, и Высший Логос,
И низший мир, и горний свет,
Как есть связующая сила
Живых и мертвых в некий час,
Когда небесные светила
Как бы прощупывают нас –

Есть некий зов из тьмы столетий,
Замри – и в грудь ужалит он,
Сквозь все расставленные сети
И мрак безжалостных времен.
Но если нет работы духа,
Но если сердце не поет,
В глухую раковину уха
Тот зов вовеки не войдет.

Вступление второе

С тех пор, как знамя газавата
Упало с гордого древка
И смолкли пушки Имамата

Устав, как будто на века,
 От черных ядер и обстрелов,
 От поражений и побед
 Уже немало пролетело
 Стремительных и быстрых лет.
 Уже Мансур под небом синим
 Далекой грозной старины
 Обрел покой в песчаной глине
 Холодной северной страны.

И вороного иноходца
 Погнав однажды на закат,
 Ушел к лучам другого солнца
 Гроза Кавказа Бей-Булат.
 И на границе Дагестана,
 Забыв земные миражи,
 В тени родного Саясана
 Покоился Ташу-Хаджи.

Под зеленеющей горою
 Уже другие видел сны
 Шоип-Мулла из Центороя –
 Стратег и ас лесной войны.
 Давно осенние туманы
 Носились густо и легко
 Над серым чуртом Джаватхана –
 Мудира из села Дарго.
 Давно с безудержной бравадой
 Не поражал ряды врагов
 Ахмад – сын тезки Мухаммада,
 Наиб из славных Автуров.

И в темноте родной глубинки
 Под ветра сиротливый свист
 Лежал в земле Талхиг Шалинский –
 Наездник и артиллерист.
 В бессонных сумерках отчизны,
 Закрыв печальные глаза,
 Лежал, устав от бранной жизни,
 Гендаргеновский Иса.

И Байсангур, горя душою,
 Когда пришла его судьба,
 Ушел, единственной рукою
 Добыв свободу для себя.
 Поднявший знамя человека

В юдоли сумеречной лжи,
 Исчез в изгнании Полос Века –
 Святой устаз Кунта-Хаджи.
 Как волк, приняв условия свары,
 Один напротив сонма псов,
 Ушел к Творцу Гехинский Вара,
 Немало положив врагов.

Так время выкосило многих
 Храбрейших духом и лихих,
 Оставив слабых и убогих,
 Опустошенных и больных.
 Другие закатали бурки,
 И скарб собрав свой, навсегда
 Ушли к далеким землям тюрков,
 Чтоб не вернуться никогда.

Покинув черные руины
 Своих разрушенных домов,
 Погибли лучшие мужчины,
 Оставив слезы юных вдов.
 Как волк в сожженную долину,
 Скаля в отчаянии рот,
 Вошел в другую половину
 Худого века наш народ.
 Уже казалось, время злое
 Вздремнуло с кровью на зубах,
 Как вдруг восстание большое
 Сверкнуло молнией в горах,

Когда в лесу под Саясаном,
 Лишь только стаял плотный снег,
 Был выбран молодым имамом
 Хаджи Алдамов Алибек.
 И снова дикий грохот пушек,
 Знакомый здесь с далеких пор,
 Взорвал покой лесных опушек
 И тишину чеченских гор.
 Потом был день мрачнее ночи,
 Похож он был на судный час.
 И я корявой вязью строчек
 О нем поведаю сейчас.

*Рецензия***Хаваш Накостоев**Заместитель Председателя
Союза Писателей Республики Ингушетия**Поэт, зажигающий светильники свободы**

С большим эстетическим наслаждением прочитал поэму Асламбека Тугузова «Алибек-Хаджи», написанную с огромной любовью к национальным героям чеченского народа, погибшим, сражаясь за светлое будущее своей Родины, к тем героям, каждый из которых более жизни «дорожил своей Родиной и честью», как пишет в предисловии к поэме Мовла Гайраханов. По сути, поэма есть описание казни предводителей народного восстания 1877–1878 годов, которое получило название «Малый газават» (в отличие от шамилевского «Большого газавата»).

При создании поэмы А. Тугузов во многом опирался и на свой личный опыт: был «участником и очевидцем самых трагичных событий в истории чеченского народа на рубеже XX-XXI веков» (М. С. Гайраханов). Несомненным достоинством поэмы является объективность автора: он не впадает в крайности при характеристике даже тех представителей чеченского народа, кто был против стихийного восстания. Это Арцу Чермоев, Ойшиев, Саралиев, Мовсаров, Мустафинов. Он говорит о них:

Молодцеватые такие
И любящие свой народ.
Все – офицеры царской власти –
Погоны, молодость и стать.
Все в основном туземной части,
Все – наши братья, так сказать.

Да, это братья, просто у каждого из них своя «правда» (это хорошо показано автором несколько ниже – в диалоге Уммы Дуева и Арцу Чермоева). Более того, автор хорошо знает, что и те, и другие выполняют волю Аллаха: «Одним всесильным роком ведом/ И вешающий, и мертвец».

Однозначно отрицательно автор характеризует только «двоих заблудших гольшей» – убийцу Понявина и вора Нигматуллина, вынужденно исполняющих роли палачей. Тут вспоминаются слова нобелевского лауреата Альбера Камю, который в одном из «Писем немецкому другу» заявлял, что он противопоставляет «две позиции, а не две нации». «Я ненавижу только палачей», – объяснялся Камю.

Совершенно права Марина Саввиных, когда пишет, что «чеченский поэт как бы с высоты орлиного полета озирает происходящее взором не судьбы, а честного свидетеля перед очами Того, в чьей воле жизнь и смерть, время и мироздание». Как настоящий поэт, А. Тугузов видит всю противоестественность и неуместность происходящего и описывает это с точки зрения общечеловеческих нравственных ценностей, избегая политических оценок.

Говоря о художественных достоинствах поэмы, необходимо подчеркнуть, что создавая образы осужденных, автор не жалеет красок, уделяя особое внимание подробностям, мелким (казалось бы) деталям. Ничто не ускользает от его внимания. Вот на первой арбе к месту казни подвозят разменявшего восьмой десяток лет Уму Дуева, наиба «двух земных имамов». Рисуя образ Умы Дуева – глубокого старика, автор говорит о «больших тяжелых кандалах», в которые он закован, о его седой голове и густой бороде до живота, и сравнивает его с беркутом «в облаках». Ума стоит «тяжело и прямо», подняв седую голову, «как ствол чинары – гордо и сурово», и, «насупив брови», смотрит «на мир вещей в последний раз». Здесь автор ненавязчиво, как бы вскользь напоминает нам, что Ума уходит из тленного «мира вещей» в мир бессмертных идей.

Эти мастерски выписываемые А. Тугузовым подробности, казалось бы, несущественны, но на самом деле они очень важны, так как несут наиболее значимую информацию и о героях, и о происходящем, и о позиции самого автора.

Вот взгляд надменно пробежался
Над чуть притихшею толпой
И на мгновение задержался
На виселице полевой.
– Какое глупое виденье, –
Подумал Ума свысока,
И дымка легкого презренья
Скривила губы старика.

Взгляд Умы «надменно пробежался»... нет, не по толпе, а «над толпой»! И этот взгляд, «надменно» пробежавший «над чуть притихшею толпой», и эта едва заметная «дымка легкого презренья», подчеркивают не только противоестественность происходящего, но и его бесполезность: жестокостью силы можно подавить протест, но невозможно убить любовь к Свободе.

Ума оглядывается и видит вторую арбу, на которой Алибек-Хаджи Алдамов Зандакский, «враг государства и царя». Он тоже стоит на арбе, «держась легко и прямо, глазами темными горя», и лицо его не бледно, а горит «румянцем жизни молодой». Да и все другие осужденные – то же самое.

Дада Залмаев «с усмешкой горькой провожает /Последний свой на свете день»; «Легко ступал Курко Веденский/ С улыбкой доброй на устах»; Хусейн-Хаджи из Акты-шаха «Шагал во власти грозных дум»; «Косум поглаживал лицо худое»; «И гордо голову подняв, шагал Мита из Чеберлоя»; «Слегка по слякоти хромя, высокий, стройный и худой, последним шел Дада Умаев /С короткой черной бородой».

Видно, что А. Тугузов любит героев своей поэмы, которые честь ценили выше жизни! Наверное, этой любовью объясняется еще один художественный «прием», применяемый автором. При описании наиболее драматических моментов А. Тугузов спешит перейти к описанию природы, он как бы пытается отвлечься от ужасной картины подготовки к казни. Часто для этого автор использует образ белых снежинок, тщательно и подробно описывая чуть ли не каждую из них:

Не портя общий фон картинки
Смешным присутствием своим,
Кружили белые снежинки,
Как пчелы шустрые, над ним:
Одна куда-то пролетала,
Вторая, в легкой суете
Танцую, плавно застревала
В седой косматой бороде.
А третья ветрено и глупо
Дразнила темный воротник
Его овчинного тулупа
И пропадала в тот же миг.

Про Алибека Алдамова, охарактеризованного автором как «враг государства и царя», читаем:

Ни месяцы тюремной драмы,
Ни приговор, ни час конца
Не погасили глаз имама,
Не стерли цвет его лица:
Округлое, оно горело
Румянцем жизни молодой...

Здесь автор опять, как бы не выдерживая напряженности ситуации, «отводит» взгляд, обращая внимание читателя на другие подробности:

Арба тяжелая скрипела,
Быки пыхтели вразнойбой.
А он стоял в тулупе сером,
Бесстрастно глядя на людей,
И вдруг увидел офицеров
И двух унылых палачей:
Один стоял у табуретки,
Как будто весь из синих жил,
И белый снег, сырой и редкий,
Беззубой челюстью ловил.

Кружащиеся как пчелы «белые снежинки» падали на Уму, плавно застревая «в седой косматой бороде» его, и как бы «ветрено» заигрывая с ним. Снежинки как бы пытались укрыть героя от действительности, успокоить его. Здесь же «весь синий» то ли от страха, то ли от холода «унылый палач» «беззубой челюстью ловил» ... не белые летучие снежинки, а «сырой и редкий» снег. Чуть ниже Алибек-Хаджи ловит «лицом крылатый снег».

Он призывает товарищей не позволять нелюдям-офицерам скалиться над своей бедой и встречает смерть «с улыбкой». Он не боится смерти – знает, что умирает за правое дело.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство: стоя под виселицей, Алибек Алдамов отдает свой тулуп кузнецу со словами:

Носи его, да будет теплым
Твой путь, ославленный к концу.

В этих нескольких словах подчеркнуто сочувственное отношение приговоренного к кузнецу, вынужденному участвовать в неблагородном деле («да будет теплым твой путь»), и сожаление о том, что жизненный путь старого кузнеца огненные будет «ославлен», покрыт позором за это участие.

К месту казни привозят других участников восстания, «собратьев боевых» героя поэмы. Каждый из них идет на смерть спокойно, «гордо голову подняв» «с улыбкой доброй на устах».

Все шли спокойно и степенно,
И лишь глаза из-под бровей
Смотрели дерзко и надменно
На суесящихся людей.

*И снова мы видим, как «снежинки белые летали, /Танцую с ветром и судьбой,
/Как будто тоже утешали /И звали в небо за собой».*

Диалог старого Уммы Дуева и его последнего сына вообще невозможно читать без слез! Дада Умаев, выросший в России, знает о безнадежности борьбы горстки горцев против империи, но не может оставить отца. Нравственность одерживает верх над всеми остальными соображениями. Очень несправедливо, когда гибнут такие люди, как Дада Умаев. Если бы игра судьбы не привела его к преждевременной гибели, может быть, он смог бы принести своему народу много пользы.

Асламбек Тугузов в конце поэмы пишет:

А я, ваш брат, под небесами
Деливший с вами хлеб и кров,
Хотел обычными словами
Рассеять плотный мрак веков.
И если вдруг не получилось,
И если что пошло не так,
Да станут мне порукой милость
И добрый ваш душевный такт.

Хочу уверить: Асламбек, у тебя получилось «рассеять плотный мрак веков» и «светильник воинов свободы» вернуть «народу своему».

Дала Ше даькьалболба хьа кхоллам! Дала низ лолба хьона кхы длахо а халкъанна иштта пайдана хургдола кинижкаш язьде!

Лиши в бою несправедном отваги,
Убей в досужих пересудах слух.

Создатель, не позволяй
растаять в мраке,
Подобно догорающей свече.
И дай мне воли в неизбежной драке,
Бесстрастности в разноженном мече.

И радости, чтоб было чем делиться,
И памяти, чтоб было, чем отдать.
Смирения, чтобы Тебе молиться,
И чтоб с надеждой пред Тобою встать.

Кренился мой баркас неумолимо,
Муссоны начинают докучать,
И кораблей, что проплывают мимо,
Все чаще лень сиреною венчать.

В балете волн черпаю утешенье,
И горизонт, как будто, за спиной.
А в трюме барахло и прегрешенья,
По случаю прикупленные мной.

Попутных ветров стихло наважденье,
И выгоревший гюйс на штоке спит.
Поверху облаков нагроможденье
Шлифует белоснежный монолит.

И не влекут шторма меня как прежде.
Я дрейфом, как удачей, дорожу.
И вдаль смотрю
в задумчивой надежде,
Что курс до бухты вечной удержу.

Меня не сломит бесконечный мрак,
Отчаянья удавка не задушит.
Напоминает мир чумной барак,
Где буй спасенья – родственные души.

Их легкое, волшебное тепло
Лечебной влагой раны заливает.
И волдыри, что грустью напекло,
Дыханием участливым сдувает.

Мы связаны невидимым лучом,
И часто между нами – расстоянья,
Но ощущаю я всегда плечо
Подчас в далеком,
родственном сиянье.

Напрасно потускневшая хандра
Меня в свои заманивает сети.
Я воин лучезарного
Утра,
Поэт непобедимого рассвета!

Покуда есть надежные сердца
И близких душ родные очертанья,
У жизни нет и не было конца,
Унынию не место в мирозданье!

Все маешься, душа моя чудная,
Перо крыла сжигая на ветру.
Жестокая сумятица земная
Тебе, еще земной, не по нутру.

Обласканная рифмами рассвета,
Выходишь ты в неслышимый эфир.
И снова освещен, но не приветлив,
Тебя встречает странноватый мир.

И в поисках чарующего эха,
Заглядывая в редкие сердца,
Среди печали, плача или смеха
Потерянного ищешь близнеца.

И если на витке прикосновенья
Знакомых черт встречаешь серебро,
Являешься во фраке вдохновенья
На танец мыслей приглашать перо.

Свеча немая грустно догорает,
И капли восковые на столе
Жемчужным блеском у листа играют,
Где перышко в свободном дефиле...

Качнулось небо, уронив звезду.
Она, сгорая, шлейфом расписалась
Под тем, что, как могла,

всегда старалась

Не оставлять в сиротстве высоту.

И соскользнув с орбиты вековой,
Своим прощальным,

тонушим сияньем,

Романтиков земных сожгла желанья,
Рожденные под лунной синевой.

В бескрайнем небе драма не видна.
Звезда была наивна и беспечна
И по-иному освещала вечность.
За свет иной – одна всегда цена.

И год за годом тают небеса
Для тех, кто различал оттенки света.
Все тише звуки лунного сонета,
Все реже дорогие голоса.

На перекрестках Млечного Пути
Исчезли знаки всех приоритетов.
Накрыты мраком письмена заветов,
И так непросто по нему дойти.

И глядя в эту меркнувшую даль
С чутьем, что ты у самого у края,
Вспотевший лоб прохладой вытирая,
Вдыхаешь безысходности печаль.

Ты заходи, когда в душе ненастье,
Когда распутье в мыслях, заходи.
И с тишиной тревожной у запястья,
И с дробью, нарастающей, в груди.

Я вкрадчивую речь вести не стану
И откровений обрывать струну.
Я равным быть тебе не перестану
И, даже не поняв, не упрекну.

Возможно, молча руку на предплечье
Я положу, прослушав каждый слог.
Затертых слов о том, что время лечит,
Не встретит твой душевный монолог.

Не сообщу про нить предначертаний
И неизбежность роковых преград.
Не будет разудалых обещаний
И длинных, утомительных тирад.

Мы разведем костер у побережья,
С дымком мешая чайный аромат,
Возложим на Создателя надежды
И тишиной разбавим боль утрат.

Друг человека

Комочек белоснежный
в черном крапе,
Виляет радостно пропеллером хвоста.
И коготки молочные на лапах
Штрихуют бархат павшего листа.

С малышкой мы едва еще знакомы,
Но теплота ладони на спине
Чарует кроху ощущеньем дома.
Она в ответ любовь дарует мне.

Мы с ней пройдем взросления этапы
В лесных прогулках осязая мир.
И будут рисовать четыре лапы
Судьбы ее петляющий пунктир.

Команд нехитрых школа пронесется.
Войдет в привычку распорядок дня.
Щенячий голос лаем отзовется,
Едва заметив вдалеке меня.

Отныне и, как водится, вовеки
В ответе я за это существо.

Ее ж удел – быть другом человека;
Такое вот собачье естество.

Лунное подворье

Гирлянды звезд
в небесном черноморье
Сквозь времени тисненую вуаль.
Ожило во мраке лунное подворье,
И млечная зафонарилась даль.

Дух ночи величав, немногословен.
Медведица ковшом черпает мед,
Рогами шевелит упрямый Овен,
Телец копытом золоченым бьет.

Играют Близнецы на саксофонах,
Качаются Весы мотивам в такт,
Резвится Козерог на небосклоне,
Клешней грозит нерасторопный Рак.

Чарует красотой небесной Дева,
Кривое жало точит Скорпион,
Лев в поисках звериной королевы,
Стрелец пускает стрелы в Орион.

Сверкнули серебром во мраке Рыбы,
Плеснул из чана в бездну Водолей,
И засияли ангельские нимбы,
На мачтах поднебесных кораблей...

Беседа с тишиной

Затеял я беседу с тишиной:
Мы с ней давно на «ты» и неразлучны
С тех пор, как неприятен шум земной
И облик сего мира злополучный.

Мы как-то ладим с ней наедине
И общих тем находим параллели.
Две бригантины на одной волне
В бегах от одиночества и мелей.

Ну, так давай, подруга, не молчи.
Поведай, не тая, о сокровенном.
И в заблуждениях меня разоблачи,
И смысла дай для места
в мире бренном.

Твоим советам я внимать готов
И боль свою доверю без остатка.
Мой парус отказался от портов
И берега покинул без оглядки.

Уже поделаться ничего нельзя –
Приручены ветра уединенья.
Увы, регата не моя стезя –
Я исчерпал заливы приключений.

Ну, с кем, как ни с тобой, поговорить
При шорохе рябого листопада.
Лед истин ты поможешь растопить
Без пафоса, без лоска и бравады.

К рассвету доплыла немая ночь,
Беседу оборвав на полуслове.

И тишина моя помчалась прочь
На поиски поклонника другого...

О, я не пленник вдохновенья,
Рысак судьбы уже стреножен.
Дается тягостно решенье –
Остаться или стать прохожим.

Моя безудержная прыть
В трущобах мудрости таится.
Как прежде, продолжаю жить
Свободной, но земною птицей.

Размеренность – моя стезя!
В подружках – тишина и темень.
Проспать рассвет уже нельзя –
Ведь так подорожало время.

Румянит осень сонную траву.
 Вороний крик простуженно вещает.
 С поникшим взглядом облака плывут.
 Боярышник прохожих угощает.

И пишет пьесы инеем рассвет.
 День к вечеру спешит
 скорей в объятья.

Осенний лес по моде разодет
 Для бала октября в чудные платья.

Прохладой ночь спускается с Луны.
 И кажется, что звезды потускнели.
 А в речке лепестковые челны
 Отчаянно цепляются за мели.

Позирует кистям подножье гор.
 Вершин сияет ледяная проседь.

Ведут душевный, тихий разговор
 Покорный ваш слуга и леди Осень.

Вот хлынул ливень
 в темнокожий вечер
 На корочку асфальтовой глазури.
 И грома отдаленного предтеча –
 Косая молния в божественной лазури.

Небесных слез неистова мольба,
 По сердцу растекается с прохладой.
 И капелек пружинистых ходьба
 Романсом на залуженной эстраде.

Уснувших лепестков немая дрожь
 Рождает в кронах шорохи волненья.
 У летнего холста июльский дождь
 Рисует кистью мокрою мгновенья...

Я научился

Фатально распрямилась тетива,
 Стрела судьбы отметила кривую.
 Мои шаги, поступки и слова
 На время плоть затеяли живую.

Я начал различать цвета теней
 Свось кривизну
 грошовых откровений,
 Мозаику запазушных камней
 И суть пустую уцененных мнений.

Я наловчился видеть сквозь снега
 Родных сердец негаснущее пламя.
 Я научился уважать врага,
 Презрев навеки вражеское знамя.

Иса Закриев

Рассказы

Любовь к потомкам
 (притча)

Император стоял у цветущей клумбы в саду, закрыв глаза и обратив лицо к солнцу.

Он услышал шаги и медленно повернул голову на шуршащий звук, издаваемый мягкими кожаными подошвами верного помощника.

Смиренно склонив голову, тот попросил разрешения говорить.

Император провел рукой по седой бороде и кивнул.

– Повелитель, хочу сказать Вам о своем беспокойстве. Уверен, что Вы, по доброте своей, слишком мягки с подданными. Если продолжите править в таком же духе, боюсь, что совсем скоро они выйдут из повиновения.

– Чего же им не хватает? Они мало зарабатывают или голодают?

– Нет, повелитель, они живут хорошо: сыты, одеты, обуты, имеют уютные дома.

– Может быть, их притесняют мои стражи или воины нашей армии?

– Нет, мой повелитель. Граждане чувствуют себя защищенными, спокойно гуляют по ночам и спят также.

– Их дети не имеют возможности учиться, играть в игры и отдыхать?

– С этим тоже нет трудностей – Вами созданы для детей все условия, особенно для учебы. Уже выросло целое поколение ученых, изобретателей, писателей и поэтов.

– В таком случае, возможно, они не смеют выражать свое мнение и слово их несвободно?

– Слишком свободно их слово. Они говорят все, что взбредет в голову. Простите, повелитель, но они позволяют себе шутить даже о Вас, обсуждать Ваши действия. В этом и есть опасность.

– По-твоему, они позволяют себе лишнее, забывают о своем месте?

– Да, повелитель, именно так.

– Все мы одинаковы перед Богом и равны, – снисходительная улыбка появилась на благородном лице императора. – Человек рождается свободным и никто не вправе лишать его этого божественного дара.

– Но люди не оценят Вашего великодушия. Не отблагодарят, а будут требовать еще и еще. Неужели этот народ Вам дороже, чем собственная семья и преданные друзья?

– Нет. Совсем нет. Я далек от мыслей о народе, его благополучии. Об этом уже позаботился Бог. Мое дело – бороться с соблазном отобрать то, что Богом дано людям, и передать блага своей семье и друзьям. Прежде всего, я думаю о своих детях, хочу, чтобы после моей смерти они жили в свободном мире, имели право выражать свое мнение, в том числе и о действиях другого правителя.

- Но, государь, править после тебя будут твои дети, внуки... Пока стоит свет.
- Этого никто не может знать. Рано или поздно все заканчивается. Ни один поступок не останется без внимания Бога, и мне не хотелось бы перекладывать на своих потомков ответственность за свою жестокость.
- Жестокость?..
- Именно. Во мне нет жестокости, несправедливости к гражданам нашей империи, потому что я люблю своих детей, внуков и будущих правнуков... Император снова подставил лицо теплым лучам весеннего солнца.

Полосы

День тускнел, уныло растворяясь в объятиях вечера. Темнота, подгоняемая весенним молодым ветром, наступала лениво.

Мужчина средних лет в драповой фуражке и теплой черной куртке одиноко сидел на автобусной остановке, рядом с больницей.

Глаза его не моргали, забыл, видимо.

Прошла четвертая маршрутка.

Все тот же ветер принес обертку шоколадки. Взгляд устремился вслед за летящей сверкающей бумажкой. «Ее любимый шоколад...»

Рядом сел молодой парень, тоже грустный. Ему хотелось поговорить, чувствовалось боком, даже через куртку.

– Прохладно, – начал парень.

– Да. Но в сердце иногда может быть холоднее. Даже в жару, – располагая его к беседе, ответил мужчина.

– Это верно. Меня сегодня уволили с работы и машину разбил. Чужую. Не знаю, как быть. Черная полоса началась, думаю, широкая, как полярная ночь.

– Ты молод. И у тебя есть время пройти даже такую широкую черную полосу. Верь, за ней такая же – просторная, светлая.

– Надеюсь, вы правы. Спасибо. А вот и моя маршрутка.

Красные габаритные огни слились с роем себе подобных, увозя обладателя узкой, как нить, черной полосы. Это по молодости она кажется широкой.

Мужчина обернулся на зов. Это его сестра вышла из больницы, она бежала к нему. Уже стемнело, поэтому он не увидел слез женщины.

– У меня племянник, – сквозь радостный плач сказала она, обнимая брата.

Они с женой ждали его тридцать один год.

Вот она – светлая полоса.

Порванная любовь

Конец близок, беспощадные холодные жернова готовы резать, рвать, прививать расставание и безжалостно разлучать чувства, эмоции, желания и надежды.

Она прижимала их к себе, маленькие, нежные и дрожащие слова, поднимала повыше, чтобы продлить им жизнь.

Белая бумага, письмо с признанием в любви, медленно затягивалась шредером.

Капля

«Что-то жарко сегодня...», – капелька поднялась с поверхности океана, оставив тяжелую и скучающую соль, и понеслась с веселым ветром в далекое путешествие. В стае своих сестер капелька плыла по синему небу, клубясь в безумных танцах, свысока наблюдая за растрескавшейся местами землей, обходя стороной раскаленные пески и мольбы людей.

В назначенный час, в установленном месте капелька крепко обнялась с сестричками, подчиняясь природной силе, и тяжелой каплей ринулась вниз, чтобы разбиться о страждущую землю. Снова превратившись в капельку, она ушла в землю, где ее подхватил корень яблони и понес по своим венам, чтобы наполнить ею плоды. Все лето она наслаждалась лучами солнца, теплом, разговаривала с капельками росы, которые на рассвете стучались в кожу.

Когда яблоко созрело и оказалось на столе, его взяли тонкие пальцы гитариста, чью игру румяные плоды слушали по вечерам. Капелька поняла, что станет частью человека и совсем близко познакомится с его творческой душой.

О, она была прекрасна – душа музыканта. В ней цвели яркие сады, пели волшебные птицы в васильковых венках, словно здесь райские кущи отражались в зеркале.

Но вдруг потемнело, будто затмило солнце, птицы затихли и сами прислушались. Музыкант взял в руки гитару и от его игры капельке стало тесно, она почувствовала давно забытую соль. Ее подхватило, понесло и выбросило, капля хотела уцепиться за ресницы, но сорвалась, упала на дрожащие струны и разбилась. Капельку вынесло в окно, ее притянула земля и бережно передала подземной реке.

Теперь капелька знала, зачем появилась на свет, и готова была проделать весь путь снова, чтобы оказаться в садах человека, ибо верила, что все души прекрасны.

«Мечь и закон»

Дело было... не в Пенькове, а в моем родном селе, в начале 80-х годов прошлого века.

Мой двоюродный брат, живущий через дорогу в саманном побеленном доме, стоящем в тени огромного ореха, посаженного нашим дедом перед выселением, весной уехал на заработки в Алтайский край вместе с нашими отцами, двоюродными братьями, а его молодая жена осталась дома одна со своей малолетней золовкой. И чтобы они не боялись ночью оставаться одни, к ним приехал брат нашей снохи, полугородской парень с модным именем Тимур. Почему полугородской? Потому что в то время Урус-Мартан еще не получил статуса города, хотя и «вырос» из статуса села. Его жители, несомненно, жили лучше, чем мы – у них был асфальт на центральных улицах и даже фонари, и вроде обещали скоро провести газопровод. Поэтому они смотрели на нас несколько свысока, называя «к1отархой» – хуторяне.

И наш гость Тимур не избежал чувства своего превосходства, хотя и спустился с облаков уже через пару дней...

Парень учился в девятом классе, знал песню Демиса Руссо в переводе на русский язык и еще одну на английском.

Но по-настоящему он потряс нас – меня и моего друга по кличке Толик, потому что заикался, ребят одиннадцати лет – тем, что два раза смотрел экшн-шедевр, как сегодня сказали бы – убойный блокбастер индийского производства, фильм «Мечь и Закон» с Дхармендрой и Амитабх Батчаном в главных ролях.

Мы были наслышаны о новом зубодробительном боевике, идущем с оглушительным успехом в кинотеатрах Грозного и районных центров, но понимали, что в наше село заветные железные бочонки с кинолентой доедут не скоро. И не потому, что у нас плохие дороги – причина в том, что копий фильма не хватало на все кинозалы, в числе которых немало летних дощатых кинотеатров, как наш.

– Говорят, он двухсерийный? – смотрим мы в глаза вальяжному Тимуру, разлегшемуся на алюминиево-брезентовой раскладушке в тени ореха.

– Да, билет в кассе стоит шестьдесят копеек. Но его сложно купить в давке перед окошком. Поэтому взял у спекулянта за два рубля.

– Ого! Цветной фильм?

– Конечно.

– А там прям в каратэ дерутся?

– Главные герои, Виру и Джай, владеют всеми приемами рукопашных боев. А Батчан-Джай, рассказывают, мастер спорта по тридцати трем видам спорта, включая акробатику и спортивную гимнастику, – со знанием дела рассказывает гость, откидывая с бледного лба прядь русских волос.

– Он, наверно, очень мускулистый? – спрашивает Толик.

– Нет, он высокий и жилистый. Чтобы исполнять такие трюки, человек должен быть чемпионом мира. Что они творят с бандитами? Фантастика! Джай и Виру – они же преступники, в тюрьме сидели, но инспектор Тхакур видел их в деле. Они ему на поезде в перестрелке с бандитами жизнь спасли. Благородные парни.

– А у Джая прическа «фараон»? – пытаюсь дать понять, что я в курсе некоторых деталей фильма. Мы-то с Толиком бритоголовые.

– Да, у него красивые черные волнистые волосы. И прическа «фараон». А Виру, он несколько попроще парень, Джай часто подтрунивает над ним.

– А песни красивые в фильме?

– Еще бы. Там все поют, кроме Джая и Тхакура. Особенно красивый голос у Басанти – девушки Виру. Но самые зрелищные сцены, когда они дерутся и стреляют, – глаза Тимура мутнеют, он мысленно уходит в душный кинозал, где летним днем все зрители потеют и промокают до нитки. Вентиляции нет абсолютно.

– Инспектор Тхакур ловит главаря банды Габбара и сажает его в тюрьму на двадцать лет. А тот обещает сбежать и отомстить полицейскому. Так и случилось – Габбар выбрался из заточения, пришел в дом Тхакура, когда он был на службе, и убил всю семью, включая малолетних внуков.

Тимур пересказывает фильм, не забывая воспроизводить музыкальные моменты, подчеркивая трагичность события.

– «Габбаааар», – сквозь зубы сказал инспектор, стоя над трупами своих близких, из которых в живых остались только невестка и слуга. «Тиу-тиу-тии..» Потом он вскочил на лошадь и поскакал в горы, где базировалась банда злодея. «Трыкк-ду-дук», стучат подковы по бурым скалам. Но злодеев много, а Тхакур один. Его схватили, связали, но он успел вырваться, съездить «бдыщь» по мерзкой роже Габбара.

«Тхакур, в твоих руках еще много сил. Привяжите его», – приказал главарь. Инспектора привязали за руки к двум бетонным столбам и Габбар двумя мечами отрубил ему руки по самые плечи.

– Ох! – вздрогнул мой друг. – И он умер?

– Кто?

– Тхакур...

– Почему? Ему же только руки отрубили.

– А как он кушать будет?

– Не знаю! – раздраженно отвечает Тимур. – Это же кино, оно закончится, если его убьют. А это только начало первой серии. В фильме не показывают, как он ест.

– И че дальше, Тимур? – я боюсь, что парень не захочет продолжать свое голосовое шоу.

– А дальше он находит Виру и Джая, дает им денег, оружие и просит поймать для него Габбара.

– А зачем ему этот бандит? У него же все равно рук нет, – снова встречается Толик.

– Ты дослушай и все поймешь. Тем более, что Виру и Джай не знают, что у инспектора нет рук. Он ходил в каком-то покрывале. Словом, там много событий. Банда нападает на деревню, но Виру и Джай отбивают атаку, убивают много бандитов, мочат их только так. Шум, гам, крики, плач, стрельба «бацааац виньчув»...

И сам Габбар на коне прибыл, когда у Виру и Джая кончились патроны. Виру просил Тхакура подать винтовку, но тот остался стоять неподвижно. И Виру на него сильно обиделся, он же не знал, что инспектор безрукий. Наступил тревожный момент «чин-чин-чи-чииин...»

А когда Габбар приказал Виру и Джаю встать на колени и просить пощады, Джай сделал вид, что выполняет команду бандита, наклонился, черпнул пыли с земли и бросил в глаза главарю банды. Виру быстро сориентировался, отобрал ружье у рядом стоящего бандита и начал стрелять. Бандиты еле ноги унесли. Тогда Тхакур и рассказал, как Габбар отрубил ему руки. Парням стало его жалко, и они сказали, что не возьмут денег за борьбу с бандитами.

Вот такие дела.

– А дальше, Тимур? – в один голос спрашиваем мы.

– Продолжение будет позже. А сейчас я притомился немного. Приходите вечером, я чуть посплю. Честно говоря, в вашем хуторе хорошо спится, тихо здесь.

Мы ушли. Это было жестоко – оборвать рассказ на самом интересном.

Но ничего не попишешь.

С трудом дождавшись вечера, заранее нарвав травы для коровы Дебы, мы с Толиком оказались в импровизированном кинозале, чтобы досмотреть «спектакль одного актера».

Тимур, к нашей радости, не заставил себя упрашивать, тем более мы принесли ему пару больших сладких корней лопуха.

– Виру и Джай доставили банде Габбара немало хлопот, – продолжил Тимур, смачно отгрызая корень. – При этом Виру ухлестывал за местной красавицей Басанти, а Джаю понравилась вдова – невестка Тхакура.

– Как это? Он живет в доме Тхакура и еще смотрит на их женщин? – удивляется Толик. Мне тоже интересно.

– Ну, это же не нохчи, а индусы, у них это нормально. Наверно.., – задумывается Тимур, видя, что мы несколько разочарованы в герое фильма. – Да, и Тхакур не возражал, понимая, что молодая женщина заслуживает счастья. Так вот. Бандиты как-то похитили девушку Виру...

– Басанти? – уточняет Толик.

– Ну, конечно, у него же одна девушка, он же не нохчи. Увезли ее в горы...

– Наверно, Габбар хотел на ней жениться. Назло Виру, – предполагаю я.

– Вот ты – кЮтархо! – раздосадовано качает головой рассказчик. – Ее похитили, но не послали стариков-сватов, потому что хотели заманить Виру и убить его. Тот не заставил себя ждать. Сел на коня и поскакал в логово Габбара, даже не предупредив Джая. Он, конечно, успел замочить несколько бандитов, но его быстро спустили и привязали к тем самым бетонным столбам.

– Отрубили руки?! – округлил глаза Толик.

– Нет. Не успели. Габбар заставил Басанти танцевать и сказал, что Виру будет жить, пока ее ножки двигаются. Как только девушка остановится, прозвучит выстрел, и ее возлюбленный распрощается с жизнью.

И Басанти начала петь и танцевать «хази ха, мели сампьяя». Она танцевала долго, но бандитам это надоело и они разбили под ее ногами стеклянные бутылки. А Басанти танцевала на осколках, и ноги все были в крови. Под конец она упала к ногам Виру.

– Вот если бы она танцевала наш танец, то не устала бы, – предполагаю я.

– Наверно, но индийские танцы они быстрые и энергичные.

Но тут прозвучал выстрел, и бандит по имени Самбо, целившийся в Виру, мертвый упал со скалы. Это красавчик Джай в светлом джинсовом костюме пришел на помощь. Он взял на мушку Габбара и приказал всем бросить оружие. Те подчинились.

– Я так и знал! – воскликнул Толик.

– Джай стоял на скале, а вся банда находилась внизу, в ущелье, все понимали, что любое их движение станет последним – тот не промахнется.

Джай двумя выстрелами перерезал веревки на руках Виру и освободил его. Тот поднял Басанти, взял винтовку, патроны, пару коней и ушел от бандитов. Джай прикрывал. Но погоня началась. Герои проехали мост, заняли оброну и начали отстреливать бандитов, как куропаток.

– А люди Габбара открыто шли на них? – спрашиваю я.

– Представь! Открыто, не боясь пуль.

– Они тоже смелые?

– Нет, они боятся своего главаря, поэтому идут.

– Они боятся Габбара больше смерти? – не мог я понять.

– Не знаю, – отмахивается Тимур. – Но вскоре у Виру и Джая закончились патроны, и Джай уговорил друга увести Басанти в деревню и вернуться с патронами. Вернее, они бросили монету – и Джай выиграл. Виру согласился уйти, а Джая бандиты убили.

– Как?! – в один голос вскрикнули мы. Казалось, что погиб сам Батчан и больше фильмов с его участием не будет. Такие крутые парни не должны умирать, жалко ведь...

– Да, красавчик Джай геройски покинул этот бранный мир, полный жестокости и несправедливости. Полагаю, его потом сожгли.

– Люди Габбара? – Толик удивлен.

– Нет. Виру и Тхакур.

– Как? Зачем?

– Ну, у индусов так принято. Они своих умерших сжигают на костре.

– Зачем? – не понимаем мы.

– Их много, индусов. А земли мало, вот и сжигают трупы. Слушайте дальше.

Виру вернулся с патронами, Джай еще был жив. Такая трогательная сцена. Виру плакал и просил друга не умирать. Но тот все равно умер. А в его руке была монета с орлом на обеих сторонах. Виру поклялся кровью Джая, что отомстит Габбару. Сел на коня и поскакал в логово бандита. Перестрелял там всех подручных Габбара и вышел с ним один на один. Виру избивал бандюгана как мешок с соломой, бил по морде кулаками, ногами в живот «дап-дип» и голову «кумс-кумс». И почти задушил его, когда появился Тхакур и попросил Виру оставить Габбара ему. Виру душил убийцу своего друга, хотя самому Габбару идея Тхакура нравилась.

«Джай бы сдержал свое слово», – сказал Тхакур. Тогда Виру отступил, сказав, что слово Джая для него священно.

– погоди, Тимур. У инспектора нет рук. Как он собираете справиться с Габбаром? Это уже не кино, а сказка, получается, – говорю я.

– Все индийские фильмы – сказки, – отвечает Тимур. – Но «Месть и закон» – исключение. Оказывается, Тхакур умел драться одними ногами, и специальную обувь надел с железными шипами на подошве.

«Чин-чин чи-чиин...»

Когда Виру ушел, Габбар усмехнулся и говорит: «Тхакур, как ты собираешься со мной бороться, если я отдал твои руки псам на съедение?» И услышал в ответ: «Чтобы уничтожить гадину, не нужны руки – достаточно раздавить ее ногами!» И ка-а-ак прыгнул со скалы, и как ударил Габбара ногами по лицу, что тот покатился, как мяч.

– Так он тоже гимнаст? – спрашивает Толик.

– Конечно! Он много лет тренировался, качал ноги.

– А на «шпагат» садился? Тхакур мог поднять ногу выше головы?

– Запросто. И на «шнурок» мог садиться, и с разворота бить. Он вообще орудовал ногами, как Джай кулаками. Тхакур раздавил кисть Габбара до крови, раздробил кости своими шипованными ботинками. И все время повторял: «Ты не сломил меня, Габбар! Ты не сломил меня!» Но Габбар тоже пару раз ударил Тхакура, хотя это ему не помогло. Инспектор ударил его головой пару раз в бровь, и бандит размяк и упал. И Тхакур уже готов был раздробить голову злодея, но тут появилась индийская милиция и уговорила Тхакура не убивать Габбара, передать его в руки правосудия. Так и закончилось кино.

– А что с Виру стало? Думаешь, будет продолжение фильма? – с надеждой спрашиваю я, словно Тимур – продюсер фильма.

– Виру уехал со своей Басанти. А продолжение вполне возможно, что снимут. Вечерело. Сверчки включили свой хор.

Мы с другом ушли радостные, будто посмотрели фильм на побеленном брезентовом экране, и счастливые, что добро победило зло.

На перекрестке Толик задержался, помялся немного и сказал:

– Знаешь, тот... твой любимый перочинный ножик, это я его «стянул» у тебя. Прости, я завтра верну.
– Я догадывался. Но не бери в голову, оставь себе. Дарю.
Из нашего летнего кинозала, расположенного в центре села, слышалась фирменная музыка тележурнала «Фитиль».

Чертовщина (На ночь не читать!)

Беззвездная ночь застала его в чистом поле, на проселочной дороге. Машина заглохла и отказывалась заводиться, брыкаясь, как упрямый ослик.

Довольно неприятно оказаться в одиночестве, когда недалеко шакалы воют детским плачем, а прохлада обустроивается в нитях твоей одежды. Дневные шумы уснули, а ночные шорохи проснулись, среди них филин проводит перекличку.

Он снова поворачивает ключ в замке зажигания, двигатель только дергается и пыхтит.

«Говорили мне не брать старую иномарку...»

Телефон садится, зарядного устройства нет, может хватить на один звонок. Надо найти номер эвакуатора, он должен быть на страховом полисе.

Но найти бумаги в бардачке так и не удалось.

«Черт бы вас побрал!» – хлопнул он крышкой в сердцах, вспомнив, как два дня назад его оштрафовали за отсутствие страховки.

– Здрасьте. Опять я виноват? – послышался писклявый и холодящий спину голос.

Мужчина обернулся и к своему ужасу увидел два светящихся в темноте синих глаза. Он быстро закрыл дверь и поднял стекло, читая молитвы... как он думал.

– Да, ты не бойся, я не обижу. Хотел показать, где лежат твои страховые документы с номером эвакуатора.

Тот в ответ только шептал бессвязные слова, так же быстро, как и сжималось и разжималось сердце.

– Помнишь, неделю назад ты менял масло в своем ДВС? А заодно и салонный фильтр?

Он кивнул.

– Так вот, нерадивый механик вывернул бардачок, поменял салонный фильтр и вставил на место с твоей страховкой. Она за стенкой твоего бардачка. Посмотри.

Водитель полез, куда ему указали, и нашел бумаги.

– Откуда ты узнал?

– Так я стоял рядом с тем механиком и подсказывал ему, а потом на посту...

– Зачем мне сейчас помогаешь?

– Хочу, чтобы ты эвакуатор вызвал. Но он не доедет.

– Почему?

– Колесо на полдороге спустится...

– Ты и на вулканизации побывал?

– Не, они и без меня справляются. Ребята хорошие, но материал с востока...

– Ты и там успеваешь, на востоке?

– Нет. Там мой брат служит. Сейчас он, правда, отпуск взял, перетрутился, бедняга. 20-й год выдался тяжелым – у него много сил ушло на создание нового вируса. Мышь какая-то несознательная пошла.

– У меня телефон садится, – говорит мужчина.

– Не сядет, звони.

Он звонит, а там девушка приятным голосом отвечает:

– Спасибо, что позвонили, у нас есть для вас уникальное предложение.

– Это эвакуаторщик?

– Нет, офис банка Трескпфайзер. У нас даже есть группа в Вотсапп. Не хотите вложить деньги на депозит под 700% годовых?

Мужчина посмотрел на улыбающегося Рогатого – «твоя сестра?!» Тот довольно кивает.

– Нет, спасибо. Мне бы эвакуатор, домой хочется.

– Ясно. А не хотите свою машину на металлолом сдать? Сегодня выгодный курс – 18 рублей за килограмм.

– И вы пришлете эвакуатор?

– Конечно.

– Ладно, присылайте. От этой колымаги все равно толку нет.

Тут же вдалеке показались две светящиеся фары. С громким тарыхтением подъехал трактор «Беларусь».

«Надеюсь, за рулем не «батька», – мелькнула мысль и скрылась в ночи.

– Чего стоишь? – перекричал тракторист.

– Эвакуатор жду?

– Ты бы еще трамвай здесь ждал, – рассмеялся мужик. – Цепляй, дотащу тебя до деревни. Не стоит ночью оставаться у «Чертовой лощины».

Путник переночевал у тракториста, а утром, как ни в чем не бывало, завел машину и уехал домой.

Страховка, правда, снова исчезла.

Заблуждение

Заблудиться ночью в лесу не так страшно, как увидеть несколько пар горящих в темноте глаз.

Гравитация усилилась, ноги прилипли к земле, словно кто-то включил магниты в подошвах ботинок. Что-то тяжелое давит на плечо, медленно поднимаю руку и щупаю, что это. Ремень! Ремень пятизарядного автоматического ружья, 12-го калибра. Слышу шорох сзади, понимаю, что зверей больше, чем патронов в оружии. Решаю, что лучше: отстреливаться и бежать к дереву или с криком наступать на светящиеся глаза? Деревья здесь гладкие, без сучков, вряд ли удастся на них взобраться, остается только идти вперед, надеясь, что со спины не нападут.

– Сверчками любишься? – слышу голос жены за спиной. – Я-то думаю: что он такой непроглядной ночью в саду делает? Ветку-то зачем плечом подпираешь?

«Фантазия становится автономной. Пора бросать писательскую деятельность», – думаю.

Рубец

Женщина прикатила тележку, встала рядом с импровизированной «биржей», где валютчики меняли доллары США на рубли и наоборот. Она робко объявила, что продает горячий хингал – пироги со сладкой тыквой.

Это было в центре Урус-мартана в 1995 году, ранней весной. Население города увеличилось в пять раз из-за беженцев из Грозного и его пригорода.

Торговля у женщины пошла довольно бойко, валютчики покупали хингал, скорее, чтобы помочь ей, хотя и ели с удовольствием.

В какой-то момент женщина сунула руку в карман за деньгами, чтобы дать сдачу, и там их не оказалось. Она растерянно сказала: «У меня украли деньги...». Воцарилась тишина. Все понимали, что женщина беженка, наверняка у нее куча малых детей, которых она пыталась накормить, возможно, дом ее разрушен, не дай Аллах, муж погиб. С этой женщиной все перечисленное могло случиться. Вид у нее был такой... Она опустила руки, вздохнула и всех поразило выражение ее лица – она простила карманника! Искренне! «Наверно, кому-то они были нужнее», – обреченно вымолвила она, выдавая все свое терпение: как молча, без тени нытья строила и тянула дом, тащила семью, родственников мужа, стряпала из «ничего» завтрак, обед, ужин, выдержала скитания по чужим углам, прикрывала своим телом детей от оглушительного грохота войны... Смирится и с этим, хотя мука, масло и тыква были взяты в долг, и дети не поели досыта перед ее выходом. Она возьмет еще, напечет, продаст. Даже если украдут снова, ни она, ни ее дети подавания просить не будут.

Деньги ей вернули буквально через несколько минут. Валютчики быстро вычислили «гастролера», набили ему морду и забрали кровные.

Но очередной шрам на испещренном сердце женщины дополнил узор из рубцов.

Увядające слова

«...Я скажу тебе в последний раз свои слова, скажу, перед тем как они умрут во мне, осознав и приняв свою бессмысленность. Они тихо уйдут и больше не превратятся в звук, и близко не подойдут трепетным дыханием к моим связкам.

Слова будут похоронены в безымянной могиле в самом отдаленном уголке моей души, и я потушу там свет, чтобы стало темно, чтобы я не нашел к ним дорогу, хотя понимаю, что нашел бы и с закрытыми глазами, на ощупь, по запаху цветов, морской волны и ночи – спутниками моих постоянных мыслей о тебе.

Это их последнее желание, моих слов, оставивших чувства безмолвными, показать себя тебе. Да, именно показать тебе те самые слова, полные счастья, радости и света, показать перед тем, как они зачахнут, превратятся в тлен и рассыпятся, как опоры моих жизненных сил и надежд.

Мои слова в последний раз постучатся в твое сердце прощальным стоном, без мольбы открыты, впустить и спасти от бездны разверзшейся земли.

Какие слова?

Ты была моим рассветом, отдаляющим закат, моим воздухом... Надеюсь, ты будешь счастлива».

*Критика и литературоведение***Дженни Катышева,**

доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, писатель, художественный критик, педагог, режиссер-постановщик. Санкт-Петербург

**Творение стихов в прозе
Исы Закриева**

Стихи в прозе – своеобразная литературная форма. Само понятие «стих» уже предполагает образ лирического героя, проживающего свои впечатления от встреч, событий, осмысляющего свои личные переживания, как это происходит в лирико-поэтических текстах, где в воссоединении с прозой автором выражено стремление к словесной

выразительности, к воплощению того, что он видел и пережил, увлеченный полетом фантазии («над вымыслом слезами обольюсь» – А. Пушкин). Краткость стихов в прозе обусловлена особыми минутами в жизни, когда случается то, что вызывает удивление либо захватывает душу и сердце автора. Прозаическое – бытийное, индивидуальное, субъективное происходящее. Поэтическое обычно обращено к сфере духовной, без временных границ – там, где вечное, общечеловеческое.

Образ автора передает читателю впечатляющие минуты жизни, пропускаемые через внутренний мир, душу и сердце. Эта сфера лирико-поэтическая, имеющая свои ритмоформы. Не всегда это рифмованные строчки, свободный или белый стих. Есть свой ритм у прозы, тем более одухотворенный и осердеченный. И в этом плане у стихов в прозе есть свои генетические основы. Они восходят к эпохе французского романтизма с его интересом к «внутреннему человеку», его своеобразию. И здесь возникает целая плеяда писателей-романтиков середины XIX века, включая Бодлера и тех же символистов (Малларме, Рембо и др). В России свой уникальный вклад в это направление внес И. С. Тургенев.

Исой Закриевым написано много коротких рассказов, где замечательно отражены темы войны, быта, взаимоотношений простых людей – то, что заметил зоркий глаз писателя, а именно особенности национального характера: цельность, доброту, чувство родины, собственного достоинства. Но как среди звездного неба выделяются яркие созвездия, имеющие свои особенности и имена, так и среди коротких рассказов писателя возникают те самые, подобно созвездиям, лаконично, словесно, образно выраженные удивительные мгновения личных переживаний автора, особенно близкие его сердцу люди и события. На этом пути рождаются его стихотворения в прозе.

Лиризм – коренная черта поэзии. А еще она содержит универсальный принцип параллелизма, когда соотносятся параллельно отдаленные явления. Но в сближении, сопоставлении они создают либо метафору («Нева металась,

как больной в своей постеле бестолковой». А. Пушкин), либо по-своему шифруют потаенный смысл. Таково стихотворение в прозе Исы Закриева «Прощальное письмо». Фактически это последнее слово приговоренного к казни, его прощание с близким человеком. Он пишет своей возлюбленной о том, что у него другие чувства к ней – уважение как к одной из лучших людей, и что она встретит достойного спутника в жизни, а он встретил другую, с которой свяжет свою жизнь. Закончив письмо, он просит доставить его по адресу. Ему обещают: «Слово офицера», «Я ценю мужество. Становись». «Хорошо. Я готов». «Товсь! Цельс! Пли!» Какой же потаенный смысл читается в этом тексте? Прежде всего, стремление героя ослабить страдание от потери близкого человека той, которую он по-настоящему любит. По крайней мере, и такой смысл можно прочесть в этом послании. Хотя им не исчерпываются целые ряды ассоциаций, так как смысловые ресурсы в поэтической словесности неисчерпаемы.

Но вот в аналогичной ситуации другое послание, исполненное высокой искренней любовью в стихотворении в прозе Исы Закриева «Увядающие слова», когда герой находит «по запаху цветов, морской волны и ночи – спутниками моих постоянных мыслей о тебе...» какие слова? «Ты была моим рассветом, отдаляющим закат, моим воздухом... Надеюсь, ты будешь счастлива». Этот текст обретает свой ритм, близкий к верлибру.

А в стихотворении в прозе «Чувства спозаранку» автор запечатлевает сам процесс создания поэтического любовного послания, когда влюбленный поэт-автор представляет, как наяву, свою белокурую красавицу, «волосы, как стая залетных лебедей, плыли на ветру, а зеленые глаза блестели, как гладь горного озера...». Так рождается метафорический образ, многомерный и многозначный, что отличает истинную поэзию.

Одна из коренных традиций родины, которую представляет Иса Закриев, – культ многодетной семьи, взаимная любовь родителей и детей, почитание старших с ранних лет, подражание им, чтобы продолжить эту вековую связь поколений, где, естественно, конфликт между ними не предполагается, просто исключен. И этому отношению маленькой дочери к матери Иса Закриев посвящает пронизанное истинным лиризмом стихотворение в прозе «Лучший подарок» – любовь как образное выражение народной семейной традиции.

Девочка 4-х лет уже понимает, как мать накрывает на стол семье – отцу, детям, заботится о красоте всех деталей подаваемой еды на столе – с любовью и радостью. Так дочка «трудится над своим произведением, более чем тщательно подбирая цвета, аккуратно подгоняя каждый ингредиент, чтобы форма была красивая и аппетитная...». И все это она собирает из своих игрушек, полна любви и вдохновения: «...улыбка не сходила с ее лица, глаза горели в предвкушении счастливых минут встречи и похвал в свой адрес». И девочка от пришедшей с работы мамы получает их с взаимной любовью: «Моя умница, мастерица! Как красиво, наверно, было вкусно! Люблю тебя, моя доченька!» Это был всего лишь торт из лего-игрушек – творение четырехлетней дочери.

Или «Шельмец», небольшая история о «наглom осеннем ветерке». Когда ветер, устав сбрасывать с деревьев осенние листья, встречает молодую красивую девушку, вступает с ней в лукавую любовную игру. Облюбовав ее волосы, «которые стекали по плечам золотым водопадом. Он подошел к ней, обнял без слов, чувствуя упругость под ее плащом и горячее дыхание...». И далее идет

поэтическое преобразование отношений ветра и девушки во встречу, где один признается в своем чувстве, а она, хотя и взволнованна, старается, естественно, не позволять смелых жестов: «А он обнимал ее, закидывал волосы за спину, пока та не застегнула плащ». Автор наглядно воплощает тот универсальный принцип поэзии – параллелизм – сопоставление двух стихий: природной – с ее стремлением к созиданию и человеческой – с ее потребностью в любви.

Подобный мотив в творчестве Исы Закриева почти сквозной. Любое природное явление может вступить в диалог – сопоставление с человеческими чувствами, надеждами на будущее. Таков и утренний луч солнца («Пробуждение»), едвапробивающийсясквозь снежную корку, какпредчувствие долгожданного тепла, весны. А от него – планы на будущее, предчувствия новых трудовых будней. Это и тепло рук влюбленных. Появление первого подснежника, чтобы «украсить склон, на котором много лет существовали его предки...». Параллели природных сил и человеческих чувств, надежд на светлое и дорогое – это образ отводит читателя к традициям жизни народа, его культуры, тех традиционных ценностей, которые почитаются каждым новым поколением. Это, прежде всего, тесная связь с природой, понимание ее силы, ее важной роли в судьбе каждого. А потому бережное к ней отношение как к важнейшему в жизни человека и его судьбе. И отношение к ней знаменует преемственность от поколения к поколению, как преемственность отношений отцов и детей, где отец – первый человек после Всевышнего. И это дает прямое основание многодетным семьям для тех духовно-нравственных ценностей, которые актуальны в наши дни.

Поэтическая природа небольших рассказов – лирических высказываний Исы Закриева, обуславливает их смысловую многозначность. Именно тогда ясно выражается универсальный принцип поэзии – параллелизм, который высекает новый третий смысл, воплощенный в художественный образ – метафору. У Исы Закриева природное начало, сопоставляясь с человеческим, рождает метафорическое воплощение поэтического по своей природе небольшого прозаического высказывания. У него мысли и чувства не только читаются в прямом высказывании, но содержат еще и второй, не менее важный философский смысл, так и глубины внутреннего эмоционального мира лирического героя.

«И бесстрашный и искушенный мыслитель, ученый, общественный деятель питается плодоносными токами лирической стихии – поэзии всех веков и народов. И сладкий бич ритмов торопит всякий труд и под звуки песен колосятся нивы», – так определил А. Блок место лирики в человеческой жизни. Многие поэты, ученые и философы (Гегель, Аристотель) находили в лирике специфическое – самовыражение человеческой личности и ее духовных интересов, вообще все, что «бушует в человеческих страстях и чувствах или спокойно проходит перед созерцающим взором».

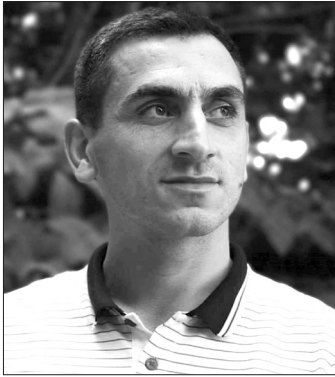
Метафоризм в лирическом изложении Исы Закриева воплощает уникальные стихи в прозе, совмещающие национальное и общечеловеческое. Тем он и самобытен, неповторим.

Апрель 2024 г.

Голоса друзей

Рашад Махмудоглы

Азербайджан

Рашад Махмудоглы Махмудов родился 23 декабря 1989 года в Азербайджане, в рабочей семье. Пришел в литературу со своими стихами, когда ему было всего 13 лет. В 2017 году окончил филологический факультет (отделение литературы на азербайджанском языке) АГПУ. В 2015 году был принят в члены Союза писателей Азербайджана. Является автором 3 книг: повесть «Неправильный адрес», а также два сборника стихов и рассказов – «Слово нуждалось в божественной силе» и «Мир был миром условий». Публикуется в различных государственных и частных изданиях в Азербайджане (журнал «Звезда», газеты «Кредо», «Литература») и Турции. У себя на родине удостоен многих литературных наград. В 2023 году поступил в магистратуру ЧГПУ в городе Грозном, где получает дополнительное высшее образование.

Раздумья

Не зря твердит седая мудрость нам:
 Что утекло –
 не вернется снова.
 Вернуться можно к милым берегам,
 Но невозможно в сень шагнуть
 былого...

Я часто ворошу тайком
 Воспоминанья прежних дней.

Мои года, как журавли,
 Вот так же тают в вышине...
 Будь милосердна –
 от земли
 Дай воспарить с тобою мне.

Полет

Как клин усталых журавлей,
 Воспоминания летят.
 Среди ветвей, среди теней
 Бушует нынче листопад.

Я обернусь, махну рукой –
 Но пустота слепит глаза.
 И снова нет тебя со мной,
 И в горле ком сглотнуть нельзя.

И снова ночь заходит в дом,
 Та, что зрачков моих черней.

Опустошенный

Опоздал я, похоже, на поезд любви...
 Рельсы песню разлуки затянут без
 слов.
 Проводник по вагону ключами гремит,
 Но закрыты перроны на ржавый засов.

Растревоженным морем мечусь под
 луной –
 Где мои берега,
 где причалы мои?..

Ни морская трава и ни птицы крыло
 Не удержат меня над пучиной тоски.

Каюсь в прошлых грехах,
 сто зарок даю,
 Мир, как пьяный,
 плывет перед взглядом моим.
 Наступает пустыня на душу мою,
 И бреду по пескам я,
 безлюдьем томим...

Отец

Постарел мой отец,
 словно дуб вековой,
 С поредевшей заснеженной кроной,
 Расплавившись со всей
 круговертью земной
 Своим чадом единственным –
 мною.

Ничего, что года,
 жар в глазах притушив,
 Ладный стан твой согнули дугою.
 Он теперь, как одна
 из далеких вершин,
 Как маяк в вышине надо мною.

Принимал он от жизни
 и сладость, и яд,
 Добродетель не пачкал злословьем.
 Он стоит у последней черты бытия –
 Бог в лицо ему смотрит с любовью...

Я приду

Поле битвы нам любовь...
 Одолею путь любой,
 Скалы, что стоят стеной,
 Родником пробив –
 приду.

Сердце гнет в дугу тоска,
 Льются слезы, как река,
 По ресницам, по щекам...
 Слезы осушив –
 приду.

Меж влюбленных я герой,
 Я готов за правду в бой.
 Стану я твоей весной,
 Зиму одолев –
 приду.

Память

Где когда-то я был,
 где скитаюсь сейчас?..
 Снова горный наш край
 вспоминается мне.
 Выкипает казан моих дней, клокоча.
 Снова тесный наш двор
 вспоминается мне.

Где теперь эти горы, равнины, леса?
 Сердцем я в одиноком пути изнемог.
 Снова милая девушка вскинет глаза,
 Засмеется плутовка, сплетая венки.

Вновь слезами кровавыми
 плачет душа,
 И надежда не светит уже впереди.
 И опять мне на память явиться спешат
 Все, кого позабыл я на долгом пути.

Для кого-то сей мир –
 полный роз гюлистан*,
 Для кого-то – пустыня,
 покрытая льдом.
 Приходящий в сей мир
 душу хочет познать,
 Уходящий ее отпускает с трудом.

Рвется косноязычный
 в шаирав** ряды,
 Безобразный твердит о своей красоте.
 Между жизнью и смертью
 нет нынче черты,
 Все слилось и смешалось
 в людской суете.

Покупатель в обмане винит продавца,
 Продавец в покупателях
 видит врагов...
 Этот стих удался?
 Или не удался?
 Что ж, друзья, к вашей критике
 автор готов...

В смятении

Кто прошел страданий мимо,
 Не поймет чужих сердец.
 Смерть принять из рук любимой –
 Безболезненный конец.

Можно в край вернуться отчий,
 А вот в юность –
 никогда...
 Старый жернов круг окончил,
 Протекла под ним вода.

Вновь смотрю я на дорогу,
 Слышу дальний волчий вой.
 От порога ли?..
 К порогу?..
 В чувствах полный разницей...

Девушке

Этот город огромный развел
 нас с тобой,
 От тоски надломилась, ослабла душа.
 В дальней дали люблюсь
 твоей красотой,
 Ну когда же навстречу
 мне сделаешь шаг?
 Зря твердил я про клад,
 что в душе берегу,
 Думал я, ты сумеешь
 страдальцу помочь:

Первоцветом весенним
 пробьешься в снегу,
 Долгожданной зарей
 озаришь мою ночь.

Знаю я, не ко всем
 благосклонна любовь,
 Кто-то чахнет в разлуке,
 пьет горечь и стыд.
 Ну а кто-то сладчайший
 с ветвей ее плод
 Раз за разом вкушает, не зная обид.

Через улицы, крыши к любимой своей
 Я готов пробиваться хоть тысячу лет.
 За вопросом вопрос шлешь
 мне, как голубей,
 Но ответов не знает бедняга-поэт...

Стамбульские ночи

Здесь расстался я с тоской,
 Чтобы стать самим собой.
 Пронеслись, как миг, как сон
 Эти ночи над Стамбулом.

Я у памяти в руках
 Утону в своих мечтах –
 В этих днях и вечерах,
 В этой ночи над Стамбулом.

Вновь азан плывет во мгле,
 Словно Божий вздох к земле.
 Рдеют розы на челе
 Этой ночи над Стамбулом.

Я пришел тебя познать,
 Чтоб гореть, творить, мечтать....
 И парит душа опять
 В этой ночи над Стамбулом...

Что поделаться...

Я явился на свет в мне
положенный срок
У подножия гор, на скрещенье дорог.
Жизнь трясла меня в сите,
как желтый песок.
Вам хочу рассказать я,
что стало со мной.
У других видел братьев,
сестер и друзей,
Но один я встречал
сотни дней и ночей.
Я признание отправил л
любимой своей,
Но с насмешкой она говорила со мной.

Даже вольная птица свивает гнездо,
Даже камень в реке ищет прочное дно.
И возводит беспечный
бродяга свой дом...
Как хочу я порвать
с одинокой судьбой!
И весной увядают порою цветы,
Беспощадная смерть
смотрит из темноты.
Что поделаться, коль дни мои
были пусты –
Остается смириться
с жестокой судьбой...

Да будет так

– Эй вы, горы!.. – в небо кричу.
Встать бы с вами плечом к плечу.
Сдует ветер с отрогов вмиг
Первый снег на висках моих.

Вдаль рекой протеку, прольюсь,
Лето встречу, зиме удивлюсь.
Серой розой горный туман
Я на грудь себе приколю.

Лес, как друг, шелестит мне в лад,
Как сестра, смотрит вслед скала.
Склоны рук моих, пик головы
Заслонят этот мир от зла.

Перевод Алины Талыбовой

* Гюлистан (азерб.) – цветник, райский сад.

** Шаир (азерб.) – поэт

Дебют

Хеда Муханова

Хеда Жамуловна Муханова родилась 12 марта 1988 года в семье, принадлежавшей к советской чеченской интеллигенции: оба родителя окончили Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого – отец по специальности является экономистом, а мама – учителем русского языка и литературы.

По окончании вуза родители переехали в Казахстан, где родилась и выросла Хеда, окончила среднеобразовательную и музыкальную школы, участвовала в различных конкурсах и соревнованиях.

В 2009 году она окончила экономический факультет Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, по специальности «Финансы». В 2017 году – ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова», получила диплом магистра по направлению «Экономика», а в 2021 году – ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». В этом же году защитила кандидатскую диссертацию, став кандидатом экономических наук.

Научная деятельность не помешала Хеде заниматься творчеством, тяга к которому возникла еще с юных лет, когда отец, заметив эту увлеченность, предложил ей попробовать свои силы в стихотворчестве. Кстати, несмотря на «нетворческую» профессию, отец Хеды также любит читать прозу, поэзию, активно интересуется литературными новинками.

В поэзии, классической и современной, есть имена, которые занимают в списке ее предпочтений первые места (возможно, что они же могли оказать значительное влияние и на ее первые шаги в творчестве): М.Ю. Лермонтов, Э.А. Асадов, А. Ахматова. «Каждый день я нахожу вокруг себя новые источники вдохновения. Для меня творчество – это выражение моих мыслей и чувств, моих хороших и плохих дней. Я пишу о том, что мне интересно, о том, что затрагивает сердца», – так Хеда характеризует свое увлечение поэзией. И в этом нетрудно убедиться, знакомясь с ее лирическими произведениями, в которых нашли отражение наблюдения, размышления и переосмысленные переживания поэтессы – как личного, так и более обобщенного, философского характера.

Когда в душе теснится грусть...

Когда в душе теснится грусть,
И сердцу не найти покоя,
Ты в мироздании ищешь суть
И ищешь в нем себе героя.

Ты видишь замкнутую цепь,
Что разорвать, увы, не в силах.

Мрак поглотил ночную степь,
И снова руки все в чернилах.

Как побороть немую грусть,
Что бьет в груди, печаль смакуя,
Вступая на суровый путь,
Тревогу и тоску даруя?

С молитвой к Богу обратись –
Ищи во всем Его ответы.

О самом главном с Ним делись,
И грусть рассеется с рассветом.

Я не скажу тебе ни слова,
Я лучше снова промолчу.
Пусть будет больно и досадно,
Но эту боль я проглочу.

Я позабыть, не вспоминать пытаюсь –
ни имени, ни цвета твоих глаз...
Но перед Богом за тебя покаюсь,
Простив потоки твоих лживых фраз.

С тобой сильнее лишь, мудрее стала,
И только сердце все еще болит –
От яда сладкого, что навсегда впитала.
Мой взгляд тобою больше не горит.

Мне б улететь в неведомые страны,
Где никогда ты прежде не ходил.
Там кровоточащие залечить
бы раны –
Чтоб позабыть того, кто не любил.

Укрой меня, мама

Укрой меня, мама, от вьюг и метелей,
Как в детстве, укрой
и тихонько пропой –
Что годы так быстро,
как миг, пролетели.
Укрой меня, мама,
будь рядом со мной!

Твой голос душевную
песней прольется.
И радость, и боль
ты поделишь со мной.
Как прежде, мне сердце
твое отзовется –
Залечит все раны, подарит покой.

Счастье

...Тихо в двери постучало.
Неужели! Вот оно!
Я давно тебя искала!
Долгожданное! Мое!

«Проходи, располагайся.
И прошу – не уходи.
Навсегда здесь оставайся,
Будь со мною на пути».

Мы так ждем порою счастье,
Что вот так к нам в дом придет.
И укроет от ненастья,
В жизни радость принесет.

Только мы не понимаем.
Может, не осознаем,
Что вокруг себя мы сами
Свое счастье создаем!

Не печалься

Не печалься. Все проходит.
Улетает все с годами.
И лишь только временами
Память сердце нам тревожит.

Не печалься, так бывает.
Жизнь любимых забирает,
Сердце вывернув наружу,
С легкой дрожью тронув душу.

Ищем мы в потемках счастье
И надеемся на лето.
А оно от нас в ненастье,
Тихо молча бродит где-то.

Не печалься, друг, не надо.
Помни, все на дне сокрыто.
Ждет тебя твоя награда,
Где казалось все закрыто.

А я пойду, тихонечко поплачу.
И поиграю струнами души.
Ведь нужно так, никак нельзя иначе.
Как можно жить без слез,
ты мне скажи?

Я не скуплюсь на слезы – я живая.
Есть слезы счастья, есть и от любви...
Могу быть проще – но, увы, другая.
В слезах вся боль –
та, что течет в крови.

Глушу слезами грусть, тоску, потерю.
От зла, иль доброты слезу пущу...
Наивная, конечно, слепо верю,
Что вместе с ними боль я отпускаю.

Je t'aime

“Je t'aime” сказал тебе
я на французском,
А ты ответила мне словом “нет”.
А я смотрел в глаза с улыбкой грустной
И ждал, что улыбнешься мне в ответ.

Осенний вальс играл свои аккорды,
С любовью ветер листья обнимал.
И ты ушла легко, походкой гордой.
А горький мед мне сердце обжигал.

За горизонтом тень твоя укрылась.
Вокруг брела ночная тишина.
Желал тебе, чтоб ты всего добилась,
И жизнь свою в любви ты прожила.

Мои ж слова останутся навеки
Лишь каплей пара в воздухе ночном.
Там где-то в океан впадают реки,
И где-то там ты вспомнишь о былом.

Бывает так, что тех, кого мы любим,
Тем не нужны признания наших душ.

Себя напрасно мучаем и губим,
Бросая с болью фразы громко в глушь.

Свирепый октябрь

Озябшие листья дрожат на ветру,
Береза от холода стонет.
И я ей помочь уж ничем не могу,
Укрыться в осеннем сезоне.

Деревья склонились
под тяжестью туч,
Дожди проливные пролили.
А ветер ненастный настолько могуч,
Что листья дороги покрыли.

Грачи улетели, прощаясь, на юг.
Октябрь свирепо бушует.
И день все короче сужается в круг,
Без повода сердце волнуется.

Удача

Летела по синему небу удача.
Вальяжно летела, была хороша.
В кармане держала
счастливчику сдачу,
А я на прогулке бродил не спеша.

Заметив удачу, за ней устремился,
А ветер осенний кружил все листву.
И солнечный луч за удачей струился,
И небо дарило свою синеву.

– Прошу, Госпожа,
поделись и со мною,
Кусочек везенья мне к дому подбрось.
Всю жизнь, Госпожа,
я бежал за тобою,
Чтоб все в моей жизни
удачно срослось.

Удача спустилась на землю красиво
 И так грациозно ко мне подошла.
 – Желаю, мой друг,
 быть чуток терпеливым,
 Чтоб жизнь плодотворно
 в стараниях прошла.
 Как солнце всем светит
 и лучиком греет,
 Как воздух для всех одинаково есть,
 Так я в жизни каждого поровну сею,
 Частичку везения дарю, словно песнь!

Тоска

Тихо падают листья в саду,
 И ковер на земле все пестрее.
 И тоску я унять не могу,
 И себя постоянно жалею.

Одиночество – страшная мука.
 От него только холод идет.
 Выносить с кем-то близким разлуку
 – к темной пропасти это ведет.

В этой пропасти жутко и сыро,
 Нет в ней света и нет в ней тепла.
 Сердце горечью так защемило.
 Близкий мне, он ушел навсегда.

Дух мой сильный,
 мой дух безмятежный
 Одиночеству сдаться готов.
 Жизнь не будет моя уже прежней,
 Нет в ней больше друзей и врагов.

Душа моя

Душа моя, соратница, подруга.
 С тобою на двоих одна подушка.
 С тобой идем, нас годы подгоняют,
 Превратности судьбы
 кнутом хлестают.

И пули в нас свинцовые пускают,
 Возможности столкнуть не упускают.
 Но ты со мной, меня не предавала.
 Нас жизнь в оковы тяжкие сковала.
 Душа моя, тебя я истерзала.
 Судьба тебя немало потрепала.
 Душа моя упряма, не сдаешься,
 И думам по ночам ты предаешься.
 Все бродишь где-то,
 сны в меня вселяя,
 В них разглядеть могу кусочек рая.
 Душа моя, как космос, ты бездонна,
 А я твой раб, слуга у гегемона.
 Душа моя ничуть не надломилась,
 Хоть и слезами долго ты кормилась.
 Душа моя, соратница, подруга.
 Еще мы выпьем счастье
 с одной кружки.
 Я лишь прошу, меня не покидай,
 Найдем с тобой вдвоем дорогу в рай.

Детство

Расцвела черемуха
 В мамином саду.
 Я на запах ягоды
 Резво прибегу.

Проберусь через забор –
 Синие дощечки,
 А на них белый узор,
 Он похож на свечки.

Сквозь кусты я прокрадусь,
 Нарву спелых ягод,
 А потом домой примчусь,
 Мама будет рада.

Спелая черемуха...
 Мамино дитя...
 Помню годы детства я
 Много лет спустя.

Прихожу я в старый сад,
Но уже не резво,
Посидеть в нем просто рад
Я с душою трезвой.

Где о космосе мечтал,
Где пускал кораблик,
Песни громко напевал,
Словно певчий зяблик.

Вспоминаю мамин дом
И забор со свечкой,
Где струился дым клубком
Из трубы от печки.

Убежало, утекло
Время непростое.
Вспоминать так нелегко
Детство золотое.

Клетка

Птица-невольница в клетке томится.
Злой похититель над нею глумится.
Клетка золотая в тюрьму превратилась.
Птица несчастная неба лишилась.
Крыльями ей не взмахнуть, не взлететь.
Прутья не сможет она одолеть.
Лучше свободу без золота иметь,
Ввысь, ближе к солнцу, свободно лететь.
Пленницей быть - это адская мука.
Воли лишившись, жить с небом в разлуке.
Птица-игрушка в злодейских руках,
Нет больше жизни и счастья в глазах.
Снятся ей сны, в них летает она.
В снах ее жизнь разных красок полна.
Клетка-темница вся золотом слита,
Слез бедной птицы немало пролито.
Золото счастье ей не принесет,
Если в неволе без неба живет.

Асет Вазаева

Как мечты сбываются?

Очерк

«Орфей» – так называется международный вокальный фестиваль – конкурс, посвященный памяти легендарного певца с мировым именем Муслима Магомаева. Он ежегодно проходит в Чеченской Республике. Традиция эта зародилась с легкой руки Анжелики Ахъядовны Зубайраевой, директора Чеченского государственного колледжа культуры и искусств имени Вахи Татаева, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, Заслуженного деятеля искусств Чеченской Республики.

Первый конкурс вокалистов состоялся в 2018 году. Он был настолько удачным, что руководство Министерства культуры ЧР (министр культуры на тот период Х.-Б. Дааев) решило сделать его ежегодным. Последний, 6-й по счету, прошел в середине ноября прошлого (2023) года. Как и предыдущие «магомаевские» конкурсы, он подарил жителям республики и ее гостям много незабываемых впечатлений от яркого и зрелищного праздника искусства и дружбы народов. «Орфей» собирает вокалистов не только из разных регионов России, но и зарубежья.

Как родилась такая продуктивная идея? Отвечая на этот вопрос, Анжелика Ахъядовна вспоминает:

– У нас ежегодно, начиная с 2009 года, с успехом проходит международный танцевальный конкурс имени Махмуда Эсамбаева. Это большой праздник для любителей хореографии и мощный импульс для развития этого популярного в республике вида искусства. Имею к нему прямое отношение, потому что занималась организацией первого «эсамбаевского» конкурса, будучи художественным руководителем Театрально-концертного зала г. Грозного. Но при этом мне ближе музыкальное искусство, которое не менее важно для духовного развития личности. Я окончила в 1990 году теоретическое отделение Чечено-Ингушского музыкального училища, которое славилось на всю страну качеством подготовки специалистов. Еще в студенчестве начала писать музыку. Я и сейчас продолжаю сочинять, на моем счету десятки песен. После училища я собиралась поступать на вокальное отделение консерватории. Любила петь и хотела развиваться в этом направлении. Но родители не отпустили учиться в другой город, и я поступила в Чечено-Ингушский государственный университет на филологический факультет. А фестиваль, конкурс памяти Муслима Магомаева, которого до сих пор любят миллионы людей, это дань мечте юности и величайшему таланту Певца и Человека с большой буквы, который может быть примером для начинающих артистов, включая наших студентов. Так родился проект, который я согласовала с Тамарой Синявской, вдовой Муслима Магомаева, заведующей кафедрой вокала ГИТИСа (Государственный институт театрального искусства. Москва).

Сергей Шеремет и Анжелика Зубайраева.

Не зря говорится: «Лиха беда – начало». Анжелике Зубайраевой пришлось напрячь все силы, чтобы красивая идея получила соответствующее воплощение. К тому времени у нее был немалый опыт организации различных культурных мероприятий не только республиканского, межрегионального, но и международного уровней. «Орфей» имел международный статус, да и громкое имя М. Магомаева ко многому обязывало.

Полторы сотни заявок с видео-выступлениями от кандидатов на участие прислали по интернету. Из них надо было выбрать лучших, пригласить в Грозный, обустроить, создать комфортные условия для конкурсных выступлений, подобрать компетентное жюри, встретить гостей, проводить. В общем, хлопот было невпроворот. В результате все удалось сделать на достойном уровне. И как награда за труды – благодарность участников, зрителей и личный фактор – победа в конкурсе сына Дени, студента ГИТИСа, как и мама, влюбленного в творчество Муслима Магомаева. Он со школьных лет разучивал магомаевские песни и решил испытать свои силы. И был вознагражден – жюри присудило московскому студенту Гран-при!

Мне удалось побывать на последнем (6-м) фестивале-конкурсе «Орфей» (организатор – коллектив госфилармонии имени Аднана Шахбулатова). Проходил он в красивейшем здании ЧР, во Дворце торжеств имени Дагуна Омаева. Но и в этой ситуации мать и сын Зубайраевы оказались героями дня: Дени по традиции выступает как почетный гость на торжественном открытии и закрытии фестиваля-конкурса, исполняя вокальные номера из магомаевского репертуара. И его красивый, мощный баритон зрители встречают восторженно. А его маму на последнем «Орфее» ждал приятный сюрприз. После гала-концерта и церемонии награждения победителей на сцену поднялся недавно назначенный министр культуры Чеченской Республики Муса Магомедович Дадаев. Он тепло поприветствовал присутствующих, поздравил виновников торжества и приступил к самой важной и приятной части – вручению наград.

Анжелика Ахьядовна получила из рук министра почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», что было встречено залом горячими аплодисментами.

Зрители в большинстве своем представляли сферу культуры и хорошо знали о достижениях А. Зубайраевой, ее творческом, организаторском и человеческом талантах. Поэтому с радостью восприняли новость о присвоении ей почетного звания российского уровня. Награда нашла своего героя!

Не меньше других радовался за автора «магомаевского» проекта самый почетный гость фестиваля Сергей Шеремет – бессменный председатель жюри «Орфея» и других престижных конкурсов в ЧР. Он тоже в этот замечательный вечер удостоился щедрого подарка: Глава ЧР наградил его медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой». После вручения в торжественной обстановке министром Мусой Дадаевым награды, московский гость, взволнованный таким приятным сюрпризом, подошел к микрофону и выступил с короткой речью, которая никого из присутствующих не оставила равнодушным. После теплых слов благодарности в адрес руководства он сказал, что ему всегда приятно бывать в Грозном, куда приезжал много раз:

– Я рад, что благодаря моему первому студенту Дени Зубайраеву и его замечательной маме Анжелике Ахьядовне, которую очень уважаю, я ближе узнал чеченский народ, можно сказать, породнился с ним. Счастлив получить почетную награду от Главы республики, благодарен за высокую оценку моего скромного труда. Об отношении к республике, к чеченскому народу могу сказать словами: «Если бы пришлось родиться заново, то захотел бы родиться чеченцем». Я от души желаю народу Чеченской Республики процветания!

Таким образом, Анжелика Ахьядовна подарила своим замечательным проектом не только праздник искусства международного уровня, но и пополнила круг столичных друзей чеченского народа. Значимость данного факта читатель может оценить сполна, узнав о послужном списке С. Шеремета.

Сергей Владимирович – лауреат международных конкурсов, Заслуженный артист Украины, доцент кафедры «Вокальное искусство» Российского государственного института театрального искусства (ГИТИСа), доцент Академии хорового искусства им. Попова. Перечень почетных регалий можно продолжать. Но лучше сказать коротко, как есть: талантливый и популярный не только в столице, но и за пределами вокалист, а также замечательный педагог, который вкладывает в своих студентов и знания, и щедрую душу.

Лишним свидетельством тому история Дени Зубайраева, которой он поделился:

– Начало моей студенческой жизни в Москве у меня было непростым, потому что в отличие от сокурсников я был менее подготовленным. Но мне повезло с педагогом. Сергей Владимирович, несмотря на большую загруженность, занимался со мной дополнительно, пока я не догнал остальных. Даже сейчас, спустя годы после выпуска, он продолжает поддерживать, вдохновляет, переживает, что у меня мало возможностей реализовать вокальный потенциал по полученной в вузе специальности «артист музыкального театра». В Грозном ведь нет музыкального театра. Поэтому я занимаюсь преподавательской деятельностью, учу вокальному

искусству студентов колледжа культуры и искусств. В этой работе мне помогают уроки Сергея Владимировича. Стараюсь быть на него похожим.

Сергей Шеремет очень тепло отзывается о своем выпускнике, принимает участие в его творческой судьбе, включая в том числе и концертные программы.

Вот такой замечательный человек пополнил круг лучших друзей Чеченской Республики. И все это благодаря Анжелике Ахъядовне Зубайраевой, которая воспитала хорошего сына, ставшего одним из культурных звеньев между Москвой и Грозным.

Уже 11 лет, как мать и сын трудятся в одном коллективе, занимаются очень важным делом – растят культурное молодое поколение. И это у них хорошо получается, судя по многочисленным знакам отличия и поощрениям. Одна из последних новостей этого разряда: Чеченский государственный колледж культуры и искусств им. В. Татаева занял 2 место в рейтинге средних профессиональных учебных заведений ЧР.

Впрочем, это было ожидаемо. Анжелика Ахъядовна умеет добиваться успеха при любых обстоятельствах. В качестве доказательства можно привести, к примеру, такой факт из ее биографии. До колледжа она руководила Национальной музыкальной школой для одаренных детей им. Муслима Магомаева.

Этого учреждения дополнительного образования до 2011 года в республике не было. Были музыкальные и художественные детские школы, которые относились к муниципалитетам. Руководство приняло решение создать музыкальную школу республиканского уровня, которая будет служить методическим центром, образцом для остальных.

Задача была сложной, потому что остро не хватало педагогов соответствующей квалификации. Раньше, до войны, таких специалистов выпускало грозненское музыкальное училище. Но от него остались только воспоминания после боевых действий в Грозном в начале 1995 года. Русскоязычные преподаватели разъехались по всей России, спасаясь от войны.

В такой, мягко говоря, неблагоприятной обстановке предстояло создавать новое учреждение. Кому поручить такое ответственное задание? Конечно, Анжелике Зубайраевой, талантливому организатору и музыканту, которая прекрасно проявила себя на разных участках культурного строительства. Сфера культуры поднималась из руин. Везде требовались хорошие руководители, способные вдохнуть жизнь в восстановленные культурные объекты. Заместитель директора Продюсерского центра минкультуры ЧР, художественный руководитель Театрально-концертного зала, художественный руководитель чеченской госфилармонии – везде она была на своем месте. Торжественно, с концертной программой открывала новостройки (стадион «Ахмат-Арена», высотки «Грозный-Сити», мемориальный комплекс «Аллея Славы», и т. д.). Организовывала Дни чеченской культуры в Иордании, Турции и во многих российских регионах. Любое задание, любая работа была ей под силу.

Поэтому назначение А. Зубайраевой директором новорожденной школы было обоснованным. И вскоре проект получил воплощение в лучшем виде. Пустующее, заброшенное здание в Старопромысловском районе после капитального ремонта получило вторую жизнь. Коллектив директор собирала не только по республике и регионам России, но и за рубежом нашей родины. В результате удалось создать учреждение, которое было лучшим не только в ЧР, но и в масштабах страны. Через 4 года после открытия НМШ им. Муслима

Магомаева вошла в число 50 победителей во всероссийском конкурсе «Лучшая детская школа искусств РФ», организованном Минкультом РФ.

Когда министр культуры ЧР Хож-Бауди Буарович Дааев задумал поднять уровень обучения в колледже культуры и искусств, он назначил директором Анжелику Ахьядовну. И она, как и прежде бывало, оправдала доверие. За прошедшие 7 лет данное учебное заведение расширилось на 3 отделения. Последнее пополнение – Школа креативных индустрий, которая открылась в 2023 году (начале учебного года).

Студенты ЧГККИ им. В. А. Татаева отлично выступают на различных творческих конкурсах, завоевывают почетные места на состязаниях межрегионального и всероссийского уровней.

Психологи делят людей на два типа: локомотивы и вагоны. В жизни нужны и те, и другие. Но первый тип важнее, их, способных взвалить на себя огромный груз и тащить весь «состав», не жалуясь на усталость, обеспечивая успех порученному делу, мало.

Из разных книг, лекций специалистов мы узнаем, как выработать в себе лидерские качества. Но опыт показывает, что теоретические премудрости редко дают результат. Судьба нашей героини лишнее тому доказательство.

Из четверых детей в семье Ахьяда и Азы Алиевых Анжелика была младшей. Долгожданная (11 лет между ней и старшей сестрой), красивая, смышленная девочка с артистическими способностями была общей любимицей. Она могла вырасти избалованной эгоисткой. Но получилось наоборот. Анжелика росла самостоятельной и ответственной. С раннего детства знала, что ей нужно и как этого добиться.

В семье Алиевых очень любили музыку. Отец семейства – бригадир слесарей на автокомбинате, вечером, отдохнув от работы, брал в руки дечиг-пондар и играл полубившиеся мелодии. Больше всех эти домашние концерты любила младшая дочь, даже не хотела засыпать без папиной музыки.

Алиевы жили в центре Грозного. Пятилетняя Анжелика узнала, что неподалеку расположен Дом учителя, где есть разные кружки. Девочка, не докучая вечно занятым родителям (мама работала заведующей магазином «Спортовары»), сама нашла нужный адрес, пошла и записалась на кружок по классу «фортепьяно». Через три года, когда она поступила в музыкальную школу № 1 г. Грозного, выяснилось, что она опережает в подготовке своих одноклассников.

Чем больше Анжелика погружалась в мир музыки, тем сильнее в него влюблялась. Поэтому никто не удивился, когда она, получив аттестат зрелости в общеобразовательной школе № 41, решила поступить в музыкальное училище и стать профессиональным музыкантом. Нынешней молодежи трудно представить, как тяжело было абитуриентам советского периода. Приемной комиссии нужно было предъявить хорошие знания и способности. Да еще победить в конкурсе. Ни деньги, ни связи, ни статусные родители (за редким исключением) погоды не делали.

В музыкальном училище г. Грозного, которое считалось одним из лучших на Северном Кавказе, отбор среди абитуриентов проводили особенно тщательно. Во-первых, потому что учиться здесь было тяжело. А во-вторых, педагоги чувствовали повышенную ответственность перед обществом за подготовку элитных специалистов – певцов, композиторов, музыкантов, призванных творить самую изысканную и востребованную духовную пищу.

*Анжелика Зубайраева
с сыном Дени*

Анжелика успешно выдержала вступительные экзамены, хорошо закончила престижное учебное заведение, и это стало одним из факторов ее профессионального успеха, а также сильный характер, который вкупе с трудолюбием и творческим, говоря по-современному, креативным подходом, дает нужные результаты.

«Женщина-праздник» – так часто называют А. Зубайраеву. Но мало кто знает, как много ударов судьбы выпало на ее долю. Кроме тех, что пережили из-за военных действий все представительницы слабой половины ЧР, у нее свои, добавочные. Достаточно сказать, что в довольно молодом возрасте овдовела: ее муж, артист филармонии (певец) Руслан Зубайраев скоропостижно скончался из-за инфаркта в

42 года. У 33-летней вдовы остались на руках сыновья Хамзат и Дени – 11 и 9 лет. И это в тяжелые голодные годы поствоенной разрухи.

Верно говорится: «Беда не приходит одна». В 2005 году ушел из жизни отец, а через два года – мама. Но Анжелика достойно выдержала все жизненные испытания. Оставшись единственной кормилицей семьи, она решила получить еще одну специальность, более востребованную в возрождающейся республике – экономиста. В итоге у нее три диплома.

Напряженная работа не оставляла шанса на расслабление и переживания. Надо было обеспечивать семью, воспитывать сыновей так, чтобы они не чувствовали сиротства, ничем не были обделены. И это ей, с помощью Всевышнего, удавалось. Правда, на сердце от пережитого оставались шрамы, которые со временем затянулись, но не исчезли. Со слезами на глазах героиня очерка вспоминает, как умерла ее мать:

– Это произошло в 2007 году. Вечером пришла с работы и вижу – мама без настроения, говорит, что неважно себя чувствует. Я говорю, мол, завтра не смогу отпроситься, в республике проходит межрегиональный фестиваль культуры и искусств «Мир Кавказу», где я плотно задействована. А послезавтра пойдем в больницу на обследование. Она согласилась, сказала, что болей нет, как и острого состояния, мол терпимо все. Через день, как и планировалось, я собрала ее, и мы с братом, поддерживая маму с двух сторон, стали спускаться втроем по лестнице. Через несколько пролетов мама захотела передохнуть и опустилась на ступеньку. И вскоре умерла, на наших глазах, на наших руках... Это невозможно забыть. Я себя долго корила, думала, что пропущенный мной из-за неотложной работы день мог стать причиной трагедии. Хотя богословы утверждают, что смерть, как и рождение, предопределена.

Считается, что творческие люди в быту беспомощны, им не хватает деловой хватки, житейской находчивости. Но это не про Анжелику Ахьядовну. Трудности, которые могли сломить слабых духом, ее закаляли. Наверное,

потому что у нее изначально оказался надежный внутренний стержень. Любовь к детям, к искусству, творчество, любимая работа держали на плаву. В трудные периоды поддерживали братья Руслан и Мамед, а также сестра Лейла и другие родственники.

Сейчас у нашей героини светлая полоса. Рядом с ней супруг Алаш Габазов (директор НМШ им. Муслима Магомаева), с которым у них общий ребенок – сын Мансур, школьник. Средний сын Дени год назад женился и недавно стал отцом. Юная жена сына Мэриэт осчастливила свекровь внуком. Она тоже, как и все Зубайраевы, любит музыку, окончила Национальную музыкальную школу для одаренных детей им. М. Магомаева и продолжает учебу в ЧГККИ, который и стал местом судьбоносной встречи.

А старший сын Хамзат пока без пары. Он, как и все Зубайраевы, любит искусство, увлечен творчеством. Он окончил Чеченский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, где получил специальность режиссера видеомонтажа. У Хамзата есть своя студия, где он и творит.

Сыновьям Анжелики повезло родиться у матери, обладающей наряду с профессиональными и деловыми качествами семейным талантом. Широко образованная, авторитетная, мудрая, сильная, с активной жизненной позицией – она надежная опора своим детям. И не только им. Имея щедрое, отзывчивое сердце, Анжелика Ахъядовна готова прийти на помощь всем окружающим. И прежде всего, членам своего коллектива, которых она воспринимает как свою большую семью, в которую вкладывает силы и время ничуть не меньше, а даже больше.

Считается, что чем больше разнятся физиологически родители, тем удачнее по внешним данным и внутреннему развитию их потомки. Эта примета вполне применима к семье Алиевых, которую создали отец-чеченец и мать-ингушка из рода Костоевых. Родители сохранили взаимное уважение и бережное отношение в течение всей совместной жизни. Они ушли в мир иной, но оставили детям в наследство бесценные уроки жизни.

На последний вопрос – «О чем мечтаете?» – А. Зубайраева ответила:

– Хочется, чтобы в нашей республике был институт культуры федерального значения. И хорошо бы иметь, как и в других регионах, музыкальный театр. Одна моя давняя мечта уже сбылась. В 2001 году я обратилась к Главе Республики Ахмат-Хаджи Кадырову с предложением открыть музыкальную школу для одаренных детей. Через десять лет такая школа появилась под моим руководством, благодаря решению Рамзана Ахматовича Кадырова. Надеюсь, реализуются и новые замыслы.

Вот такая она, наша современница, наполненная до краев энергией созидания. У нее призвание творить красоту и учить молодежь этому благородному делу. Призвание свое Анжелика Ахъядовна уже много лет успешно реализовывает. Об этом свидетельствуют не только престижные награды, но и успехи выпускников колледжа. И еще внимание журналистов: А. Зубайраева – героиня очерков в книгах «Созвездие», «Знаменитые люди Кавказа», а также многочисленных публикаций в прессе.

Память**Возвращение домой...**

В бытность, когда журнал «Вайнах» выходил раз в месяц (сейчас это вспоминается и воспринимается как сказка), главный редактор Муса Ахмадов возложил на меня, кроме отдела публицистики, поиск талантливых чеченских художников для четырех страниц обложки каждого номера. Так как талантливые художники табунами не ходят, задача была не из простых. Повторюсь, тогда это надо было проделать раз в месяц и обязательно на четыре страницы обложки. Для контраста – сейчас это делается раз в три месяца и только для лицевой страницы обложки. Я стал ходить на всевозможные выставки, в музеи, знакомиться, обзванивать друзей и коллег, отслеживать молодых перспективных выпускников художественных факультетов и училищ.

В один из летних дней 2014 года я вышел на очередную «охоту» – поиски нового художника для следующего номера. Дело было в музее «Аллея Славы». Хожу я, брожу по картинным галереям и ищу среди знакомых картин незнакомые. Завернув за очередной угол крыла музея, я увидел четырехножные подставки, на которых выставлены картины, их мне пришлось лицезреть впервые. Тут тебе и какая-то урбанистическая фантазмагория, и фэнтези, и горные пейзажи, которые были выполнены в разных направлениях и жанрах, с одной стороны, присутствовала классическая подача, с другой – с современными элементами ухода в иную реальность. Далее картины изрядно «консервативного толка» с изображением старого Грозного... Я подумал, что этот «микс» разных стилей от разных художников выставлен здесь специально, чтобы зритель явственно прочувствовал стили и направления изобразительного искусства, вероятнее всего, чеченских художников разных поколений. В этот момент рядом со мной встал молодой мужчина и поздоровался. Ответив на его приветствие, я продолжил разглядывать картины. Молодой человек оставался на месте, и в какой-то момент я заметил, что сам он не столько картины разглядывает, сколько следит за моей реакцией.

– Ты здесь работаешь? – спросил я.

– Да, – ответил он.

– А кто авторы этих картин? Наши местные художники?

– Я, – ответил он.

– В смысле «ты»? – переспросил я. – Это все написано рукой одного художника?

– Да, – ответил он.

У меня еще в голове мелькнула из Бродского: «Позволял своим связкам все звуки, помимо воя» – с последующим перефразированием: «Позволял своей кисти все виды мазков...»

Так я познакомился с Чингисханом Хасаевым.

С того самого дня началась... нет, не дружба – для дружбы мы редко виделись и общались, началось наше знакомство, добрые отношения и сотрудничество Чингисхана с нашим журналом. При каждом удобном случае журнал публиковал репродукции его картин. На мои просьбы прислать «тематические» работы – для зимнего номера «зиму», для осеннего – «осень», Чингисхан только улыбался в ответ, но каждый раз удовлетворял мои дилетантские заскоки своей пронзительной пейзажной живописью.

Однажды он отправил на мою почту большое количество слайд-фотографий своих картин и следом написал об этом в «Ватсапе», что так мол и так, что могу в любое время распорядиться на свое усмотрение этими фотографиями для публикации в нашем издании, и необязательно спрашивать у него на то разрешение. В конце он привел довольно-таки комплиментарный текст в мой адрес, что считаю нескромным здесь его приводить.

Одна из последних работ, которую мы опубликовали на обложке «Вайнаха» была картина «Первый снег». Это был №4 за 2023 год. У меня никак «не доходили руки», чтобы заскочить к Чингисхану с парой памятных для него номеров – то одно, то другое, то третье... И вдруг страшная и печальная весть о его смерти... Когда я прочел эту новость, первое, что приходило на ум: кому это взбрело в голову так глупо пошутить...

Позже перечитывал нашу переписку по электронной почте и в «Ватсапе»... Рассматривал его картины, в которых сейчас начали появляться новые символы и смыслы... Его фотография, которую он по моей просьбе прислал, для первой публикации в журнале... И в которой раз правдивость слов Анны Ахматовой о том, что со смертью человека изменяется его портрет...

Я свидетельствую, что Чингисхан Хасаев был одним из немногих порядочных людей, которых я когда-либо знал.

Заново листая на компьютере изображения его картин, взгляд остановился на работе под названием «Мечты о возвращении домой», которая была опубликована в «Вайнахе» в 2022 году. Мне кажется, любое произведение Чингисхана могло бы носить такое название. И вообще – любое поистине подлинное произведение искусства – это мечта о возвращении домой.

Ибо сказано в Коране: Инна лилляхи ва-инна иляйхи раджиун – Воистину, мы принадлежим Аллаху и к Нему наше возвращение.

Аллах!а гечдойла хьуна!

Аллах!а декъалвойла хьо, Чингисхан!

P.S. На обложке: репродукция картины Чингисхана Хасаева «Довоенный Грозный».

Саламбек Алиев

